СОЧИНЕНІЯ

К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Стихотворенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

СОЧИНЕНІЯ

К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Стихотворенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

 Типографія А. Ф. Маркса. Средн. Подьяческая. № 1.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

БАЛЛАДЫ, ФАНТАЗІИ и СКАЗЫ.

СТАТУЯ.

(П. В. Быкову.)

Надъ озеромъ тихимъ и соннымъ,
Прозраченъ, игривъ и пѣвучъ,
Сливается съ камней на камни
Холодный, желѣзистый ключъ.

Надъ нимъ молодой гладіаторъ:
Онъ раненъ въ тяжеломъ бою,
Онъ силится брызнуть водою
Въ глубокую рану свою.

Какъ только затеплятся звѣзды,
И ночь величаво сойдетъ,
Выходятъ на землю туманы,—
Выходитъ русалка изъ водъ.

И, къ статуѣ грудь прижимая,
Косою ей плечи обвивъ,
Томится она и вздыхаетъ,
Глубокія очи закрывъ.

И видятъ полночныя звѣзды,
Какъ проситъ она у него

Отвѣта, лобзанья и чувства,
И какъ обнимаетъ его.

И видятъ полночныя звѣзды,
И шепчутъ двурогой лунѣ,
Какъ холоденъ къ ней гладіаторъ
Въ своемъ заколдованномъ снѣ.

И долго два чудныя тѣла
Бѣлѣютъ надъ спящей водой...
Лежитъ неподвижная полночь,
Сверкая алмазной росой;

Сіяетъ торжественно небо,
На землю туманы ползутъ;
И слышно, какъ мхи прорастаютъ,
Какъ сонныя травы цвѣтутъ...

Подъ утро уходитъ русалка,
Печальна, бѣла и блѣдна,
И въ сонныя волны спускаясь,
Глубоко вздыхаетъ она...

ВЕСТАЛКА.

Въ храмѣ пусто. Краснымъ свѣтомъ
Обливаются колонны,
Съ тихимъ трескомъ гаснетъ пламя
У весталки Герміоны.

—

И сидитъ она на камнѣ,
Ничего не замѣчая,
Съ плечъ долой сползла одежда,
Блещетъ грудь полунагая.

—

Блѣденъ ликъ преображенный,
И глаза ея закрыты,
А коса, сбѣжавъ по тогѣ,
Тихо падаетъ на плиты.

—

Каждой складкой неподвижна,
Не глядитъ и не вздыхаетъ;
И на бѣломъ изваяньи
Пламя красное играетъ.

—

Снится ей покой богатый,
Золоченый и счастливый;
На широкомъ, пышномъ ложѣ
Дремлетъ юноша красивый.

—

Въ ноги сбито покрывало,
Жмутъ докучныя повязки,
Дышатъ свѣжестью и силой
Всѣ черты его и краски...

—

Снится ей народъ и площадь,
Снятся ликторы, эдилы,
Шумъ и клики,—мракъ, молчанье
И тяжелый гнетъ могилы...

—

Въ храмѣ пусто... Гаснетъ пламя!
Чуть виднѣются колонны...
Веста! Веста! Пощади-же
Сонъ весталки Герміоны!..

МЕМФИССКІЙ ЖРЕЦЪ.

Когда я былъ жрецомъ Мемфиса
Тридцатый годъ,
Меня пророкомъ Озириса
Призналъ народъ.

* * *

Мнѣ дали жезлъ и колесницу,
Воздвигли храмъ;
Мнѣ дали стражу, дали жрицу —
Причли къ богамъ.

* * *

Во мнѣ народъ искалъ защиты
Отъ золъ и бѣдъ;
Но страсть зажгла мои ланиты
На старость лѣтъ.

* * *

Клянусь! Клянусь безсмертнымъ Фтою,—
Широкій Нилъ,
Такой красы своей волною
Ты не поилъ!..

* * *

Когда, молясь, она стояла
У алтаря,
И краснымъ свѣтомъ обливала
Ее заря;

* * *

Когда, склонивъ свои рѣсницы,
И вся въ огнѣ,
Она, по долгу первой жрицы,
Кадила мнѣ...

* * *

Я долго думалъ: царь по власти,
Я господинъ
Своей тоски и мощной страсти
Моихъ сѣдинъ;

* * *

Но я призналъ, блестя въ коронѣ,
Съ жезломъ въ рукѣ,
Свой приговоръ въ ея поклонѣ,
Въ моей тоскѣ.

* * *

Разъ, службу въ храмѣ совершая,
Уставъ молчать,
Я, перстень свой сронивъ вставая,
Велѣлъ поднять.

* * *

Я ей сказалъ: «Къ началу ночи
Взойдетъ звѣзда,
Всѣ лягутъ спать; завѣсивъ очи —
Придешь сюда».

* * *

Заря, кончаясь, трепетала
И умерла,
А ночь съ востока набѣгала—
Пышна, свѣтла;

* * *

И, купы звѣздъ въ себѣ качая,
Зажегся Нилъ;
Въ своихъ садахъ, благоухая,
Мемфисъ почилъ.

* * *

Я въ храмъ пришелъ. Я ждалъ свиданья,
И долго ждалъ;
Горѣла кровь огнемъ желанья,—
Я изнывалъ.

* * *

Зажглась румяная денница,
И ночь прошла;
Проснулась шумная столица,—
Ты не была...

* * *

Тогда, на завтра, въ жертву мщенью,
Я, какъ пророкъ,

Тяжелой пыткѣ и сожженью
Ее обрекъ...

* * *

И я смотрѣлъ, какъ исполнялся
Мой приговоръ,
И какъ, обуглясь, разсыпался
Ея костеръ!

ДѢТИ ЛЮБВИ.

Молчитъ томительно глубоко-спящій міръ.
Лунатикъ страждущій, тяжелымъ сномъ объята,
По тьмѣ полуночной проносится Геката;
За нею въ полчищахъ — и ящеръ, и вампиръ,
И сфинксъ таинственный съ лицомъ жены открытымъ,
И боги мрачныхъ сновъ на тучахъ черныхъ крылъ,
И въ пурпурномъ плащѣ, какъ пламенемъ облитомъ,
Богиня смерти Керъ, владычица могилъ.

Вдругъ искра яркая съ плаща ея скатилась,
Зажгла росу цвѣтка, упавъ въ ночную тьму...
Шла лѣсомъ дѣвушка къ свиданью... Наклонилась—
И принесла цвѣтокъ любимцу своему...
И были счастливы они, не замѣчая,
Откуда блескъ цвѣтка. Огонь любви горѣлъ,
Съ дыханьемъ радости слилось дыханье мая,
И ночь была тиха, и соловей гремѣлъ...

Несутся въ полчищахъ полуночной Гекаты
Толпы дѣтей любви... Какъ много тѣхъ дѣтей!
Младенцы чистые толпятся, сномъ объяты,
Въ нѣмомъ сообществѣ преступныхъ матерей...

Цвѣтки досрочные! Ошибки назначенья!
Они познали жизнь лишь въ смерти трепеща!
Геката любитъ ихъ, умершихъ до рожденья,
И щедро золотитъ ихъ пламенемъ плаща...

А пылкій юноша, того не замѣчая,
Глядитъ на яркій блескъ полуночныхъ лучей
И ловитъ мигъ любви въ живомъ дыханьи мая,
И, видя милый взглядъ чарующихъ очей,
И чуя, какъ горятъ расцвѣтшія ланиты,
Не думаетъ о томъ, какъ быстролетны сны,
Какъ будутъ очи тѣ безвременно закрыты,
Какъ будутъ мертвенно ланиты тѣ блѣдны!

ИѲИМЕДІЯ.

Въ рощѣ дубовой, въ сосѣдствѣ Эвбейскаго моря,
Жилъ съ молодою женою, безъ слезъ и безъ горя,
Старый Алоэ. Жену Иѳимедіей звали...
Каждое утро, пока всѣ домашніе спали,—
Крѣпче другихъ спалъ Алоэ,—она уходила
Къ близкому морю; служанка коверъ приносила,
Масла, духи. Иѳимедія платье снимала,
Черныя, длинныя косы свои распускала;
Взглядомъ пугливымъ кругомъ побережье окинувъ,
Въ утреннемъ вѣтрѣ отъ проспанной ночи остынувъ,
Въ воду входила; черпнувши, дрожа, обливалась,
И, осторожно по камнямъ пройдя, погружалась...
Старый Нептунъ приходился ей дѣдомъ. Въ тѣ годы
Боги сближались съ людьми; допускались разводы;
Чаще безъ нихъ обходились и брачной постели
Не сторожили, какъ мы, а сквозь пальцы глядѣли.
Богъ и властитель пучины, объѣздъ совершая,
Мелкихъ чиновниковъ моря, тритоновъ, пугая,
Многихъ кувыркая въ воду, другимъ въ назиданье,

Часто повадился къ внучкѣ ходить на купанье.
Бѣдная долго понять не могла: нѣги полны,
Что́ говорятъ и чего добиваются волны?
Но, наконецъ, поняла; а понявъ — полюбила;
Каждое, каждое утро купаться ходила!
Море въ себя принимало ее... Что-же проще?
Ну, ужъ и нравилось это дріадамъ въ той рощѣ!..
Старый Алоэ, проснувшись, глаза протирая,
Вздумалъ взглянуть на жену. Онъ одѣлся зѣвая,
Вышелъ, глядитъ: съ набѣгающей пѣною споря,
Бьетъ Ифимедія волны упрямаго моря,
Рѣже, слабѣетъ, неровно и трепетно дышетъ...
Море, поднявши ее надъ собою, колышетъ...
Долго старикъ любовался, глядѣлъ, улыбнулся
И, глубоко осчастливленный, къ дому вернулся!

НА РАСКОПКАХЪ.

Тамъ, гдѣ царилъ Пріамъ надъ Троею богатой—
Могучимъ очеркомъ рисуясь при лунѣ,
Разбужено киркой, встревожено лопатой,
Видѣнье Гектора явилося ко мнѣ.

—

Кругомъ пахучій хламъ... На пепелищѣ старомъ
Неслышной поступью бродила грустно тѣнь
Вдоль обгорѣлыхъ стѣнъ, расписанныхъ пожаромъ,
И у развалины присѣла на ступень.

—

Молчатъ кирка̀ и ломъ; вдали слышны шакалы;
Земля, разрытая, нагрѣвомъ дня тепла:
И спятъ рабочіе, улегшись на отвалы,
И тихо искрится въ зеленомъ свѣтѣ мгла.

—

И Гекторъ былъ одинъ! И слухомъ раздраженнымъ,
Не успокоеннымъ могилою ничуть,
Онъ слышитъ копій свистъ, по шлемамъ позлащеннымъ
Стукъ бронзовыхъ мечей, удары ихъ о грудь.

—

И Гекторъ думаетъ: «О, мелочность людская,
Грабежъ, допущенный въ обители гробовъ!
Трудъ святотатственный! Въ васъ жизнь, оскудѣвая,
Себѣ отыскиваетъ въ рухляди—обновъ!

—

Сама, лишенная простыхъ и чистыхъ красокъ,
Она ихъ ищетъ тамъ, гдѣ міръ загробный спитъ,
И холодъ золота могильныхъ нашихъ масокъ
Имъ теплымъ кажется и пламенемъ горитъ!

—

Когда отроютъ ихъ средь будущей пустыни,
Смѣнившей торжища, потомки не найдутъ
Ни неосмѣянной во времени святыни,
Ни успокоенныхъ въ художествѣ минутъ.

—

Найдутъ осколки, ломъ безъ смысла и значенья,
Найдутъ могучій слой невѣдомыхъ кладбищъ;
Онъ возникалъ у нихъ, лишенный попеченья,
Онъ будетъ, какъ они, глубоко пустъ и нищъ!

—

И молча встала тѣнь и обошла окопы...
Затеплилась заря въ сіяньяхъ золотыхъ,
И начали опять работать землекопы,
Тревожа міръ тѣней для прибылей своихъ...

МЕРТВЫЕ БОГИ.

(И. П. Архипову.)

Тихо раздвинувъ рѣсницы, какъ глазъ безконечный,
Смотритъ на синее небо земля полуночи.
Всѣ свои звѣзды затеплило чудное небо.
Мѣсяцъ серебряный крадется тихо по звѣздамъ...
Свѣту-то, свѣту! Мерцаетъ окованный воздухъ;
Дремлетъ увлаженный лѣсъ, пересыпанъ лучами!
Будто изъ мрамора или изъ кости сложившись,
Мчатся высокія, изжелта-бѣлыя тучи;
Мѣсяцъ, ныряя за ихъ набѣжавшія гряды,
Золотомъ рѣжетъ и яркой каймою каймитъ ихъ!

—

Это не тучи! О, нѣтъ! На вѣтрахъ полуночи,
Съ горъ Скандинавскихъ, со льдовъ Ледовитаго моря,
Съ Ганга и Нила, изъ мощныхъ лѣсовъ Миссисипи,
Въ лунныхъ лучахъ налетаютъ отжившіе боги!
Тучами кажутся ихъ непомѣрныя тѣни,
Очи закрыты, опущены длинныя вѣки,

Низко осѣли на царственныхъ ликахъ короны,
Бѣлые саваны медленно вьются по вѣтру,
Въ скорбномъ молчаніи шествуютъ мертвые боги!..

—

Какъ не замѣтить тебя, властелина Валгаллы?
Мраченъ, какъ сѣверъ, твой обликъ, Оденъ сѣдовласый!
Виденъ и мечъ твой, и щитъ; на иззубренномъ шлемѣ
Свѣтлою искрой пылаетъ звѣзда полуночи;
Тихо склонилъ ты, развѣнчанный, бѣлое темя,
Дряхлой рукой заслонился отъ луннаго свѣта,
А на плечахъ богатырскихъ несешь ты лопату!
Ужъ не могилу-ли станешь копать, сѣдовласый?
Въ небѣ копаться и рыться, старикъ, запрещаютъ...
Да и идетъ-ли маститому богу лопата?

—

Ты-ли, утопленникъ, сросшись осколками, снова
Мчишься по синему небу, Перунъ златоусый?
Какъ-же обтеръ тебя, бѣднаго, Днѣпръ мутноводный?
Свѣтятся звѣзды сквозь блѣдно-прозрачное тѣло;
Длинные пальцы какъ-будто ногтями расплылись...
Бѣдный Перунъ! Посмотри: вѣдь ты тащишь кастрюлю!
Развѣ припомнилъ былые пиры, да попойки
Въ гридницахъ княжьихъ, на княжьихъ дворахъ и охотахъ?
Полно, довольно, бросай ты кастрюлю на землю;
Жителямъ неба далекаго пищи не надо,
Да и растутъ-ли на небѣ припасы для кухни?

—

Какъ не узнать мнѣ тебя, громовержецъ Юпитеръ?
Будто на тронѣ, сидишь ты на всклоченной тучѣ;

Мрачныя думы лежатъ по глубокимъ морщинамъ;
Чуется снизу, какой ты холодный и мертвый!
Нѣтъ ни орла при тебѣ, ни небеснаго грома;
Мчится, насупясь, твоя мѣловая фигура,
А на колѣняхъ качается дѣтская люлька!
Бѣдный Юпитеръ! За сотни прожитыхъ столѣтій
Въ выси небесной, за дѣтски-невинныя шашни,
Кажется, долженъ ты няньчить своихъ ребятишекъ;
Въ розгу разросся давно обезсиленный скипетръ...
Развѣ и въ небѣ полезны и люлька, и розги?

—

Много еще проносилось боговъ и божечковъ,
Мертвые боги—съ богами, готовыми къ смерти,
Мчались на сфинксахъ двурогіе боги Египта,
Въ лотосахъ бѣлыхъ качался таинственный Вишну,
Кучей летѣли стозубые боги Сибири,
Въ чубахъ китайцевъ покоился Ли безобразный!
Пальмы и сосны, верблюды, брамины и маги,
Скальды, друиды, слоны, бердыши, крокодилы —
Дружно сплотившись и крѣпко насѣвъ другъ на друга,
Плыли по небу одною великою тучей...

—

Чья-жъ это тѣнь одиноко скользитъ надъ землею,
Вслѣдъ за богами, какъ-будто богамъ не причастна,
Но, несомнѣннѣй, чѣмъ всѣ остальныя—богиня!
Тѣнь одинокая, женщина безъ одѣянья,
Вся непривѣтному холоду ночи открыта?!
Ликъ обративъ къ небесамъ, чуть откинувшись навзничь,
За́-спину руки поднявъ въ безграничной истомѣ,

Грудью роскошною въ полномъ свѣту проступая,
Движешься ты, дуновеніемъ вѣтра гонима...

—

Кто ты, прекрасная? О, отвѣчай поскорѣе!
Ты Афродита, Астарта? Тѣ обѣ—старухи,
Смяты страстями, блѣдны, безволосы, беззубы...
Гдѣ имъ, старухамъ! Скажи мнѣ, зачѣмъ ты печальна,
Что̀ въ тебѣ ноетъ, и чѣмъ ты страдаешь такъ сильно?
Можетъ-быть, стыдно тебѣ пролетать безъ одежды?
Можетъ-быть, холодно? Можетъ-быть... Слушай, видѣнье,
Ты—красота! Ты одна въ сонмѣ мертвыхъ живая,
Обликомъ дивнымъ понятна; безъ имени, правда!
Вѣчная, всюду безсмертная, та-же повсюду,
Въ трепетѣ страсти издревле знакомая міру...
Слушай, спустись! На землѣ тебѣ лучше; ты ближе
Людямъ, чѣмъ мертвымъ богамъ въ голубомъ поднебесьѣ:
Боги состарились, ты—молода и прекрасна;
Боги безсильны, а ты, ты, въ избыткѣ желаній,
Млѣешь мучительно, въ свѣтѣ луны продвигаясь!
Въ небѣ нѣтъ юности, юность землѣ лишь доступна;
Храмы сердецъ молодыхъ—ея вѣчные храмы,
Вѣчнаго пламени—вспышки огней одиночныхъ!
Только погаснутъ одни, ужъ другіе пылаютъ...
Брось ты умершихъ боговъ, опускайся на землю,
Въ юность земли, не найдя этой юности въ небѣ!
Боги тебя недостойны—имъ нѣтъ обновленья.

—

Дрогнула тѣнь, и забѣгали полосы свѣта;
Тихо качнулись и тронулись бѣлые лики,

Ихъ безсердечныя груди мгновенно зардѣлись;
Глянула краска на блѣдныхъ, изношенныхъ лицахъ,
Стали слоиться, твой дѣвственный ликъ сокрушая,
Приняли быстро въ себя, отпустить не рѣшившись!
Ты-же, прекрасная, скрывшись изъ глазъ, не исчезла—
Пáла на землю пылающей ярко росою,
Въ каждой росинкѣ тревожно дрожишь ты и млѣешь,
Чуткому чувству понятна, безъ имени, правда,
Вѣчно присуща и всетаки неуловима...

НОЧЬЮ ВЪ ЛѢСУ.

Въ старый лѣсъ вхожу я свѣтлой ночью;
Каждый листъ луною озаренъ,
И осыпанъ неподвижнымъ свѣтомъ,
Старый лѣсъ какъ-будто весь зажженъ.

—

Вижу я: въ изгибахъ безобразныхъ
Своды сучьевъ гнутся до корней,
И блестятъ, одѣты пестрымъ мохомъ,
Груды камней и подгнившихъ пней.

—

Ночь чудесъ! Въ таинственномъ покоѣ,
Ты прекраснѣй сѣвернаго дня...
Вижу я, что кто-то темный, темный,
По деревьямъ мчится на меня,—

—

Тихо обнялъ и ушелъ въ деревья...
Это туча, въ небѣ проходя,
Черной тѣнью пронеслась по лѣсу,
За другою тучею слѣдя.

—

Вонъ колдунъ и великанъ косматый,
Свѣсивъ харю страшную свою,
Повалилъ и душитъ подъ собою
Безсловесныхъ карликовъ семью...

—

Нѣтъ, неправда! Нѣтъ тамъ великана:
Это хата у ручья стоитъ,
Съ грузной крышей, на большихъ каменьяхъ;
Въ ней лѣсникъ, должно быть, крѣпко спитъ.

—

Вонъ вдали, надъ озеромъ витаетъ
Рой русалокъ, свѣтлыхъ и нагихъ;
Сколько лицъ мнѣ видится знакомыхъ,
Сколько лицъ давно ужъ не живыхъ!

—

Вижу я: есть очень молодыя,
Есть постарше—больше ихъ числомъ...
Хоть бы та, что грудь даетъ ребенку
И поитъ холоднымъ молокомъ!

—

Что глядишь мнѣ такъ упорно въ очи?
Взоръ знакомый—ты позеленѣлъ!
Свѣтъ воды мнѣ въ сердце затекаетъ...
Какъ бы я уйти, бѣжать хотѣлъ!

—

Вздоръ! Обманъ! Русалокъ нѣтъ на свѣтѣ...
Задалась утопленница мнѣ

Что-жъ что я видалъ ее когда-то,—
Что гулялъ я съ нею при лунѣ?

—

Только нѣтъ! Она ко мнѣ подходитъ...
Свѣтлый лѣсъ, погасни поскорѣй!
Ты, заря! Что-жъ не идешь такъ долго—
Съ жизнью, съ правдой, съ краскою твоей!

—

Ближе, ближе... Раздается хохотъ,
Раздвигаю кущу тростника:
Въ сердцѣ холодъ, а къ ногамъ, дымяся,
Подкатилась сонная рѣка...

ЛЮДСКІЕ ВЗДОХИ.

Когда въ часъ полуночный люди всѣ спятъ,
И свѣтлыя звѣзды на землю глядятъ,

И мѣсяцъ высокій, дробясь серебромъ.
Въ поляхъ выстилаетъ коверъ за ковромъ,

И тѣни въ причудливыхъ граняхъ своихъ
Лежатъ, повалившись однѣ на другихъ;

Когда въ неподвижно-сверкающій лѣсъ
Спускаются росы съ высокихъ небесъ,

И бѣлыя тучи по небу плывутъ,
И горныя кручи въ туманахъ встаютъ—

Легки и воздушны въ сіяньѣ лучей,
На игры слетаются вздохи людей;

И въ образахъ легкихъ, свѣтясь красотой,
Безплотно рожденные свѣтомъ и тьмой,

Они вереницей, незримо для насъ,
Нашъ міръ облетаютъ въ полуночный часъ.

Съ душистыхъ сиреней, съ ясминныхъ кустовъ,
Съ безсоннаго ока, съ могильныхъ крестовъ,

Съ горящаго сномъ молодого лица,
Съ опущенныхъ вѣкъ старика-мертвеца,

Со слезъ, ускользающихъ въ лунномъ свѣту,
Они собираютъ лучи на-лету;

Собравши,—вѣнцы золотые плетутъ,
По спящему міру тревожно снуютъ

И гибнутъ подъ утро, при первыхъ лучахъ,
Съ вѣнцами на ликахъ, съ мольбой на устахъ.

ПОСЛѢДНІЙ ЗАВѢТЪ.

Въ лѣсахъ алоэ и араукарій,
Въ густой листвѣ банановъ и мимозъ—
Слѣды развалинъ; къ нимъ факиръ и парій
Порой идутъ, цѣпляясь въ кущахъ розъ.

—

Людскіе лики въ камняхъ проступаютъ,
Ряды боговъ поверженныхъ глядятъ!
На стражѣ—змѣи! Видимы бываютъ,
Когда ихъ гнѣзда люди всполошатъ.

—

Зловѣщій свистъ идетъ тогда отвсюду;
Играютъ камни мѣдной чешуей!
Спѣши назадъ! Не то случиться худу:
Нарушилъ ты обѣщанный покой.

—

Покой! Покой... Когда-то тутъ играла
Людскихъ судебъ блестящая волна,
Любовью билась, арфами звучала
И орошалась пурпуромъ вина.

—

Свободны были мыслей кругозоры,
Не знала страсть запретнаго плода,
И мощный царь,—жрецовъ вѣщали хоры.—
Могъ съ божествомъ поспорить иногда...

—

Какихъ чудесъ дворцы его не знали
Въ волшебныхъ снахъ чарующихъ ночей!
Какихъ красотъ въ себѣ не отражали
Часы любви во тьмѣ его очей!

—

Разъ было такъ: чуть занялась денница,
Полночный пиръ, смолкая, утихалъ,
Забылась сномъ на львиной шкурѣ жрица,
Верховный жрецъ послѣднимъ отплясалъ.

—

Еще съ утра, съ нарочными гонцами,
Провѣдалъ царь побѣду надъ врагомъ.
Послѣдній врагъ! Царь—старшій надъ царями!
Онъ дѣлитъ землю только съ божествомъ!

—

Погасло въ немъ послѣднее желанье,
Смутился духъ свободой безъ границъ...
И долго царь глядѣлъ на пированье
Сквозь полутѣнь опущенныхъ рѣсницъ.

—

«Ко мнѣ, мой сынъ!» И до царева ложа,
На утрѣ дней въ лучахъ зари горя,

По ступенямъ, дремавшихъ не тревожа,
Подходитъ робко первенецъ царя.

—

И царь, принявъ отъ сына поклоненье,
Зарѣ навстрѣчу, звукамъ арфы вслѣдъ,
Въ словахъ негромкихъ, будто дуновенье,
Вѣщалъ ему послѣдній свой завѣтъ:

—

«Когда мой часъ невѣдомый настанетъ,
«И сквозь огонь и ароматы смолъ,
«Свободный духъ въ нѣмую вѣчность канетъ,
«Пріемлешь ты въ наслѣдіе престолъ.

—

«Свершивъ обрядъ, предавъ меня сожженью,
«Какъ быть должно по старой старинѣ,
«Ты этотъ городъ обратишь къ забвенью,
«Построишь новый, дальше, въ сторонѣ,—

—

«Чтобъ тишина навѣки водворилась
«Здѣсь, гдѣ замкнетъ мнѣ смерть мои уста,
«Чтобъ въ ходѣ лѣтъ здѣсь вновь не зародилась
«Людскихъ дѣяній вѣчная тщета...

—

«Чтобъ никогда, ни клики поминанья,
«Ни звукъ молитвъ въ кладбищенской тиши
«Не нарушали тихаго блужданья,
«Свободныхъ сновъ живой моей души.

—

«Я такъ усталъ, я такъ ищу покоя,
«Что даже мысль о полной тишинѣ
«Дороже мнѣ всего земного строя
«И всѣхъ другихъ яснѣй, понятнѣй мнѣ...»

—

И божество завѣтъ тотъ услыхало
И, смерть пославъ мгновенную царю,
Въ порядкѣ стройномъ тихо обращало
Въ палящій день прохладную зарю.

—

И далеко отъ этихъ мѣстъ отхлынулъ
Людскихъ страстей живой круговоротъ,
Роскошный лѣсъ живую чáщу сдвинулъ,
И этихъ мѣстъ чуждается народъ.

—

Змѣиный свистъ здѣсь слышенъ отовсюду,
Сверкаютъ камни мѣдной чешуей.
Спѣши назадъ! Не то случиться худу—
Нарушилъ ты обѣщанный покой.

БРАВИ.

(Д. П. Сапіенцѣ.)

Я былъ удалымъ молодцомъ!
Неслись со струнъ моей гитары
Любви и молодости чары.
Я былъ удалымъ молодцомъ!

—

О мнѣ въ стѣнахъ монастырей
Идетъ молва, разводятъ лясы,
И крупный смѣхъ колеблетъ рясы
Святыхъ отцовъ и матерей.

—

Не разъ гонялися за мной,
Смущались поисками сбиры;
Мѣняя вслѣдъ за мной квартиры,
Не разъ гонялися за мной.

—

Въ изображеніи сожгли
Меня, не могши взять въ натурѣ!

То былъ позоръ прокуратурѣ:
Въ изображеніи сожгли!

—

Я зналъ, гдѣ судьямъ путь лежалъ,—
Пошелъ на станцію возницей;
Со мной кто ѣхалъ—мчался птицей!
Я зналъ, гдѣ судьямъ путь лежалъ...

—

И помню я, какъ я ихъ везъ.
Дорога кручами бѣжала.
Они не чуяли нимало,
Зачѣмъ, куда и кто ихъ везъ.

—

И обо мнѣ ихъ рѣчь была.
Молчу и слышу за спиною—
Толкуютъ: какъ имъ быть со мною?
Ихъ откровенна рѣчь была...

—

Узналъ я, кто меня продастъ,
Какую онъ получитъ цѣну
По уговору за измѣну,—
Узналъ я, кто меня продастъ.

—

Узналъ! Но вотъ изгибъ пути.
Надъ темной кручею обвала
Дорога рѣзкій крюкъ давала,
Чуть означался край пути.

—

А судьи ту-же рѣчь ведутъ...
Я обернулся къ нимъ: «Синьоры!
Не даромъ слàвны наши горы:
Вѣдь это я, синьоры, тутъ!»

—

Мнѣ не забыть ихъ глупыхъ глазъ,
Что вдругъ расширились не въ мѣру!
Я разогналъ коней къ барьеру,
Бичомъ хватилъ ихъ въ самый разъ,

—

Пустилъ изъ рукъ весь комъ вожжей...
Прыжокъ къ скалѣ... Чтò дальше было,
Какъ ихъ по кручамъ внизъ дробило,—
Не видѣлъ... Жалко мнѣ коней!

—

Да, былъ я бравымъ молодцомъ!
Неслись со струнъ моей гитары
Любви и молодости чары...
Да, былъ я бравымъ молодцомъ.

ГОРЯЩІЙ ЛѢСЪ.

(Л. Б. Вейнбергу.)

Ѣду я сквозь гарь лѣсную
Въ полночь. Жаръ палитъ меня;
Страхъ какой-то въ сердцѣ чую,
Ясно слышу дрожь коня.

—

По пожарищу замѣтны
Чудищъ огненныхъ черты,—
Безобразны, злы, несмѣтны,
Полны дикой красоты;

—

Заплетаются хвостами,
Вдоль дымящихся корней
Вьются, щелкаютъ зубами
И трещатъ изъ дымныхъ пней.

—

Пламя близко подступаетъ,
Жаръ лицо мое палитъ,

Умъ мутится, мысль блуждаетъ,—
Будто тлѣетъ и дымитъ!

—

Слышу сказочныя были...
Рѣчь идетъ о чудесахъ...
Ужъ не тризну-ль тутъ творили,
Сóжигая царскій прахъ?

—

Мнится: въ утренней прохладѣ,
На кровати расписнòй,
Царь лежитъ въ большомъ нарядѣ,
Стиснувъ мечъ своей рукой.

—

Очи мгла запечатлѣла,
Исказила смерть черты;
На полѣницахъ, вкругъ тѣла,
Въ груды сложены щиты,

—

Копья, цѣпи, луки, брòни,
Шкуръ мохнатые ковры,
Въ ночь зарѣзанные кони,
Круторогіе туры,

—

Гусли, бронзовыя бѝла
И труба, что въ бой звала,
И ладья, что съ нимъ ходила,
И жена, что съ нимъ жила...

—

Все сгорѣло! Стало тише...
Слѣдъ дружинниковъ исчезъ...
Отъ могильника, все выше,
Сталъ пылать дремучій лѣсъ;

—

Бьется красными волнами,
Лижетъ тучи въ небесахъ
И царя, съ его дѣлами,
Развѣваетъ въ дымъ и прахъ;

—

Полонъ ратью огневою
Чудищъ въ обликахъ людскихъ,
Онъ въ погоню шлетъ за мною
Безтѣлесныхъ чадъ своихъ!

—

Конь мой мчится, лѣсъ мелькаетъ,
Жаръ сильнѣй, душнѣе гарь!
Слышу, слышу: окликаетъ,
Нагоняетъ мертвый царь!

—

Онъ, какъ я, въ сѣдлѣ высокомъ,
Но на огненномъ конѣ,
Близко чуется, подъ бокомъ,
Жмется стременемъ ко мнѣ;

—

Говоритъ мнѣ: «Гость желанный,
«Улетимъ, отбросивъ страхъ,

«Къ той странѣ обѣтованной,
«Гдѣ журчатъ ручьи въ лугахъ,

—

«Гдѣ, познавъ любовь фіалки,
«Ландышъ, что ни ночь, блѣднѣй,
«Гдѣ красавицы-русалки
«Ждутъ такихъ, какъ ты, гостей, —

—

«Гдѣ, подъ свѣтомъ влаги синей,
«Много звѣздъ морскихъ цвѣтетъ,
«Лѣсъ коралловъ, бѣлъ какъ иней,
«Отѣняя ихъ, растетъ;

—

«Гдѣ подъ тихой глубиною
«Даже солнца мощный ликъ,
«Охлаждаемый волною,
«Свѣтитъ скроменъ, невеликъ;

—

«Тамъ, поющимъ струйкамъ вторя,
«Будешь ты, какъ струйка, пѣть
«И о жизни, полной горя,
«Не захочешь пожалѣть!..

—

«О, повѣрь мнѣ! Смерть прекрасна,
«Смерть привѣтлива, нѣжна̀,
«Только съ виду самовластна
«И костлява, и страшна...»

—

Шепчетъ царь еще мнѣ что-то...
Мчимся мы по жердняку;
Различаю я болото...
Вижу сонную рѣку...

—

Сгинулъ царь! Въ борьбѣ съ трясиной
Сталъ пожаръ и шлетъ за мной,
Въ темень ночи воробьиной,
Дымъ, какъ пламя, огневой...

ДВА ЦАРЯ.

(С. О. Шпряеву.)

Два царя, друзья отъ дѣтства,
Разъ бесѣдой занялись
И хвалить свои наслѣдства
Другъ предъ другомъ принялись.

—

— У меня, въ моемъ владѣньѣ,—
Говорилъ изъ нихъ одинъ,—
Вся природа — наслажденье,
И не счесть ея картинъ!

—

Дышатъ вѣчною весною
Виды горныхъ панорамъ,
Море лентой голубою
Льется къ теплымъ берегамъ,

—

Стройныхъ пальмъ глядятъ вершины
Съ высоты своихъ стволовъ,

Гнутся кактусы въ долины
Краснымъ пламенемъ цвѣтовъ;

—

Персикъ бархатомъ играетъ,
Теменъ пурпурный гранатъ,
Солнце блескомъ наливаетъ
Ананасъ и виноградъ.

—

— У меня лишь съ края горы,
Остальное все—просторъ,
Гдѣ вступаютъ вихри въ споры,
И безбреженъ кругозоръ;

—

Всѣ моря мои сердиты,
Рёбра скалъ изможде́ны,
Въ устьяхъ рѣкъ пески намыты,
Нѣдра волнъ морскихъ черны̀;

—

Зимы—до̀лги, вёсны—кратки,
Есть мѣста—не знаютъ дня,
Снѣгу столько—что на святки
Царство въ царствѣ у меня;

—

Хвои—тёмны, дебри—дѝки,
И по нимъ изъ года въ годъ
Гдѣ морошки, гдѣ брусники,
Нескончаемый налётъ.

—

— У меня въ красѣ привычной,
При сіяніи луны,
Вторитъ пѣсенкѣ обычной
Рокотаніе струны;

—

Въ пѣсняхъ славятся турниры,
Дальній звонъ былой гульбы;
Змѣи, грифы и вампиры
Помѣстились на гербы;

—

Храбро бьются паладины
Въ одѣяніяхъ стальныхъ;
Повторяютъ пѣснь руины,
Глядя ласково на нихъ;

—

Наши пажити богаты,
И по нимъ вездѣ кругомъ
Дремлютъ цѣнныя палаты
Въ облаченьѣ вѣковомъ;

—

Нѣтъ богатствамъ нашимъ мѣры,
И вдоль всей моей страны
Воплощаются химеры,
Проступаютъ правдой сны;

—

И безъ малаго до Ноя
Можно выслѣдить назадъ

От героя до героя
Славных жизней длинный рядъ;

—

И политика здѣсь чудо:
Отъ древнѣйшихъ, отъ временъ,
Такъ иль нѣтъ, добро иль худо—
Я союзами силенъ;

—

Между ними выбираю,
Гдѣ ласкаюсь, гдѣ сержусь,
И порой, я это знаю,
Надъ собой и самъ смѣюсь.

—

— У меня все больше брёвна
И лубки по деревнямъ,
Но, сказать неголословно,
Былъ чередъ богатырямъ.

—

Горы оползни давали,
Подъ стопами ихъ треща;
Бились ловко—хоть не знали
Ни хитона, ни плаща.

—

Прежней жизни не водилось
Въ той странѣ, гдѣ мы живемъ:
Какъ отъ Бога народилась,
Такъ и шла особнякомъ.

—

И куда ужъ намъ до Ноя!
Нашъ архивъ, гдѣ вкривь, гдѣ вкось,
Близкій къ правдамъ Домостроя,
Составлялся на-авось!

—

Но живутъ и безъ архивовъ
Отъ невѣдомыхъ временъ—
Много памятныхъ порывовъ
И возлюбленныхъ именъ!

—

Что до пѣсни—пѣсни тоже
Мы имѣемъ на-лицо!
Есть у насъ, да въ гербъ не гоже,
Наше крѣпкое словцо;

—

Съ нимъ въ тяжелую минуту,
Съ краткимъ кличемъ: эхъ! да ну!
Не одну мы рвали путу,
Обвивавшую страну!

—

Рвали вовсе безъ союзовъ!
Не носить-же, въ трудный часъ,
Для союзовъ лишнихъ грузовъ,—
Всѣ союзы противъ насъ.

—

— Въ областяхъ моей короны,
Всѣмъ извѣстны, напоказъ,

Наши дѣвушки и жены;
Строенъ станъ ихъ, ярокъ глазъ!

—

Къ роднику-ль пойдетъ съ кувшиномъ,
Или вѣеръ пуститъ въ ходъ,—
Въ пору только паладинамъ
Этотъ женскій нашъ народъ.

—

Въ нихъ красива даже ревность;
Воли ихъ не превозмочь;
Воспѣвала женщинъ древность,
Воспѣвать и мы не прочь!

—

Край богатъ, легки работы;
Всюду, всюду благодать!
Только намъ и есть заботы —
Чтобы жить, не умирать!

—

Страшно думать, что у гроба,
Въ срокъ мучительныхъ минутъ,
Всѣмъ, но каждому особо,
«De profundis» запоютъ...

—

— Надъ моей святой державой,—
Не для васъ такой законъ,—
Могутъ женщины со славой
Восходить на самый тронъ.

—

Не для нихъ одеждъ новинки,
Но не прочь онѣ ничуть
Душегрѣйки и косынки
Гдѣ прикрыть, гдѣ распахнуть!

—

Ихъ просторны сарафаны,
И растутъ у ихъ груди
Краснощокіе буяны
Къ трудной жизни впереди!

—

Чтобы легче сбыть земное,
Наша вѣра учитъ насъ,
Что не пугало чудно́е
Заповѣдный смертный часъ;

—

Здѣсь несемъ мы трудъ, заботу;
Гдѣ-жъ награды ожидать?
И по ясному разсчету—
Намъ не трудно умирать!

—

Слышавъ тò, властитель юга
Ничего не отвѣчалъ,
Зорко онъ взглянулъ на друга
И въ раздумьѣ—замолчалъ...

ПЕТРЪ I НА КАНАЛАХЪ.

Какъ по шпилямъ, верхамъ, шатровымъ куполамъ
Лѣтнимъ утромъ огонь разгорался!
Собирался царь Петръ въ самый мирный походъ,
И съ женой Катериной прощался:

—

«Будь здорова, жена! Не грусти, что одна;
«Много, видишь, каналовъ готово;
«Ѣду ихъ осмотрѣть, чтобъ работѣ спорѣть...
«Напиши, если что... Будь здорова!»

—

Глухо дебри лежатъ, надъ болотами спятъ...
Много дѣла—да силы-то малы!
Надо дебрь разбудить, чтобъ ей тоже служить...
Пусть, молъ, глянутъ по дебри каналы!

—

Гдѣ въ колёсномъ возкѣ, гдѣ на бодромъ конѣ
Ѣдетъ царь вѣковыми лѣсами;
Изучаетъ страну, во всю ширь и длину
Наблюдаетъ своими очами...

—

«Надо, надо взглянуть! Норовятъ все надуть!
«Можетъ, даже, совсѣмъ не копаютъ?
«Поглядишь—простецы эти жмоты-купцы!
«А гдѣ страху имъ нѣтъ—надуваютъ!»

—

День за ночью идетъ, потеряешь имъ счетъ,
Если ѣхать судьба безъ дороги!
Вотъ каналы пошли и блестятъ вдоль земли,
А землянки людей, что берлоги.

—

И куда ни взгляни, только щепки, да пни,
Да отвалы идутъ земляные!
Гонитъ царская мочь, гонитъ пролежни прочь
Со здороваго тѣла Россіи.

—

Близокъ царь! Вѣсть бѣжитъ! Привираетъ, мутитъ
И повсюду царя упреждаетъ...
Призадумался воръ! Царь-то больно востёръ!
Знаемъ какъ, если нужно, кончаетъ!

—

«Ой ужъ какъ-то намъ быть? Какъ нуждѣ пособить?
«Вѣдь не вырыто нами и трети
«Изъ того, что должно̀?.. Умирать суждено...
«Стукнетъ, гикнетъ: «А ну-те-ка дѣти!»

—

«Нѣтъ, родные, шабашъ, чуть появится нашъ!
«Развѣ, братцы, на хитрость пуститься?

«Землю вырыть въ длину, подогнать въ ширину,—
«Остальное потóмъ углубится!»

—

Собирался весь скопъ. Повалилъ землекопъ.
Ужъ платили-то, знатно платили!
И каналы прошли какъ имъ быть вдоль земли,
Провели и воды напустили...

—

Яркій вечеръ горитъ, густо дебрь золотитъ,
И у самой у крайней лопаты
Царь съ дубинкой въ рукѣ, въ распашномъ армякѣ,
Повѣряетъ работы и платы.

—

И какъ въ небѣ заря—такъ лицо у царя
Все сіяетъ! Онъ жалуетъ смѣхомъ!
И ужъ радостенъ онъ, и ужъ какъ подаренъ
Неожиданнымъ вовсе успѣхомъ!

—

А поодаль стоитъ молчаливый синклитъ
Хитрецовъ, мудрецовъ на захваты!
«Ужъ вотъ на! Удалось! У Петра сорвалось!
«Не замай нашихъ! Мы-ли не хваты!»

—

Не пылать-бы зарѣ! Не блестѣть-бы водѣ!
Не валиться-бы на воду мошкамъ!
Не казну-бъ воровать, не Петра надувать,
Не подмѣнивать блюда лукошкомъ!

—

Головой царь поникъ... Потемнѣлъ его ликъ...
Дума черная радость хоронитъ...
«Отчего тутъ вода,—вздумалъ царь,—не туда,
«Куда надо-бы ей, мошку гонитъ?»

—

По откосу долой, сходитъ тяжкой стопой
И, къ водѣ подошедши, нагнулся,
И дубинку воткнулъ... Чуть конецъ затонулъ...
Подождалъ, это, царь... Оглянулся!..

—

Охъ! Не небу горѣть! Не царю-бы краснѣть!
Всѣ, блѣднѣя, молчанье хранили...
А изъ царскихъ очей, звѣздъ вечернихъ ярчѣй,
Двѣ слезы, двѣ слезы проступили...

—

Ну, а тамъ по пятамъ, въ поученье ворамъ,
Какъ должно̀, принялись за расправу...
Правъ былъ воръ, говоря про обычай царя:
Сокрушитъ, если что не по нраву!

О ПЕРВОМЪ СОЛДАТѢ.

(Пѣсня Семеновскаго полка.)

Дѣло было очень просто:
Первый жилъ солдатъ Бухвостовъ
Двѣсти лѣтъ назадъ;

Съ нимъ Петровская бригада
Народилась изъ наряда,
Стала въ первой рядъ!

Непригожи были, ма̀лы,
Фузей да самопалы,
Увалень—народъ!

Ну, а все-же съ тѣмъ народомъ
Вышли первымъ мы походомъ
Въ Кожуховъ походъ.

У стрѣльцовъ поднялись смѣхи
Отъ Кожуховской потѣхи;
Стрѣлецъ говоритъ:

«Сочинитель всѣхъ затѣевъ
Бомбардиръ Петръ Алексѣевъ —
Чудеса творитъ!»

И Потѣшные чудили!
Артикулъ, уставъ учили,
Брали крѣпостцы,

А какъ было все готово.
Очутились у Азова,—
Вотъ такъ молодцы!

Стрѣльцы видятъ, осерчали,
Петру смертью угрожали;
Царь заговорилъ:

«Ну-ка вы, моя пѣхота,
Вы птенцы, души забота,
Я-ль васъ не любилъ!

Не пора-ли кончить разомъ,
Чтобы былъ конецъ проказамъ,
Козням старины!»

Петръ сказалъ... Замолкли шашни...
Мало-ль что видали башни
Кремлевской стѣны?!

Лиху было не до смѣха!
Росла царская потѣха,
Росла Божья рать!

И задумалъ король швецкій
Ростъ потѣхи молодецкой,
Русскій ростъ унять!

Самъ онъ былъ малоголовый,
Шустрый, вострый и толковый,—
Далъ Полтавскій бой!

Лейбъ-гвардейцы были точны,
Гнали до Переволочны
Ихъ передъ собой...

Порѣшивъ Ништацкимъ миромъ,
Занялись гвардейцы пиромъ,—
Горевалъ сосѣдъ!

Заварили браги, бражки
Въ честь Хмѣльницкаго Ивашки,
Праздникъ дѣлу вслѣдъ.

Петръ тогда болòта вытеръ
И поставилъ городъ Питеръ
Двѣсти лѣтъ назадъ...

Вотъ какъ было дѣло просто
Съ той поры, какъ жилъ Бухвòстовъ,
Первый нашъ солдатъ!

О ЦАРЕВИЧѢ АЛЕКСѢѢ.

Было то въ странѣ далекой,
Лѣтъ, безъ малаго, чай, двѣсти!...
На поморьи калабрійскомъ,
Гдѣ на самомъ видномъ мѣстѣ
Городъ есть, Барй зовется,
Льнущій къ морю какъ къ невѣстѣ, —
Яснымъ утромъ, очень рано,
По обѣту, и по чести,

Къ Николаю чудотворцу,
Мирликійскому святому,
Караванъ тащился русскій,
А вести пришлось Толстому.
Изъ Сентъ-Эльмской цитадели
Дали крюкъ! Жаль, попустому:
Приближаться-бъ имъ скорѣе
Ближе къ дому, ближе къ дому...

Домъ тотъ — крѣпость въ Петербургѣ,
Еле конченная кладкой;
Казематы чуть просохли;

Появились для порядка
Царства новаго, Петрова...
Въ царствѣ--точно лихорадка!
Глухо ходитъ недовольство
И съ Петромъ играетъ въ прятки.

Во Владимірѣ на Клязьмѣ,
Въ ночь къ царицѣ Евдокіи.
Ходятъ въ келью, скрытно, тайно,
Люди всякіе лихіе:
На царя куютъ оковы,
На погибель всей Россіи,
Ходитъ Глѣбовъ съ Досифеемъ,
Лопухинъ, еще другіе!

Извести Петра имъ надо,
Извести его скорѣе!
Ихъ надежды, всѣ надежды
Въ царскомъ сынѣ Алексѣѣ!
Воцарится—уничтожитъ
Всѣхъ замѣченныхъ въ затѣяхъ,
Иностранцевъ гладко бритыхъ,
Щеголяющихъ въ ливреяхъ!

Потому: царевичъ-постникъ,
Выросъ въ строгомъ, древнемъ чинѣ,
Мытъ и чесанъ по закону
Бабьей лаской, и нынѣ
Онъ союзниковъ вербуетъ
На подмогу, на чужбинѣ...

Всѣ надежды, всѣ надежды
Въ Алексѣѣ, царскомъ сынѣ!

Къ Николаю чудотворцу
Караванъ его подходитъ...
Взглядъ царевича больного
Неспокойно, робко бродитъ;
Онъ съ чухонки Евфросиньи
Тусклыхъ глазъ своихъ не сводитъ!
Ей одной живетъ и дышитъ,
Раскрасавицей находитъ.

Удивились въ храмѣ лики
Византійскихъ преподобныхъ,—
Увидавъ впервые русскихъ,
Кое въ чемъ себѣ подобныхъ,
Хоть и въ платьяхъ непривычныхъ,
Узкихъ, куцыхъ, неудобныхъ;
Больше всѣхъ дивилъ царевичъ
Взглядомъ глазъ пугливо-злобныхъ!

И царевичъ съ Евфросиньей
Долго рядышкомъ молились,
И, пожертвовавъ на церковь,
Въ дальній путь домой пустились;
Путешествія въ тѣ годы
Часто мѣсяцами длились...
Обѣщалъ имъ Петръ прощенье
Лишь-бы только возвратились!

Не прошло и полугода,
Надъ Невою, въ казематѣ,

Надъ царевичемъ шли пытки,
Не въ застѣнкѣ—при палатѣ;
Потянули всякихъ грѣшныхъ
Къ объясненью и расплатѣ...
Мало-ль что у насъ бывало
Съ краю свѣта, въ нашей хатѣ!

«Замышлялъ ли ты, царевичъ,
«Погубить дѣла Петровы,
«И разрушить въ государствѣ
«Всѣ великія основы?
«Ты ковалъ-ли на Россію
«Въ иностранныхъ царствахъ ковы?
«Были-ль на цареубійство
«Заговорщики готовы?»

Отвѣчалъ царевичъ смутно
Околесныя признанья...
Обратились къ Евфросиньѣ,—
Поддалась на увѣщанья!
Все открыла: какъ, что было,
Въ чемъ имѣлись ожиданья,
Все, что ей царевичъ выдалъ,
Темной ночью, въ часъ лобзанья!

Черной рабскою душою
Продала, кого любила!
Жизнь не разъ уже рабами
Предстоявшимъ рабству мстила...
Собралъ Петръ большую думу,
И та дума порѣшила:

Казни заслужилъ царевичъ,—
И не тронъ ему—могила!..

А ужъ что за это время
Петръ испытывалъ—словами
Передать нельзя! въ грядущемъ
Дальнозоркими очами
Ужъ чего не прозрѣвалъ онъ?
Говорятъ, что онъ, часами,
Неподвиженъ, недоступенъ,—
Одержимъ былъ столбняками!

Не для сладкихъ сантиментовъ,
Не для временной забавы
Изъ своихъ тесалъ онъ мыслей
Основанія державы!
Не спроста стрѣльцовъ сгубилъ онъ
Въ розливной крови расправы,
И на дыбы гналъ крамолу,
Ассамблеей гладилъ нравы!

«Погубить-ли мнѣ Россію
«Или сына?—Богъ съ нимъ, съ сыномъ!..»
И поставленъ Петръ Великій
Надъ другими исполиномъ!
Какъ его, гиганта, мѣрить
Нашимъ маленькимъ аршиномъ?
Гдѣ судить травѣ о тынѣ,
Разрастаясь по-надъ тыномъ?

НОВГОРОДСКОЕ ПРЕДАНІЕ.

Да, были казни надъ народомъ...
Ужъ шесть недѣль горятъ концы!
Назадъ въ Москву свою походомъ
Собрались царскіе стрѣльцы.

Смѣшить народъ оцѣпенѣлый
Иванъ епископа послалъ,
Чтобъ, на кобылкѣ сидя бѣлой,
Онъ въ бубны билъ и забавлялъ.

И новгородцы, не переча,
Глядѣли блѣдною толпой,
Какъ мѣдный колоколъ съ ихъ Вѣча,
По волѣ царской снятъ долой!

Сіяетъ копій лѣсъ колючій,
Повозку царскую везутъ;
За нею колоколъ пѣвучій
На жердяхъ гнущихся несутъ.

Холмы и топи! Глушь лѣсная!
И ту размыло... Какъ тутъ быть?

И царь, добравшись до Валдая,
Приказъ далъ: колоколъ разбить.

Разбили колоколъ, разбили!..
Сгребли валдайцы мѣдный соръ,
И колокольчики отлили,
И отливаютъ до сихъ поръ...

И, быль старинную вѣщая,
Въ тиши степей, въ глуши лѣсной,
Тотъ колокольчикъ, изнывая,
Гудитъ и бьется подъ дугой!..

КОРОНА ПАТРІАРХА НИКОНА.

(С. М. Маркову.)

Есть въ патріаршей ризницѣ въ Москвѣ
Среди вещей, достойныхъ сохраненья,
Предметъ большого, важнаго значенья,
Дававшій пищу, нѣкогда, молвѣ,
Теперь въ немъ смыслъ живого поученья,
И этотъ смыслъ не трудно уловить...

—

Корона Никона! Въ ней—быть, или не быть
Царева друга, гордаго монаха,
Въ ней слѣдъ мечты, поднявшейся изъ праха;
И такъ и чувствуешь какой-то смутный страхъ,
Какъ-бы стоишь у края грозной кручи...
Двумъ бурямъ не гудѣть изъ той-же самой тучи,
Двумъ солнцамъ не свѣтить на тѣхъ-же небесахъ!

—

И такъ и кажется: съ церковнаго амвона,
Первовѣстителемъ духовнаго закона,

Онъ, Никонъ, шествуетъ народъ благословить;
Покорный причтъ толпится; услужить
Торопится... На Никонѣ корона!
Вотъ эта самая! По узкому пути
Въ неясномъ шопотѣ проносится толпою,
Что будетъ лѣтописью, бывъ сперва молвою:
«Смотри, смотри! Бѣсъ вышелъ міръ пасти!
«Два цѣнные вѣнца несетъ надъ головою,
«Ихъ будетъ семь! Онъ въ злато облеченъ,
«Идетъ святителемъ, въ немъ бѣсъ неузнаваемъ,
«Въ Святомъ Писаніи онъ названъ Абадонпъ...
«Слыхали-ль? Нѣтъ? Въ ночи къ палатѣ царской
«Кольчатымъ зміемъ бѣсъ по лѣстницѣ всползалъ,
«Игралъ съ вѣнцомъ царевымъ, проникалъ
«Въ синклитъ духовный и въ совѣтъ боярскій...
«Смотри, смотри, какъ шапка-то горитъ!
«Царевъ вѣнецъ на ней не по уставу!
«То бѣсъ идетъ! Ведетъ свою ораву,
«Онъ тѣхъ прожжетъ, кого благословитъ»...

—

Молва, молва! Въ твоемъ-ли безпокойномъ
Живомъ сознаньѣ слышится порой,
Въ намекѣ быстромъ, въ помыслѣ нестройномъ,
Призывъ набатный силы вѣчевой!
Въ твоемъ ребяческомъ и странномъ измышленьѣ
Горитъ въ глубокой тьмѣ, въ таинственномъ прозрѣньѣ,
Сторожевая мысль по дремлющимъ умамъ!
Созданіямъ молвы, какъ дѣтямъ въ царство Бога,

Открыта издавна широкая дорога
До нѣдръ исторіи, ко всѣмъ ея мощамъ...

—

Корона! Шутка-ли? Забытая, нѣмая,
Объята грезою несбывшагося сна,
Она лежитъ теперь безмолвна и пышна,
Того, что̀ думалось подъ ней, не разглашая.
Вокругъ оглавія поднялись лепестки,
Блестя алмазами, высоко проступили
И царственнымъ вѣнцомъ отвсюду окружили
Монашескій клобукъ зажавъ его въ тиски.

—

Въ ней мысль воплощена, рожденная не даромъ!
Отвага въ ней была и на успѣхъ разсчетъ...
Въ ней были моръ и смрадъ, и вѣяло пожаромъ
Всего того, чѣмъ силенъ сталъ народъ!
Въ ней что-то чуждое во-очію слагалось:
Къ родной намъ церкви язва присосалась,
Опаснымъ замысломъ былъ мощный умъ объятъ,
Годами бѣдъ и золъ неслыханныхъ чреватъ.

—

Но гдѣ-то тамъ, внизу, въ толпахъ, сознали рано,
Стихійной силою всей чуткости своей,
Что̀ можетъ изойти изъ гари и тумана
Двухъ перевившихся въ единое огней!
Борьбой неравною народъ могъ быть осиленъ!
Какъ съ патріархомъ быть—онъ самъ пути нашелъ:
Вѣдь Никонъ—еретикъ, онъ книги перевелъ

Невѣрно съ истиной, въ нихъ рядъ уликъ обиленъ,—
И Никонъ палъ, и начался расколъ...

—

Народъ мететъ порой великимъ дуновеньемъ...
Наскучивъ разбирать кто правъ, и кто великъ,
Сквозь мысли лживыя, съ ихъ долгимъ самомнѣньемъ,
Онъ продвигаетъ вдругъ свой затемненный ликъ:
«Я здѣсь—гласитъ тогда—и вотъ чего желаю!
«Вотъ это—молвитъ—мнѣ по сердцу, по плечу!
«Чего мнѣ надобно, яснѣй другихъ я знаю,
«А потому-то васъ, какъ грезу сна, свѣваю,
«Васъ, жаждущихъ того, чего я не хочу!»

—

Народъ... Народъ... Онъ самъ сложилъ свое былое!
Онъ далъ исторію! Въ ней всѣ его права!
Другимъ успѣхъ и мощь въ томъ или въ этомъ строѣ,
Жизнь въ наслоеніяхъ, законы въ каждомъ слоѣ,
Призванья пестрыя... Но намъ нужна Москва,
Москва единая надъ неоглядной ширью
Разбросанныхъ вездѣ рабочихъ деревень,
Намъ, намъ,—нехитрый бытъ, родныхъ повѣрій сѣнь,
И святость догмата, съ канономъ и псалтырью!
Намъ пѣсня, полная суровой простоты,
И дни короткіе, и жгучія метели,
И избы дымныя, и жесткія постели;
Несдержанный разгулъ, безумныя мечты...
Намъ заповѣдный трудъ томительныхъ исканій,
Особый взглядъ на все, на жизнь, на смерть, на честь...

—

Но у кого-же, гдѣ, въ годины испытаній
Мы силы черпаемъ, которыя въ насъ есть?
Чей голосъ слышится, когда, гудя громами,
Война кровавая струитъ свинцовый дождь?!
Народъ несетъ хоругвь отборными сынами,
Чтобъ закрѣпить могильными холмами
Живой своей души испытанную мощь!
Народъ давалъ руля, когда въ глухихъ порывахъ
Тяжелыхъ смутъ, среди кипящихъ волнъ,
Случалось проводить въ бушующихъ извивахъ
Стремнинъ губительныхъ нашъ заповѣдный челнъ...
И будетъ такъ всегда...

—

О! Кто-жъ вести возьмется
Народъ на новый путь неясныхъ благостынь!
И что́ дадутъ ему за то, что отберется?
Что̀ тронетъ сердце въ немъ, и чѣмъ оно забьется
Надъ усыпальницей, развѣнчанныхъ святынь?
Кто душу новую, изъ новыхъ сочетаній,
Путемъ невѣдомыхъ и темныхъ волхвованій,
Какъ вызовъ Божеству, на русскій людъ соткетъ,
И этой новою, улучшенной душою
Наполнитъ въ немъ все то, что̀ станетъ пустотою,—
И что-же, что̀ тогда заговоритъ народъ?..

СЕЛО ФИЛЕМОНИХА.

(Ростовское преданіе.)

Задумались Яновцы... Горе стряслось!
Досталась побѣда Ростову!
У Яновцевъ ратное дѣло—хоть брось!
Ростовскому князю побить ихъ пришлось,—
Ушли по-добру, по-здорову...

—

А хуже всего,—это стыдъ у людей,—
Ростовскій княжой воевода,
Безъ Фѝли, красавицы дочки своей,
Сѣдлать не подумаетъ ратныхъ коней
И дѣлать не станетъ похода.

—

А дочка—куда какъ она хороша!
На людяхъ не въ мѣру спѣсива,
А въ битвѣ, когда разгорится душа,
Красавица тяжкимъ концомъ бердыша
Кроши́тъ и изводитъ, на диво.

—

Взрастала—ребятамъ грозою была,
 На нихъ расправляла ручонки,
А выросла—косы и обликъ чела
Не ферязь жемчужнымъ кольцомъ обвила—
 Сдавила ихъ сталь ерихонки.

—

Одинъ былъ у Фи́ли отъ дѣтства дружокъ,
 Товарищъ всѣмъ ратнымъ забавамъ,
Дареный родителемъ песъ Вѣтроногъ;
Чутьемъ за три поприща слышать онъ могъ,
 А силою—царь волкодавамъ.

—

У Яновцевъ только и рѣчи о томъ:
 Какъ быть имъ для новаго боя?
И шлютъ, недовольные княземъ-отцомъ,
Въ далекія страны гонца за гонцомъ,
 Чтобъ княжича звать—Улейбоя.

—

Пріѣхалъ къ нимъ княжичъ и сдѣлалъ починъ;
 Онъ ратное дѣло исправилъ,
Онъ войско устроилъ, онъ выстроилъ тынъ...
И ѣдетъ развѣдать по утру одинъ:
 Кого гдѣ Ростовецъ поставилъ?

—

Играетъ откормленный конь подъ уздой;
 Сверкая доспѣхи бряцаютъ;
Неладится княжичу! Самъ онъ не свой:

И грезится словно въ лѣсу, за листвой
Все дѣвичьи лики мелькаютъ...

—

Съ досады коня своего горячитъ,
А видитъ все то-же, да то-же!
Вотъ, смотритъ: поляна, конь ратный стоитъ,
И ратникъ подъ кущей черемухи спитъ,
И песъ подлѣ нихъ на сторожѣ!

—

Залаялъ проклятый!.. То Филя! Она!
Вскочила, готовится къ бою,
Въ сѣдлѣ очутилась, звенятъ стремена...
А кудри такъ густы, а грудь такъ пышна—
Глаза проглядѣть Улейбою!

—

«На мечъ мой,—кричитъ онъ,—я сдаться хочу!»
А Филя коня поднимаетъ,
Давно-бы дала она волю мечу,
Да только, вотъ, кудри ползутъ по плечу
И ей разобраться мѣшаютъ?

—

Да только, вотъ, солнце слѣпитъ, и не въ мочь
Блистаетъ доспѣхъ Улейбоя,—
Тѣсна ей кольчуга въ плечахъ—какъ помочь?
И пятится конь боевой—тянетъ прочь
Отъ злого, нежданнаго боя.

—

И къ стремени ластится песъ, норовитъ
Скорѣе подальше убраться,

На диво ему, если Филя молчитъ!
Поджалъ онъ свой хвостъ, скалитъ зубы, ворчитъ,
А лаемъ не смѣетъ сказаться!

—

И какъ это сталось? Пошли на утекъ,
Какъ будто-бы сами собою,
И конь златогривый, и песъ Вѣтроногъ,
И храбрая Филя... Имъ вслѣдъ вѣтерокъ
Бѣжалъ надъ помятой травою;

—

Съ лазоревыхъ цвѣтиковъ шапки долой
Срѣзались краями копыта,
Чтобъ кланялись Филѣ, съ ея красотой,
Пристыженной тѣмъ, что не пышной фатой,
А тяжкою сталью покрыта;

—

Что силъ нѣтъ управиться съ буйнымъ конемъ,
Что поводъ коню отпустила;
Что мчалась, зардѣвшись мечтой-забытьемъ,
Боясь оглянуться, и въ бѣгствѣ своемъ—
Побѣду съ собой уносила!

—

Былъ сго̀воръ и свадьба... Веселье пошло,
Какъ княжича съ Филей вѣнчали!
Въ селѣ новый теремъ глядѣлъ такъ свѣтло,
Въ немъ пиръ шелъ горою—и это село
Съ тѣхъ поръ Филемонихой звали!

ВИТЯЗЬ.

Вышелъ витязь на поляну;
Конь тяжелый въ поводу...
«Гдѣ, молъ, быть бѣдѣ, изъяну,
Я туда теперь пойду.
Тамъ, гдѣ въ тучахъ за морями
Мучитъ дѣву Черноморъ;
Злыми гдѣ богатырями
Полонъ темный, темный боръ;
Гдѣ недобрый царь изводитъ
Войско добраго царя;
Аспидъ-змѣй по людямъ ходитъ,
Ядомъ жжетъ и душитъ зря,—
Тамъ нужда въ моей защитѣ»...
Смотритъ витязь: старичокъ
Вдругъ предсталъ! Въ помятой свитѣ,
Желтъ, морщинистъ—какъ сморчокъ;
Сгорбленъ долгими годами,
Очи востры, носъ крючкомъ,
Борода виситъ клоками,
Словно сбита колтуномъ.

«Здравствуй, витязь! Ты отколѣ,
«А еще вѣрнѣй: куда?!»
— Погулять хочу на волѣ,
Посовѣтуй, борода!—
«Про какую-жъ это волю
«Ты задумалъ погулять?»
— Злымъ я людямъ не мирволю!
Черномора-бъ мнѣ сыскать!
Отъ него спасу дѣвицу!
Злого змѣя поборю
И отдамъ свою десницу
Въ помощь доброму царю!—
«Значитъ, ищешь Черномора?
«Да какой-же онъ на видъ?
«Много, знать, въ тебѣ задора,
«Сильно кровь въ тебѣ кипитъ!
«Ну, да быть тебѣ съ побѣдой,
«И прославишься ты въ явь!»
— Старче! Знаешь что—повѣдай?
Силу витязя направь!—
«Что жъ, могу...»
И началъ старче
Міра зло перечислять...
Что ни сказъ, то лучше, ярче...
Мастеръ былъ живописать!
Говоритъ ему день цѣлый,
И другой онъ говоритъ...
Витязь, словно очумѣлый;
Жадно слушаетъ, молчитъ!

Созерцаетъ онъ крамолу,
Дерзость мерзости людской,
Опустилъ онъ очи долу
И поникнулъ головой...
И туда-бы, значитъ, надо,
И туда, и тамъ бѣда!
И, своимъ разсказамъ рада,
Продолжаетъ борода...
Ѣсть-бы нужно! Выпить въ пору!
И давно ужъ время въ путь!
Больше въ рѳзсказняхъ задора,
Не кончаются ничуть!
Конь издохъ—лежитъ стреноженъ;
Точитъ ржавчина копье!
Мечъ глядитъ изъ ветхихъ ноженъ,—
Борода-же все свое.
Витязь повѣсти внимаетъ...

Говорятъ, что до сихъ поръ
Выйти въ путь ему мѣшаетъ
И морочитъ—Черноморъ!

О ЧУДОДѢЙНОМЪ КОНѢ.

(Изъ русской сказки.)

Въ стàры годы, въ дальнихъ стрàнахъ
Бѣлъ-кудрявъ жилъ богатырь;
Не бездоленъ, только боленъ
Прочнымъ тѣломъ въ глубь и въ ширь.

—

Что ни сутки—лихоманка;
Чуть приступитъ—бьетъ да бьетъ,
Нýдитъ—тянетъ, тянетъ—нудитъ;
Иззнобитъ—ударитъ въ потъ!

—

Сна не знаетъ, ѣсть не можетъ,
Не приходится и пить;
Не себя онъ—голодъ кормитъ
И не можетъ накормить.

—

Ужъ онъ думалъ, думалъ, думалъ,
Мудрымъ знахарямъ платилъ,
Клалъ поклоны, свѣчи ставилъ
И паломникомъ ходилъ!

—

Повстрѣчалъ бѣдняга бабу;
Говоритъ богатырю:
«Помогу тебѣ совѣтомъ,
Добрымъ словомъ подарю.

—

Есть, молъ, конь одинъ на свѣтѣ,
Этотъ конь быстрѣй стрѣлы!
Бурый, ноги по лопатку
Отъ копыта вверхъ бѣлы.

—

Ротъ—какъ пасть; языкъ—что блюдо;
Грива ходитъ колесомъ;
Мышцы тяжки и могучи;
Оба уха—колпакомъ;

—

Хвостъ—кутасъ; оленьи мышки;
Ростомъ—холки не достать!
Подъ копытомъ—будто въ морѣ
Мелкихъ раковинъ искать!

—

А глаза на лбу, что чаши,
Круглымъ яхонтомъ горятъ...
Конь—что лютый звѣрь по виду!
Взглядъ его—свирѣпый взглядъ!

—

Коль коня того отыщешь,
На двѣнадцать на подпругъ

Подпругаешь, да заўздишь,
Да внушишь ему испугъ,

—

Да наѣздишь,—полегчаетъ!
Ну и вотъ тебѣ зарокъ:
Первымъ дѣломъ—наиграйся
Въ бабки, что-ли, иль въ тычокъ;

—

А затѣмъ ужъ—пей запоемъ,
Пей и въ ночь, и въ день-деньской;
Начинай ты пить за здравье,
Продолжай—за упокой.

—

Пей вина—на сколько влѣзетъ;
А какъ одурь заберетъ,
Склонитъ сонъ, сомкнутся вѣжды—
Конь къ тебѣ и самъ придетъ...

—

Богатырь, по слову бабы,
Безустанно пьетъ да пьетъ.
По зароку исполняетъ,—
Только конь къ нему нейдѐтъ.

—

Конь гуляетъ гдѣ-то въ полѣ!
Говорятъ, его видалъ
Нѣкій странничекъ съ Аѳона—
Да зарокъ молчанья далъ.

КАМЕННЫЯ БАБЫ.

На безлѣсномъ нашемъ югѣ,
На степныхъ холмахъ,
Дремлютъ каменныя бабы
Съ чарками въ рукахъ.

Вѣтеръ, степью пролетая,
Клонитъ ковыли,
Бабамъ сказываетъ въ сказкахъ
Чудеса земли...

Какъ на сѣверѣ, далеко,
На мохнатыхъ псахъ,
Даже лѣтомъ и безъ снѣга
Ѣздятъ на саняхъ.

Какъ у насъ въ рѣчныхъ лиманахъ
Столько, столько рыбъ,
Что и ангелы Господни
Счесть ихъ не могли-бъ.

Какъ живутъ у насъ калмыки,
Въ странахъ кумыса,
Скулы толсты, очи узки,
Рѣдки волоса;

Подлѣ нихъ живутъ татары,
Выбритый народъ;
Каждый женъ своихъ имѣетъ,
Молится—поетъ.

Какъ, въ надеждѣ всепрощенья,
Каясь во грѣхахъ,
Много старицъ ждутъ спасенья
Въ дебряхъ и скитахъ;

Какъ, случается порою,
Даже до сихъ поръ,
Вдругъ поймаютъ люди вѣдьму—
Да и на костеръ...

Какъ, хоть рѣдко, но бываетъ:
Точно осовѣвъ,
Бабу съ бабой повѣнчаютъ,
Лицъ не доглядѣвъ...

Какъ живыхъ людей хоронятъ:
Было, знать, село—
Да по бабью слову скрылось,
Подъ землю ушло...

Слышатъ каменныя бабы
Съ чарками въ рукахъ,

Что̀ имъ сказываетъ вѣтеръ,
Рѣя въ ковыляхъ!

И на сладкій зовъ новинки
Шлютъ онѣ за нимъ
За песчинками песчинки...
И пройдутъ, какъ дымъ!

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ВДОВА.

(М. Н. Журавлеву.)

Въ людяхъ святки и веселье!
Щиплетъ уши, щиплетъ носъ,
Съ гололедицей-шутихой
Потѣшается морозъ!

—

Вáлитъ дѣвокъ, вáлитъ парней,
И сбиваетъ съ ногъ коней!..
Царство шутокъ, скоморохов,
Царство святочныхъ тѣней!

—

Было то почти недавно;
Тамъ, гдѣ путь идетъ въ Сибирь,
Разъ жила-была вдовица,
Ростомъ, силой—богатырь.

—

Городишка былъ заштатный;
Въ городишкѣ—становой;

И подбей его лукавый
Пріударить за вдовой,

—

Вотъ приноситъ онъ подарки,
Тѣ подарки хороши,
И ведетъ такія рѣчи:
«Полюби, молъ, не круши!

—

«Ты—такая, да сякая,
«Захотѝ лишь,—все твое!
«Нынче святки и ряжѐнье»...
«А жена!?»—«Да ну, ее»...

—

Говоритъ ему вдовица:
«Ой, не бȁлуй, не идетъ!
«Не отстанешь, не уймешься—
«Насмѣшу тобой народъ».

—

«Насмѣшишь? Рехнулась баба!
«Я вѣдь, знаешь, все могу...
«Кума-радость, королевна...
«Только, слушай: ни гу-гу!..

—

«Что за плечи?»—«Тьфу! проклятый»...
«Что за»... «Слушай: не замай!..»
«Хочешь денегъ, хочешь платья,
«Кума-радость, отвѣчай?»

—

Вдругъ погасли въ окнахъ свѣчи...
Стукъ раздался за стѣной...
Помнятъ люди, какъ вдовицей
Былъ спелёнатъ становой;

—

Какъ лежалъ онъ у острога,
Созерцая небеса,—
Какъ до утра леденѣли
Два колючіе уса;

—

Какъ великому ряженью,
Учиненному вдовой,
Позже, больше всѣхъ, смѣялся
Самъ добрѣйшій становой...

ДЬЯЧОКЪ.

Надъ Двиной, рѣкой великой,
Въ дальнемъ Сѣвера углу,
Гдѣ въ пустынныхъ смолокурняхъ
Гонятъ деготь и смолу;

Гдѣ по дебрямъ непроглянымъ
Сосенъ бѣлыя тѣла
Разрѣзаетъ, нагрѣваясь,
Темно-синяя пила,—

Подлѣ церкви надъ горою
Бѣлый домикъ не высокъ;
Долгій вѣкъ въ немъ доживаетъ,
На покой уйдя, дьячокъ.

Стѣны бѣлы, окна чисты,
По-надъ лавкой рядъ иконъ;
Подлѣ нихъ въ изображеньяхъ—
И Соловки, и Аѳонъ...

Все дешевыя картинки!
А на стѣнкѣ, при дверяхъ,

Въ черномъ весь, въ широкой рясѣ
Виденъ іеромонахъ,—

Въ клобукѣ; съ высокой груди
Ярко блещутъ ордена;
Борода ихъ чуть прикрыла—
И роскошна, и темна...

Фотографія большая,
Въ цѣнной рамкѣ, за стекломъ;
Тотъ, кто снятъ, глядитъ—довольный,
Что попалъ онъ въ этотъ домъ.

«Слушай, дѣдушка: кто этотъ?
«Статный, взысканный такой?»
—«Этотъ?..»—старый улыбнулся,—
«Этотъ вотъ?—сынишка мой».

«Гдѣ-жъ онъ?»—«Въ Кіевѣ, родимый,
«У святительскихъ мощей;
«Много лѣтъ ужъ онъ въ далекой
«Лаврѣ, значитъ, казначей.

«Былъ онъ мальчикомъ болѣзнымъ,
«Дряблымъ, худенькимъ такимъ!
«Разъ приходитъ, говоритъ мнѣ:
«Тятя, я пойду къ святымъ...

«И пошелъ... А вотъ въ Успенье
«Будетъ десять ужъ годовъ,
«Какъ къ нему я ѣздилъ въ Кіевъ.
«Звалъ ужъ очень! Добрый зовъ!

«Денегъ выслалъ! Все не ѣду!
«Такъ монаха, вишь, прислалъ,
«Чтобъ отца, молъ, взялъ въ дорогу
«И въ пути оберегалъ.

«Пріѣзжаемъ, значитъ, въ Кіевъ
«Къ повечерію, съ зарей...
«Только вышли на вокзалу
«Глядь: карета четверней!

«Страшно стало! Не привычно!
«Сердце робость забрала!
«Ѣдемъ къ Лаврѣ... Запылали,
«Словно солнце, купола...

«У воротъ остановились;
«На воротахъ на святыхъ—
«Намалеванные лики!
«А внизу—ряды живыхъ.

«Все монахи, да монахи—
«По проходу, съ двухъ сторонъ;
«Какъ взошли мы—пѣснь запѣли,
«Звучный ангельскій канонъ.

«А подъ сводомъ, по срединѣ,
«Въ клобукѣ и въ орденахъ,
«Мой сынишка!.. Ахъ, ты Боже!
«Радость свѣтится въ очахъ!

«Снялъ клобукъ—да мнѣ-то въ ноги!..
«Отче! Съ Господомъ гряди!..

«Ордена-то всѣ повисли
«Прямо на̀-землю съ груди!!..

«Вотъ мнѣ сынъ какой достался!
«Тѣло духомъ возродилъ!..»
—«Что-же, дѣдушка,—остаться
«Развѣ сынъ-то не просилъ?»

—«Не просилъ?! Съ земнымъ поклономъ
«Много разъ просилъ въ слезахъ...
«Да и рай у нихъ небесный
«Въ лаврскихъ холеныхъ садахъ...»

—«Отчего-же ты вернулся?»
—«Отчего?.. Да какъ сказать...
«Вотъ привыкъ,—восьмой десятокъ
«Знать—что солнцу тутъ вставать,

«Тамъ—садиться за лѣсочкомъ...
«Да и колоколъ тогда
«Новый ставили!.. Гляди-ка:
«Вонъ сіяетъ, что звѣзда!..»

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

СВАДЬБА.

Умерла дочка старосты, Катя.
Ей отецъ въ женихи Павла прочилъ,
А любила она Александра...
Воронъ горе не даромъ пророчилъ.

Отнесли парни Катю въ часовню;
А часовня на горкѣ стояла;
Вкругъ сосновая роща шумѣла
И колючія иглы роняла.

Выѣзжалъ Александръ поздно ночью;
Тройка, фыркая, пряла ушами;
Подходила сосновая роща,
Обнимала своими вѣтвями.

Заскрипѣли тяжелыя петли,
Пошатнулся порогъ подъ ногою;
Поднялъ парень изъ гроба невѣсту
И понесъ, обхвативши рукою.

Свистнулъ кнутъ, завертѣлись колеса,
Застонали, оживши, каменья,
Потянулись назадъ полосами
Пашни, рощи, столбы и селенья.

Расходились настеганы кони,
Заклубились ихъ длинныя гривы;
Мѣдяные бубенчики плачутъ,
Бьются, сыплются ихъ переливы!

Какъ живая посажена Катя:
Поглядѣть—такъ глядитъ на дорогу;
И стоитъ Александръ надъ невѣстой,
На сидѣнье поставивши ногу.

На-бекрень поворочена шапка,
Вѣтеръ плотно лежитъ на рубахѣ;
Не мигаютъ раскрытыя очи,
Руки—струны, и кнутъ—на отмахѣ.

Понесли кони въ гору телѣгу,
На вершинѣ, осажены, сѣли...
Поднялась подъ дугой коренная,
Пристяжныя, присѣвъ, захрапѣли...

Тамъ, согнувшись красивой дугою,
У дороги песокъ подмывая,
Глубока и глубоко подъ нею
Проходила рѣка голубая...

Занимается ясное утро,
Вѣтеръ съ кручи песокъ отвѣваетъ,

Тройка, сбившись въ вожжахъ и постромкахъ,
Морды низко къ землѣ наклоняетъ.

Надъ обрывомъ валяется шапка...
Смяты, вянутъ цвѣты полевые...
Блещетъ золотомъ розовый вѣнчикъ,
А на вѣнчикѣ—лики святые...

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖЪ.

Ладно! Я тащить готовъ
И кадило, и покровъ...

Только выпью вотъ, впередъ:
Сухость горло мнѣ деретъ!

Намъ, церковнымъ сторожамъ,
Все ходить по мертвецамъ...

Слышь: сегодня на зарѣ,
Въ ближнемъ домѣ, во дворѣ,

Баринъ пулей лобъ разбилъ!
Сумасшедшимъ, значитъ, былъ...

И велѣли мнѣ тащить
Обиходъ, чтобъ хоронить.

Мало-ль ихъ въ столицѣ мретъ?
На покой идетъ народъ!

Видѣлъ въ церкви я у насъ,
Чуть есть служба, каждый разъ,

Блѣднолицую одну...
Какъ пройду я, да взгляну!

Видъ-то жалостный такой,
Почитай—что не живой...

Будетъ скоро ей капутъ!
Хоронить насъ позовутъ;

Я и къ ней, значитъ, стащу
И кадило, и свѣщу!..

Рядомъ съ ней стоялъ порой
Молодецъ одинъ лихой,

И, хоть я и пьянъ бывалъ,
Ну а все межъ нихъ слыхалъ

Говоръ этакой... слова...
Шопотомъ... едва, едва!..

А вчера, вотъ, въ первый разъ,
Въ несуразный, значитъ, часъ,

Въ храмъ пришли... Ну, невзначай
Повстрѣчались, — мнѣ на чай!

Мало-ль что извѣстно намъ,
Намъ, церковнымъ сторожамъ?

Прихожу, значитъ, къ нему,
Я къ убивцу къ самому,

Прихожу... ему поклонъ...
Глянулъ въ ликъ! Тотъ самый... онъ!

Сталъ онъ барынѣ подъ-стать:
Блѣдный, краски не видать,

Только лобъ съ угла разбитъ,
Перевязанъ и обмытъ!

Что за притча! Ой, ой, ой!
Вѣдь вчера-то былъ живой!..

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

ВИДѢНІЕ ПОДЪ ПЛЕВНОЙ.

Ходитъ въ курганахъ подъ Плевной песокъ...
Кто-бы смутить въ немъ покойниковъ могъ?

Нужно-ль кому, чтобъ иначе легли
Въ нѣдрахъ безмолвныхъ далекой земли?..

Вышли покойники. Стали судить:
Скобелевъ умеръ—такъ какъ проводить?!

«Если-бъ, о Господи, жизни тепло—
Думаютъ мертвые—снова пришло,

«Братцы, товарищи, то-то бы мы
«Радостно выползли къ свѣту изъ тьмы!

«Развѣ испробовать новый манеръ:
«Скликнуть ближайшихъ сюда, напримѣръ,

«Встать и, собравшись, какіе мы есть,
«Наши знамена ко грѳбу отнесть?

«Сутки, нѣтъ—больше, пробудемъ въ пути...
«Что-же, товарищи? Значитъ—идти?!»

Ходитъ подъ Плевною, вьется песокъ;
Кличетъ томительно мертвый рожокъ,

Рѣютъ знамена, трепещутъ значки...
Мало-ль что мертвые, чѣмъ не полки?

Смотрятъ: какъ-будто-бы туча въ огнѣ,
Ѣдетъ къ нимъ Скобелевъ самъ на конѣ...

Только подъѣхалъ—коня придержалъ;
Мо̀лча убитыхъ оглядывать сталъ,

И передъ холодомъ мертвыхъ очей
Стали недвижны громады людей...

Словъ и рѣчей у покойниковъ нѣтъ,
Вмѣсто нихъ мысли сверкающій свѣтъ!

Поняли сразу: пріѣхалъ бранить—
Кто это вздумалъ людей разбудить?

Если безъ спроса, собща или врозь—
Всякое дѣло не годно, хоть брось!

Въ тучѣ не въ тучѣ, а будто въ огнѣ,
Всадникъ почившій сидитъ на конѣ;

Блѣденъ, осунулся, хмуръ генералъ...
Шутка-ль дорога-то! Видно, усталъ?

Самъ онъ весь въ бѣломъ, и лошадь бѣла,
Голову ну̀ритъ, грызетъ удила...

Каплетъ обильная пѣна съ удилъ
Въ темныя нѣдра открытыхъ могилъ!

Видятъ: поводитъ онъ тихо рукой...
Значитъ, приказъ далъ—лежать подъ землей!

И исчезаютъ, спускаясь въ пески
Слѣдомъ одни за другими полки...

Меркнетъ видѣнье, и гаснетъ огонь.
Въ землю уходятъ и всадникъ, и конь!

Пусто становится... Тишь тамъ, да гладь;
Нечего, кажется, видѣть и ждать!

Точно въ Россіи, излюбленный видъ—
Голые холмы и дремлющій Видъ...

ХАНЪ И ДѢВИЦА.

(И. В. Васильеву.)

«О, властительный ханъ!—павъ ничкомъ, говоритъ
Именитый сановникъ большой:—
«Изъ князей, что гонцами ты, ханъ, разослалъ,
«Ни одинъ не вернулся домой...

—

«Этихъ въ дальнихъ краяхъ колдуны извели,
«Тѣ погибли отъ вражьихъ мечей;
«Не сыскать, ханъ великій, по лику земли,
«Чародѣйки, дѣвицы твоей»!..

—

Ханъ въ отвѣтъ: «Нарядить самыхъ мощныхъ князей,
«Не такихъ, какъ два года назадъ,
«Чтобъ ихъ мечъ не сгубилъ, не извелъ чародѣй,
«Чтобъ свершили мой ханскій нарядъ.

—

«Да и какъ не сыскать? Я-ли вамъ не сказалъ,—
«А сказалъ—это слово законъ,—

«Что на лѣвой щекѣ у нея, малымъ-малъ,
«Черной рòдинки знакъ прирожденъ».

—

И пять разъ пропадали князья безъ слѣда,
По два года на каждый чередъ,
И въ шестой разъ послали, не зная куда,
И двѣнадцатый годъ настаетъ...

—

Ханъ старѣетъ. Угрюмъ и не милостивъ сталъ,
И не можетъ онъ думъ отогнать
О дѣвицѣ, которую какъ-то видалъ,
И хотѣлъ-бы увидѣть опять.

—

Разъ услышалъ народъ—на стѣнахъ въ била бьютъ,
Слухъ прошелъ, что дѣвица нашлась,
Что съ почетомъ ее въ ханскій зàмокъ везутъ,—
Что везетъ ее жидъ, а не князь!

—

«Приведите жида! Приведите скорѣй!
«Что, однако, захочетъ онъ взять?»
Ханъ сказалъ и, собравъ своихъ думныхъ людей,
Сѣлъ на тронъ и уставился ждать.

—

Жидъ бородкой трясетъ, оба пейса дрожатъ,
И, предъ ханомъ представъ, говоритъ:
«Мощный ханъ! Свѣтлый ханъ! Я везу тебѣ кладъ,
«Но заклятье на кладѣ лежитъ.

—

«Какъ представлю тебѣ я ее напоказъ,
«Если взглянешь—сейчасъ-же умрешь;
«Только въ зеркало можешь взглянуть въ первый разъ,
«А потомъ безъ зазора возьмешь.

—

«Въ полѣ чистомъ поставь бѣлъ-шелкòвый шатеръ;
«Въ тотъ шатеръ, ханъ, войдемъ мы съ тобой;
«Въ руки зеркальце дамъ, посажу на коверъ
«И пройду съ ней за ханской спиной.

—

«Я ужъ сдѣлаю такъ, что приближусь къ плечу,
«Къ черной рòдинкѣ ты приглядись,
«А когда я тебѣ, ханъ, «смотри!» закричу...
«Ну, тогда, ничего, обернись!

—

«Всѣ князья твои гибли—увидѣвъ!.. Коня
«Ты въ награду изволишь мнѣ дать;
«Чтò всѣхъ вихрей быстрѣй, жарче яркаго дня,
«И на немъ—хоть судьбу обгонять!

—

«Всхоленъ онъ чародѣя умѣлой рукой,
«Въ немъ несчетнаго много добра:
«Чуть гдѣ ступитъ на землю проворной ногой—
«Тутъ монета лежитъ серебра.

—

«Коль по сердцу условье—вели ты князьямъ
«Въ поле выйти; зови и народъ!

«Я дѣвицу тебѣ изъ рукъ въ руки отдамъ:
«Конь у входа, осѣдланъ, пусть ждетъ!»

—

Ханъ прослушалъ. Въ конѣ томъ богатствъ безъ конца!
Съ нимъ и рати враговъ не страшны!
Унаслѣдованъ конь, какъ и тронъ, отъ отца...
А дѣвица? Ей нѣтъ и цѣны!

—

Ужъ и ждалъ онъ ея! Ожидая—изнылъ,
Только страсть все сильнѣй да сильнѣй!
Сколько славныхъ князей на нее онъ сгубилъ!
Развѣ конь этотъ лучше князей?

—

«Ладно, жидъ! Такъ и быть! Конь мой будетъ твоимъ;
«До шатра въ чистомъ полѣ иди!»
Вышли: ханъ со дружиной, народъ вслѣдъ за нимъ,
Бабы, дѣти... а жидъ впереди.

—

Ханъ—въ шатеръ. Сѣлъ и зеркальце держитъ въ рукѣ,
Смотритъ пристально... Точно, она!
Вотъ и родинку видитъ на лѣвой щекѣ!
Оглянулся-бъ, да клятва страшна!..

—

Порывается встать, а въ ногахъ — что свинецъ...
А она-то, куда хороша!
Жадно ждетъ онъ и слышитъ: «Смотри!» наконецъ,—
Просіялъ, загорѣлась душа,

—

Оглянулся... Красива... Но, нѣтъ не она!
Поплотнѣй, поприземистѣй той!..
Да и рòдинка черная ясно видна
Не надъ лѣвой—надъ правой щекой!

—

А у всѣхъ на глазахъ, будто черный вампиръ,
Присосавшись къ сѣдлу, скачетъ жидъ,
Зубы склабитъ, смѣется, кричитъ: «ай, вей міръ!»
Пейсы вьются, бородка дрожитъ;

—

Развѣвается длинный его лапсердакъ,
Слѣдъ коня весь горитъ серебромъ;
Подобрать-бы?.. Жидъ думаетъ: какъ бы не такъ!
Жидъ былъ крѣпокъ не заднимъ умомъ!..

СЛУХЪ.

Идетъ, бредетъ нелѣпый Слухъ
Съ беззубыхъ ртовъ сѣдыхъ старухъ,
Вездѣ пройдетъ, все подглядитъ,
Къ чему коснется—зачернитъ;
Тутъ порычитъ, тамъ заоретъ,
Здѣсь прочихнется, отойдетъ.
Онъ вѣрно здѣсь? Посмотришь—нѣтъ,
Пропалъ за нимъ и духъ и слѣдъ,

А онъ далёко за глаза
Гудитъ, какъ дальняя гроза...
Съ нимъ много разъ вступали въ бой:
Стоитъ, какъ витязь онъ чудной,
Неясенъ обликомъ своимъ,
Громаденъ, глупъ и недвижимъ;
Сквозь сталь и бронзу шишака,
Сквозь лобъ, проходятъ облака!

Въ немъ тѣла даже вовсе нѣтъ:
Сквозитъ на тѣнь, сквозитъ на свѣтъ!
Ступнями Слухъ травы не мнетъ...

Но пусть, кто смѣлый, нападетъ:
Что ни ударъ, что ни рубецъ,—
Онъ все растетъ и подъ конецъ
Подступитъ вплоть, упрется въ грудь,
Не дастъ и руку замахнуть...

А иногда своихъ сынковъ
Напуститъ Слухъ, какъ комаровъ;
Жужжитъ и вьется ихъ народъ
И лѣзетъ въ уши, въ носъ и въ ротъ;
Какъ ни отмахивай рукой,
Все тотъ-же шумъ, все тотъ-же рой...
А Слухъ-отецъ сидитъ при нихъ,
Читая Житія Святыхъ...

КАРЛЫ.

Въ водàхъ голубого бассейна
Купаются жены Гуссейна;
Какъ мраморъ, тѣла ихъ бѣлы̀,—
Достойны великой хвалы...

—

Курносы, черны и косматы,
Арабки несутъ ароматы,
Онѣ ихъ и сыплютъ, и льютъ
И дивныя пѣсни поютъ...

—

Любимцы могучаго бея,
На женъ исподлобья глазѣя,
Два старые карла сидятъ
И тоже тихонько гнусятъ...

—

Вотъ жены выходятъ, толпятся,
На пышныя ложа ложатся,

И къ нимъ, — не по росту грѣшны, —
Идутъ посидѣть горбуны...

—

Ну, Богъ съ нимъ, съ наслѣдственнымъ беемъ!..
Мы всѣ что-нибудь да имѣемъ,
Но карламъ-то, карламъ за что?
И два ихъ! Могло-бы быть сто!

ОБЕЗЬЯНА.

На небѣ луна, и кругла̀ и свѣтла̀,
А звѣзды—ряды хороводовъ,
А черныя тучи сложились въ тѣла
Большихъ допотопныхъ уродовъ.

Одѣты поля серебристой росой...
Подъ бѣлымъ покровомъ тумана
Вонъ дроги несутся дорогой большой,—
На гробѣ сидитъ обезьяна.

— «Эй! Кто ты,—что думаешь ночь запылить,
Коней своихъ въ пѣну вогна̀ла?»
— «Я глупость людскую везу хоронить,
Несусь, чтобъ заря не застала!»

— «Но какъ-же, скажи мнѣ, такъ гробъ этотъ малъ!
Не вся-же тутъ глупость людская?
И кто-жъ хоронить обезьяну послалъ,
Обрядный законъ нарушая?»

— «Я, видишь-ли, вовсе не то, чѣмъ кажусь:
Я родомъ великая личность:

У васъ философіей въ мірѣ зовусь,
Порою-же просто практичность;

«Я, нѣкогда, въ Ка́нтѣ и Фи́хте жила,
Въ отцѣ Шопенгау́эрѣ ныла,
И Германа Га́ртмана я родила,
И этимъ весь свѣтъ удивила.

«И всѣ эти люди, одинъ по другомъ,
Всѣ глупость людей хоронили,
И думали: будто со мною вдвоемъ
Ума—что песку навозили.

«Ты, чай, не профессоръ, не изъ мудрецовъ,
Сдаешься не хитрымъ и только:
Хоронимъ мы глупости много вѣковъ,
А умъ не подросъ ни насколько!

«И вотъ почему: чуть начнешь зарывать,
Какъ гробъ ужъ успѣлъ провали́ться—
И глупости здѣшней возможно опять
Въ Америкѣ, что-ли, явиться.

«Что ночью схоронятъ—то выскочитъ днемъ;
Тотъ броситъ—а этотъ находитъ...
Но ясно—чѣмъ царство пространнѣе,—въ немъ
Тѣмъ болѣе глупостей бродитъ...

— «Ахъ ты, обезьяна! Постой, погоди!
Проклятая вѣдьма—болтунья!..»
Но дроги неслись далеко впереди
Въ широкомъ свѣту полнолунья...

ВЪ ПУТИ.

ЗА СѢВЕРНОЙ ДВИНОЮ.

(На рѣкѣ Тоймѣ.)

Въ лѣсахъ, замкнувшихся великимъ, мертвымъ кругомъ,
Въ большой прогалинѣ, и свѣтлой, и живой,
Расчищенной давно и топоромъ, и плугомъ,
Стою задумчивый надъ тихою рѣкой.

Раскинуты вокругъ по скатамъ горъ селенья,
На небѣ облака, что̀ думы на челѣ,
И сумракъ двигаетъ туманныя видѣнья,
И мѣсяцъ свѣтится въ полупрозрачной мглѣ.

Готовится заснуть спокойная долина;
Кой-гдѣ окно избы мерцаетъ огонькомъ,
И церковь древняя, какъ обликъ исполина,
Слоящійся туманъ пронзила шишакомъ.

Еще поетъ рожокъ послѣдній, замолкая.
Въ ночи такъ ясенъ звукъ! Тутъ—люди говорятъ,
Тамъ—дальній переливъ встревоженнаго лая,
Повсюду—мягкій звонъ покоящихся стадъ.

И Тойма тихая, чуть слышными струями,
Блистая искрами серебряной волны,

Свиваетъ легкими, волшебными цѣпями
Съ молчаньемъ вечера мои живые сны.

Край безъ исторіи! Край мирнаго покоя,
Живущій въ вѣяньи родимой старины,
Въ обычной ясности семейственнаго строя,
Въ покорности дѣтей и скромности жены.

Открытый всѣмъ страстямъ суровой непогоды
На мертвомъ холодѣ нетающихъ болотъ—
Онъ жилъ безъ чаяній мятущейся свободы,
Онъ не имѣлъ рабовъ, но и не зналъ господъ...

Подъ вѣчнымъ бременемъ работы и терпѣнья,
Прошелъ онъ день за днемъ далекіе вѣка,
Не зная помысловъ враждебнаго стремленья—
Какъ ты, далекая, спокойная рѣка!..

Но жизнь иныхъ основъ, упорно наступая,
Раздвинувши лѣса, долину обнажитъ,—
Создастъ, какъ и вездѣ, бытописанья края
И пестрой новизной обильно подаритъ.

Но будетъ-ли тогда, какъ и теперь, возможно
Надъ этой тихою невѣдомой рѣкой,
Пришельцу отдохнуть такъ сладко, нетревожно,
И такъ живительно усталою душой?

И будутъ-ли тогда счастливѣй люди эти,
Что мирно спятъ теперь, хоть жизнь имъ не легка?..
Ночь! Стереги ихъ сонъ! Покойтесь, Божьи дѣти,
Струпсь, баюкай ихъ, счастливая рѣка!.

ВЪ ЗАОНЕЖЬИ.

Верстъ сотни на три одинокій,
Готовясь въ дебряхъ потонуть,
Бѣжитъ на сѣверъ не широкій,
Почти всегда пустынный путь.

Порою, по часамъ по цѣлымъ,
Никто не ѣдетъ, не идетъ;
Трава подъ сѣменемъ созрѣлымъ
Между колей его ростетъ.

Унылый край въ молчаньи тонетъ...
И, въ звукахъ медленныхъ, безъ словъ,
Одна лишь проволока стонетъ
Съ пронумерованныхъ столбовъ...

Во имя чьихъ, какихъ желаній
Ты здѣсь, металлъ, заговорилъ?
Какъ непрерывный рядъ стенаній
Твой звукъ задумчивъ и унылъ!

Какимъ пророчествамъ тутъ сбыться,
Когда, рѣшившись заглянуть,
Жизнь стонетъ раньше, чѣмъ родиться
И стономъ пролагаетъ путь?!.

ЦЫНГА.

Когда отъ хлябей и болотъ
И отъ гнилыхъ торфяниковъ
Тлетворный духъ въ ночѝ идетъ
Въ молочныхъ обликахъ паровъ,

И ищетъ въ избы онъ пути,
Гдѣ человѣкъ и желтъ, и худъ,
Гдѣ сытыхъ вовсе не найти,
Гдѣ вѣчно впроголодь живутъ,—

Спѣшите мимо поскорѣй,
Идите дальше стороной
И прячьте маленькихъ дѣтей:
Цынга гуляетъ надъ землей!

«Ахъ, мама! Глянь-ка изъ окна...
Тамъ кто-то есть, навѣрно, есть!
Вонъ голова его видна,
Онъ ищетъ щелку, чтобъ пролѣзть!

Какой онъ бѣлый и слѣпой!..
Онъ шаритъ пальцами въ стѣнѣ...

Онъ копошится за стѣной...
Ахъ, не пускай его ко мнѣ!..»

Дитя горитъ... И сухъ языкъ...
Нѣтъ больше силы кликнуть мать...
Безмолвный гость къ нему приникъ
Припалъ! даетъ собой дышать!

Какъ-будто ластится къ нему,
Гнететъ дитя, раскрылъ всего
И, выдыхая гниль и тьму,
Себя онъ грѣетъ объ него...

Такъ, говорятъ, ихъ много мретъ
Въ лачугахъ, маленькихъ дѣтей,—
Тамъ, гдѣ живутъ среди болотъ,
У корелы и лопарей!

НА ВОЛЖСКОЙ ВАТАГѢ.

Это на Волгѣ, на матушкѣ, было!
Солнце за степью въ пескахъ заходило.
Я перебрался въ лодчонкѣ къ рыбацкой ватагѣ,
Съ ромомъ во флягѣ,—
Думалъ я, можетъ, придется поднесть
Выпить въ мою, или въ ихнюю честь!

Бѣлая отмель верстъ на пять бѣжала.
Тутъ-то въ рогожныхъ заслонахъ ватага стояла.
Сѣти длиной чуть не съ версту на древкахъ торчали,
Рѣзко чернѣя на бѣломъ пескѣ, просыхали...
Домикъ съ оконцемъ стоялъ переносный;
Края далекаго сосны,
Изъ Ярославля, знать, срубомъ служили,
Смолы сочили...
Вижу: хозяинъ стоитъ; онъ сказалъ:
—«Ваше степенство должно быть случайно попалъ?
Чай, къ пароходу, поди, опоздали,
Заночевали?»
Также сказалъ, что уловъ ихъ недуренъ,

И что, хоть мѣсяцъ былъ буренъ,
Все-же у нихъ
Рыбинъ большихъ
Много въ садкѣ шевелится!
Можетъ, хочу убѣдиться?

Въ ближнемъ яру тамъ садокъ пребольшущій стоялъ.
Былъ подѣленъ онъ на клѣти; я шесть насчиталъ;
Гдѣ по длинѣ ихъ, а гдѣ поперекъ
Сходни лежали изъ тонкихъ досокъ.
Каждая клѣть была рыбой полна...
Шумно играла въ нихъ рыбья волна!
Стукался толстый лосось и юлила стерлядка;
Въ звучно плескавшей водѣ, посреди безпорядка,
Чопорно, въ бѣлыхъ тесьмахъ, проходила севрюга;
—«Есть, говорилъ мнѣ хозяинъ, у насъ и бѣлуга!»
Сунулъ онъ жердь и по дну поводилъ,
Поднялъ бѣлугу! Насъ дождь окатилъ,
Чуть показалась она... Мощнымъ плесомъ хлестнула,
Точно дельфинъ кувырнулась и ко дну юркнула...

Ночь налегла той порой...
Очередной
Сѣти закидывалъ; прочіе кучей сидѣли;
Два котелка на треногахъ кипѣли;
Яркій огонь по синѣющей ночи пылалъ,
Искры металъ...

Разные, пестрые люди въ той кучѣ столпились...
Были такіе, что ближе къ огню протѣснились;
Были такіе, что въ мракъ уходили,—

Точно они свои лица таили!
«Что́ его, думали, къ намъ сюда носитъ?
Ежели, вдругъ, да про пашпорты спроситъ?
Правда, далёки пески! Не впервой уходить!
Дернула, видно, нелёгкая насъ посѣтить!..»

Фляга съ ямайскимъ осталася полной при мнѣ:
И повернуть-то ея не пришлось на ремнѣ!
Даже и къ слову придти не пришлось никому;
Былъ я не по̀-сердцу волжской ватагѣ,—видать по всему!—
Выходцемъ міра иного,
Мало сказать что чужого...

Только отъѣхавши съ версту отъ стана,
Лодкой спугнувъ по пути пеликана,
Онъ на волнахъ уносившейся Волги дремалъ,—
Что пеликаны на Волгѣ бываютъ, того я не зналъ,—
Издали пѣсню я вдругъ услыхалъ хоровую...
Въ звѣздную ночь, въ голубую,
Цѣльною шла, не куплетъ за куплетомъ,—
Тьму разсѣкала ночную высокимъ фальцетомъ
И, широко размахнувъ для полета великаго крылья,
Вдругъ ни на чемъ обрывалась съ безсилья...

Чудная ночь эту пѣснь подхватила,
И въ отголоскахъ безъ счета въ безбрежную даль проводила...

НА ВОЛГѢ.

Однимъ изъ тѣхъ великихъ чудодѣйствій,
Которыми ты, родина, полна,
Въ степяхъ песчаныхъ и солончаковыхъ
Струится Волги мутная волна...
Съ запасомъ жизни, взятымъ на дорогу
Изъ нѣдръ глубокихъ сѣверныхъ болотъ,
По странамъ жгучимъ засухи и зноя
Она въ себѣ громады силъ несетъ!
Отъ дебрей муромскихъ, и отъ скитовъ раскола,
Пройдя вдоль стѣнъ святыхъ монастырей,
Она подходитъ къ капищамъ, къ хуруламъ
Другого Бога и другихъ людей.
Здѣсь, вдоль песковъ, окраиной пустыни,
Совсѣмъ ввиду кочевій калмыковъ
Передъ лицомъ блуждающихъ киргизовъ,
Питомцевъ степи и ея вѣтровъ—

Для полноты и рѣзкости сравненья
Съ младенчествомъ культуры бытовой, —
Стучатъ машины высшаго давленья,
На пароходахъ съ топкой нефтяной.

Съ роскошныхъ палубъ, изъ каютъ богатыхъ,
Въ нѣмую ширь пылающихъ степей,
Несется рѣчь проѣзжихъ бородатыхъ,
Проѣзжихъ бритыхъ, взрослыхъ и дѣтей;
И между нихъ, чуть вечеръ наступаетъ,
Совсѣмъ свободно, въ заповѣдный часъ,
Себя еврей къ молитвѣ накрываетъ,
И Магомета рабъ свершаетъ свой намазъ;
И тутъ-же рядомъ, страшно поражая,
Своею вздорной, глупой болтовней,
Столичный франтъ, на службу отъѣзжая,
Все знаетъ, видѣлъ и совсѣмъ герой!

Какая пестрота и смѣсь сопоставленій?!
И та-же все единая страна...
Въ чемъ разрѣшенье этихъ всѣхъ движеній?
Гдѣ всѣмъ имъ цѣль? Дана-ли имъ она?
Дана, конечно! Только не добиться,
Во что здѣсь жизни суждено сложиться!
Придется ей самой себя создать
И отъ исторіи ничѣмъ не поживиться,
И отъ прошедшаго образчиковъ не брать.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

ХАНСКІЯ ЖЕНЫ.

(Крымъ.)

У старой мечети гробницы стоятъ,—
Что̀ сестры родныя, столпились;
Тутъ ханскія жены рядами лежатъ
И сномъ непробуднымъ забылись...

И, кажется, точно ревнивая мать,
Надъ ними природа хлопочетъ,—
Какую-то думу съ нихъ хочетъ согнать,
Прощенья отъ нихъ себѣ хочетъ.

Ростить кипарисы, ихъ сонъ сторожить,
Плющомъ, что̀ плащомъ, одѣваетъ,
Велитъ соловьямъ здѣсь на родинѣ быть,
Медвяной росой окропляетъ.

И времени много съ тѣхъ поръ протекло,
Какъ ханское царство распалось!
И, кажется, все бы забыться могло,
Все... если-бы все забывалось!..

Ихъ хитростью брали, ихъ силой влекли,
Ихъ стражамъ гаремовъ вручали
И тѣшить властителей ханской земли,
Ласкать, не любя, заставляли...

И помнятъ могилы!.. Задумчивъ ихъ видъ...
Великая месть не простится!
Разрушила ханство, остатки крушитъ
И спящимъ покойницамъ снится!

НА ГОРНОМЪ ЛЕДНИКѢ.

Въ ясномъ небѣ поднимаются твердыни
Льдомъ украшенныхъ, порфировыхъ утесовъ;
Прорѣзаютъ нѣдра голубой пустыни
Острые углы, изломы ихъ откосовъ.

Утромъ прежде всѣхъ другихъ они алѣютъ
И позднѣй другихъ подъ вечеръ погасаютъ,
Никакія тѣни ихъ покрыть не смѣютъ,
Надъ собою выше никого не знаютъ.

Развѣ туча дастъ порою имъ напиться
И спѣшитъ пройти, разорванная, мимо...
Пьютъ утесы смерть свою невозмутимо
И не могутъ отъ нея отворотиться.

Образъ вѣчной смерти! Нѣтъ нигдѣ другого,
Чтобы выше поднялся надъ цѣлымъ міромъ,
И царилъ, одѣтый розовымъ порфиромъ,
Въ бармахъ и въ коронѣ снѣга золотого!

Злая-ли насмѣшка надъ людьми въ томъ скрыта,
Иль подсказанъ ясно смыслъ успокоенья—
Если мысль, темнѣйшая изъ мыслей, слита
Съ самой свѣтлою изъ всѣхъ картинъ творенья?!

ВЕЧЕРЪ НА ЛЕМАНѢ.

Еще окрашены, на западъ направляясь,
Шли одинокія густыя облака,
И краснымъ столбикомъ, въ глубь озера спускаясь,
Горѣлъ огонь на лодкѣ рыбака.
Еще большой паукъ, вися на ниткѣ длинной,
Въ сквозную трещину развалины старинной,
Застигнутый росой, крутясь, не соскользнулъ;
Еще и сумерки, идя отъ щели къ щели,
Въ прозрачной темнотѣ растаять не успѣли
И вѣтеръ съ ледниковъ прохладой не тянулъ,—
Раздался звукъ... Онъ несся издалека,
Предвѣстникъ звѣздъ съ погасшаго востока,
И, какъ струна, по воздуху звенѣлъ!
Онъ несся, и за нимъ, струями набѣгая,
То рѣзокъ и глубокъ, то нѣжно замирая,
Вослѣдъ за звукомъ звукъ летѣлъ...
Они росли, гармонія катилась,
И громъ, и грохотъ, звучная, несла,
Давила подъ собой,—слабѣя, проносилась
И въ тонкомъ звукѣ чутко замерла...

А по горамъ высокій образъ ночи,
Раскрывши синія, увлаженныя очи,
По крыльямъ призраковъ торжественно ступалъ;
Онъ за бѣжавшимъ днемъ десницу простиралъ,
И въ складкахъ длиннаго ночного покрывала
Звѣзда вечерняя стыдливо проступала...

ОЗЕРО ЧЕТЫРЕХЪ КАНТОНОВЪ.

И никогда твоей лазури ясной,
Сквозящей здѣсь на страшной глубинѣ,
Лучъ солнца лѣтняго своей улыбкой страстной,
Пройдя до дна, не нагрѣвалъ вполнѣ.

И никогда морозъ зимы холодной,
Спустившись съ горъ, стоящихъ надъ тобой,
Не смѣлъ оковывать твоей пучины водной
Своей тяжелой, мертвенной бронёй.

За то, что ты не вѣдало, не знало
Того, что въ насъ, въ груди людей живетъ,—
Не жглось огнемъ страстей, подъ льдомъ не обмирало—
Ты такъ прекрасна, чаша синихъ водъ.

СТРАСБУРГСКІЙ СОБОРЪ.

Когда случалось, очень часто,
Мнѣ проходить передъ тобой,
Съ одною башнею стоялъ ты —
Полуоконченный, хромой!

Днемъ, какъ по книгѣ, по тебѣ я
О давнемъ времени читалъ;
Безмолвный міръ твоихъ фигурокъ
Собою текстъ изображалъ.

Днемъ въ отворявшіяся двери
Народъ входилъ и выходилъ;
Обѣдня шла и ты органомъ
Какъ-бы изъ груди голосилъ.

Все это двигалось и жило,
И даже рядъ надгробныхъ плитъ,
Казалось мнѣ, со стѣнъ отвѣсныхъ
Въ латинскихъ текстахъ говоритъ.

А ночью—двери закрывались,
Фигурки гибли съ темнотой,

Съ одною башнею стоялъ ты—
Отвсюду запертый, нѣмой!

И башня, какъ огромный палецъ
На титанической рукѣ,
Писала что-то въ небѣ темномъ
На незнакомомъ языкѣ!

Не башня двигалась, но—тучи...
И небо, на оси вертясь,
Принявши буквы, уносило
Ихъ неразгаданную связь...

ВИСБАДЕНЪ.

Въ числѣ явленій странныхъ, безобразныхъ,
Храня слѣды отцовъ и дѣдовъ нашихъ праздныхъ,
Ключи цѣлебныхъ водъ отвсюду обступая,
Растутъ, своимъ довольствомъ поражая,
Игрушки-города. Тутъ, были дни, кругомъ,
Склонясь, насупившись надъ карточнымъ столомъ,
Сидѣли игроки. Блестящіе вертепы
Плодились быстро. Дѣды наши, слѣпы,
Труды своей земли родимой расточали;
Преображались наши русскія печали
Чужой землѣ въ веселье! Силой тяготѣнья
Богатствъ влеклись къ невзрачнымъ городкамъ
Вся тонкость роскоши, всѣ чары просвѣщенья!
Вездѣ росли дворцы; по старымъ образцамъ
Плодились парки; фабрики являлись,
Пути прокладывались, школы размножались.
И богатѣла, будто въ грезахъ сна,
Далеко свыше силъ окрестная страна!...
Какимъ путемъ лѣсъ русскій, исчезая,
Здѣсь возникалъ, сады обсѣменяя?

Какъ это дѣлалось, что наши хутора,
Которыхъ тутъ, да тамъ у насъ не досчитались,
На родинѣ исчезнувъ, здѣсь являлись:
То въ легкомъ стилѣ мавританскаго двора,
То въ грузномъ, римскомъ, съ блещущимъ фронтономъ,
Китайскимъ домикомъ съ фигурками и звономъ!
И церкви русскія взростали здѣсь не съ тѣмъ,
Чтобъ въ нихъ молиться!.. Нѣтъ, пусть будетъ нѣмъ,
Пусть позабудется весь ходъ обогащенья,
Чужой для насъ земли. Пусть эти города
Растутъ, цвѣтутъ, — забывши навсегда
Причины быстраго и яркаго цвѣтенья!..

MONTE PINCIO.

Сколько бѣлыхъ, красныхъ маргаритокъ
Распустилось въ нынѣшней ночи!
Воздухъ чистъ, отъ паутинныхъ нитокъ
Рѣютъ въ немъ какіе-то лучи;

—

Золотятся зеленью деревья,
Пальмы дремлютъ, зонтики склонивъ;
Птицы вьютъ воздушныя кочевья
Въ темныхъ вѣткахъ голубыхъ оливъ;

—

Всѣ въ свѣту поднялись Аппенины,
Бѣлой пѣной блещутъ ихъ снѣга;
Ближе Тибръ по зелени равнины,—
Мутноводный, лижетъ берега.

—

Вонъ, на кактусъ тихо насѣдая,
Отдыхать собрались мотыльки,
И блистаютъ, крылья расправляя,
Какъ небесъ живые огоньки.

—

Храмъ Петра въ сосѣдствѣ Ватикана
Смотритъ гордо, придавивши Римъ;
Голова церковнаго Титана
Держитъ небо черепомъ своимъ;

—

Колизей, облитый краснымъ утромъ,
Виденъ мнѣ сквозь розовый туманъ,
И плыветъ, играя перламутромъ,
Облаковъ летучій караванъ.

—

Дряхлый форумъ съ термами Нерона,
Капитолій съ храмами боговъ,
Обелиски, куполъ Пантеона—
Ожидаютъ будущихъ вѣковъ!

—

Вонъ, съ корзиной въ пестромъ балахонѣ,
Красной шапкой свѣсившись къ землѣ,
Позабывъ о папѣ и Мадоннѣ,
Итальянецъ ѣдетъ на ослѣ.

—

Вѣтерокъ мнѣ въ платье заползаетъ,
Грудь мою пріятно холодитъ;
Ласковъ онъ, такъ трепетно лобзаетъ,
И, клянусь, я слышу, говоритъ:

—

«Милый Римъ! Любить тебя не смѣя,
Я забыть, какъ-будто-бы, готовъ
Травлю братьевъ въ сердцѣ Колизея,
Рабство долгихъ двадцати вѣковъ...»

НА ВЗМОРЬѢ.

(Въ Нормандіи.)

На берегахъ Нормандіи счастливой,
Гдѣ стѣнами фалезъ земля окаймлена,
Привольно людямъ, счастье не химера,
Трудъ не гнететъ и жизнь не голодна.

Еще всесильны пестрыя Мадонны
И, приношеньями обвѣшаны, глядятъ,
И депутаты здѣшнихъ мѣстъ въ Парижѣ
На крайней правой изстари сидятъ.

Еще живетъ старинная отвага
И крѣпкая душа въ нормандскихъ рыбакахъ:
Ихъ мощный типъ не можетъ измѣниться,
Онъ сохраненъ, онъ взросъ въ морскихъ соляхъ!

Нейдетъ отсюда жить къ американцамъ
Избытокъ силъ людскихъ; есть мѣсто для гробовъ;
Безсчетныхъ фабрикъ пламенныя печи
Не мечутъ въ ночь пунцовыхъ языковъ.

Межъ темныхъ рощъ, надъ тучными холмами,—
Стада и табуны, и замки, и дворы;

Изъ нихъ, что день, развозятся повсюду
И молоко, и масло, и сыры.

Здѣсь, вдоль черты приливовъ и отливовъ,
Въ волнахъ, играющихъ между прибрежныхъ глыбъ,
Роятся тьмы вертящихся креветокъ;
Морской песокъ—и этотъ полонъ рыбъ.

Повсюду словно гроздья винограда,
Лежатъ синѣющія мули подъ водой,
И всякой рыбою полны рыбачьи боты,
Бѣгущіе на утрѣ дня домой.

Пластомъ ракушки берегъ покрываютъ,
И краббовъ маленькихъ веселыя семьи,
Заслышавъ шумъ, подъ камни убѣгаютъ,
Бочкомъ ползутъ въ пристанища свои;

И всюду между нихъ, спокойнѣй чѣмъ другіе,
Отцы-«отшельники» различныхъ формъ живутъ:
То рачки умные, засѣвшіе въ скорлупки
Погибшихъ братьевъ, въ даровой пріютъ.

Лежитъ «отшельникъ», счастливъ и безпеченъ,
Лежитъ въ пескѣ и преспокойно ждетъ,—
Квартирою дешевой обезпеченъ,
А кушанье доставитъ море въ ротъ.

Свой вкусный хвостикъ глубоко запрятавъ,
Таращитъ этотъ ракъ проворныя клешни...
То дармоѣды, феодалы моря,
Невозмутимѣй всѣхъ другихъ они!..

КНЯЗЬЯ.

Ѣдутъ въ полѣ чистомъ,
Ѣдутъ семь князей,—
На коняхъ косматыхъ
Семь богатырей.

* * *

Ѣдутъ за княжною
Третій разъ въ тотъ годъ...
Сватаются семь ихъ,
А одинъ возьметъ...

* * *

Но въ гробу хрустальномъ,
Въ путь снаряжена,
Словно восковая
Свѣтится княжна.

* * *

И сидитъ надъ нею
    Князь, старикъ сѣдой,
Утирая слезы
    Дряхлою рукой.

* * *

«Что-жъ? Домой вернемся»,—
    Говорятъ князья,—
«Спорить нѣтъ причины,
    «Съ мертвой нѣтъ житья»!

* * *

«Лучше этой мертвой
    «Въ свѣтѣ нѣтъ живыхъ!»—
Отвѣчаетъ громко
    Младшій князь-женихъ.

* * *

«Смерть тутъ не причина,
    «Всякому свое!
«Что со мной сроднилось,
    «То—навѣкъ мое!

* * *

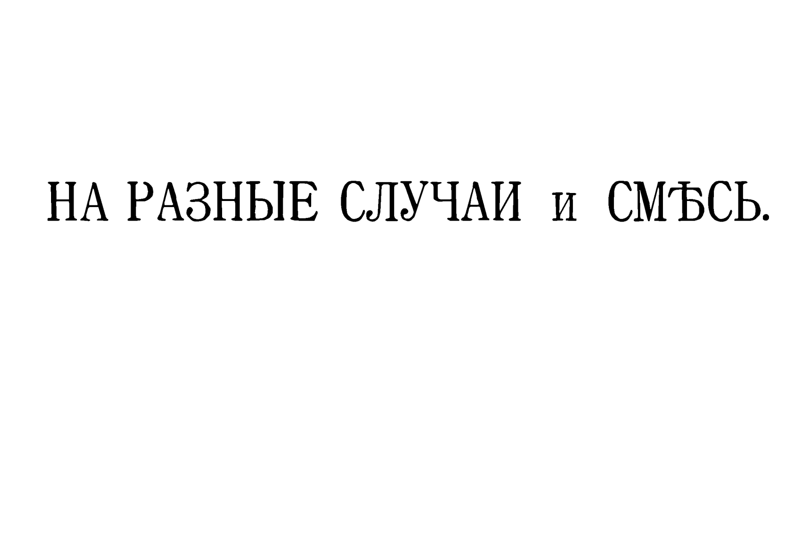
«За мои къ ней чувства,
«За любовь мою,
«Будемъ-же считаться
«Въ почестно́мъ бою!»

* * *

Сыплются съ шеломовъ
Искры, что съ огнивъ...
Шестеро убито.
Только младшій живъ.

* * *

Но отъ ранъ тяжелыхъ
Скоро умеръ онъ
И съ невѣстой рядомъ
Былъ похороненъ...

НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ и СМѢСЬ.

ПАМЯТНИКЪ.

(Послѣ 1 марта.)

Тамъ, непремѣнно тамъ, у стараго собора,
Въ томъ полукругѣ темныхъ колоннадъ,
Гдѣ два фельдмаршала, безмолвствуя, стоятъ,
Бытописаніемъ поконченнаго спора,—
Поставьте вы его многострадальный ликъ...
Пускай воскреснетъ онъ и кротокъ, и великъ!..

Изъ цифръ и буквъ вы выберите тѣ,
Которыя въ своей спокойной простотѣ
Судьба, когда она ласкала насъ, любила,—
Намъ «19-е февраля» сложила!
Изъ темной бронзы, ясны, велики
Должны быть буквы! Ихъ по кругу укрѣпите;
Пылая золотомъ, дубовые вѣнки
Ихъ плотно свяжутъ! Щитъ вы положите
На буквы,—а Царя поставите на щитъ!
Пусть будетъ Онъ не защищенъ, открытъ!
Съ открытой головой... Накинете порфиру!

Орлы имперіи, символъ понятный міру,
Да видятся на ней, а царскій горностай
Широкой лентою означитъ нижній край...
Въ одну изъ рукъ, Царю корону вы дадите.
Но не забудьте сжать корону ту кругомъ
Терновымъ, окровавленнымъ вѣнцомъ!
Другую руку вы на сердце положите:
Онъ сердцемъ жилъ—не могъ иначе жить..
Лицо въ молитвѣ къ небу обратить...
А тамъ, внизу, гдѣ дружно бросятъ тѣни
И Царь молящійся, и буквы, и ступени,
Сложите вы кругомъ семьею черныхъ змѣй
Обрывки тяжкіе разорванныхъ цѣпей!..

А будетъ созданъ онъ—и кончите вы дѣло
Народное—такъ воздвигайте смѣло!
Что перебиты голени его
Какъ на Голгоѳѣ... нѣтъ, не бойтесь вы того!
Онъ будетъ выситься, какъ вѣчное видѣнье,
Весь въ вѣчной памяти о славномъ февралѣ,
Одинъ, какъ Петръ на сѣверной скалѣ,
Одинъ, какъ мученикъ, принявшій отпущенье!

15 МАЯ 1883.

(На коронацію Александра III.)

Затеплилась Москва въ ликующихъ огняхъ!
По тьмѣ синѣющей, несмѣтными чертами,
Картиной огненной рисуясь въ небесахъ,
Обозначался Кремль, обставленный зубцами...
Въ горящихъ очеркахъ, ни кисти, ни перу
Не поддающихся, ничѣмъ не описуемъ,
По каждой профили, по каждому ребру
Рукой невидимой внимательно рисуемъ,
Кремль чудно возникалъ какъ-бы изъ тьмы вѣковъ,
Нетлѣнной жизни гость, явленье свѣтовое,
Весь въ честной памяти преставленныхъ отцовъ,
Въ общеньѣ съ вѣчностью, и въ царственномъ покоѣ...

—

Всѣ башни ожили, и рдѣя, и свѣтясь
Гдѣ яркимъ пурпуромъ, гдѣ синими огнями
Какъ-бы вступая вновь съ подлуннымъ міромъ въ связь,
Отъ древнихъ оконъ ихъ, блестящими тесьмами,
Свѣтлы, какъ солнца блескъ, и остры, какъ мечи,
Какъ-бы богатырей какихъ-то древнихъ взоры,
По тьмѣ полуночной рисуя вкругъ узоры,

Бродили длинные, подвижные лучп...
Толпа безсчетная отвсюду приливала,
Раскидывалась сплошь мятущимся ковромъ,
Какъ море, что̀ утесъ родной облюбовало,
Она п ластилась, и билась подъ Кремлемъ...

—

Въ молчаніи глухомъ и на сердцѣ твердыни
Стояли лишь однѣ соборныя святыни,
И только трепетнымъ румянцемъ куполовъ,
Какъ-бы сочувствуя веселью отвѣчали!
Казалось, тѣ цари, что̀ мирно почивали
За многимъ множествомъ промчавшихся годовъ,
Отвѣтили толпѣ, облитой яркимъ свѣтомъ,
Своимъ, едва-едва зардѣвшимся привѣтомъ...

—

И вдругъ надъ этимъ всѣмъ былъ сразу освѣщенъ
Знакомый изстари столбъ древней колокольни!
Онъ съ высоты взглянулъ на то, чѣмъ окруженъ:
На празднество̀ толпы, на весь просторъ раздольный;
Весь опоясанный алмазами огней,
Онъ гордо превознесъ старинную корону,
И православный крестъ заискрился надъ ней
По потемнѣвшему глубоко небосклону...

—

Москва! Кто зрѣлъ тебя въ одеждѣ огневой,
Кто эту ночь провелъ въ тебѣ, въ Первопрестольной,—
Тотъ много просвѣтлѣлъ, тотъ беззавѣтно твой—
На жизнь или на смерть въ любви непроизвольной...

КРЕЩЕНСКАЯ СКАЗКА-ПОБЫВАЛЬЩИНА.

О путешествіи Государевыхъ сыновей.

1891 годъ.

Ой-же, Свѣтъ-Государыня Матушка,
Ходитъ слухъ: ты тоскуешь, печалишься,
По сынкамъ ты грустишь, по отъѣхавшимъ,
И по первенцѣ Свѣтъ-Цесаревичѣ.
У тебя-ль въ теремахъ по небесному,
Къ пированьямъ столы всѣ налажены,
Все посланники вкругъ ихъ посажены,
Люди умные, головы думныя,
И бесѣдуютъ все по высокому,
И гудитъ перегудами музыка;
Только въ сердцѣ твоемъ все неможется,
Очи темныя долу опущены,
По уѣхавшимъ въ даль заволо̀кнуты...

Прикажи, Государыня-Матушка,
Чтобъ гусляра меня, стражи царскіе
Допустили въ хоромы высокія,
Чтобы ихъ не вспугнуть неожиданно
Несуразной моей деревенщиной.

Не понравлюсь—пусть выгонятъ, Матушка,
А понравлюсь твоей если милости,
Подари ты сермягу-гусѐльника
Не собольею шубой, не золотомъ,
Возвращеньемъ веселья очамъ твоимъ.
Разрѣшишь если слово мнѣ вымолвить—
Положу я поклонъ Царю-Батюшкѣ,
А тебѣ-то, Царица, въ осо̀бину,
Если нужно другой даже, въ дву̀гожды,
И начну я свой сказъ-побывальщину.

Не коня осѣдлали сѣдельникомъ,
Подтянули подпругой шелко̀вою.
Оснастили, знать, кру̀ты кораблики,
Забѣлѣли на нихъ бѣлы па̀русы,
И не тученьки въ небѣ затѐмнѣли,
И не бѣлы снѣжки забѣлѣлися,
А поѣхалъ въ моря Государевъ сынъ,
Величать его Свѣтъ-Цесаревичемъ;
Онъ со братомъ поѣхалъ, со младшіимъ;
Осѣнился народъ крестнымъ знаменьемъ,
Іереи взмолились съ поклонами,
И поплыли по морю кораблики,
На востокъ держа̀, къ солнцу румяному.

А тѣмъ временемъ я, Государыня,
Межъ обѣднею и заутреней,
На далекихъ выся̀хъ, въ тучевы̀хъ края̀хъ,
Да подъ шапкою невидимочкой,
На коврѣ-самолетѣ схоранивался!

А и въ первый часъ—видѣлъ полъ-земли,
А второй пошелъ—не могли найти!
Побывалъ я, Царица, въ далекихъ мѣстахъ,
А въ какихъ, то тебѣ я повѣдаю.

Какъ взвилися мы выше Синихъ горъ,
Гдѣ Дунай-рѣка схоронилася,
Гдѣ гостила не разъ побывальщина,
Сказкой стала и людямъ не вѣрится.
Пролетали мы изъ орды въ орду,
Къ Яровицкой землѣ, къ чернымъ мӯринамъ,
Тамъ Незнай-царства всѣ на дымъ пошли,
И въ безвѣчномъ своемъ вѣковѣчіи,
Безо всякой лежатъ шевелимости.
Тамъ степныхъ песковъ по окраинамъ,
Объявилися царства новыя;
Тамъ два синія моря столкнулися,
Ищутъ, какъ имъ быть, какъ мѣста найти,
И все шире берутъ, разливаются,
Въ Окіянъ-море обращаются.
А летѣли мы полосою той,
Гдѣ, съ покòнъ-вѣка, людямъ не видимо,
Свѣтлый день съ темной ночью встрѣчаются,
Подъ медяной росою цѣлуются,
Гдѣ—ни явь, ни сонъ, вѣщей сказки дрема,
Гдѣ ковры-самолеты попархиваютъ,
Не сшибаются, умны, ӯвертки.

Только зòренька къ сроку засвѣтлилась,
Вижу я: ѣдутъ въ морѣ кораблики,

Что лебедушки, другъ за дружкой вслѣдъ;
Бока согнуты по гусиному,
Носы строены по орлиному,
Орлы-птицы къ носамъ тѣмъ прилажены,
Всѣ кораблики прибраны, хо́лены,
Трубы дымныя, знай, пофу́ркиваютъ,
Стальны пушечки, знай, поблескиваютъ,
Съ чердаковъ глядятъ стражи зоркіе,
Атаманы по вышкамъ похаживаютъ,
Вкругъ послушиваютъ, вдаль поглядываютъ.

А и первый корабль поосанистѣй,
На него упасть я ковру велѣлъ;
Мы спустились на вышку чердачную.
Вижу: люди проснулись, всѣ заняты,
Кто студеной водой умывается,
Кто одѣлся—тотъ крестится, молится.
Прибираютъ корабликъ, осматриваютъ,
По кодо̀ламъ-снастямъ, расползаются,
Въ мачтахъ, ко́ржиньяхъ мухами лѣпятся,
Паруса-флаки быстро укладываютъ.
Часовыхъ повели, смѣну новую;
Къ якорямъ пошли, скоро ихъ метать:
Въ синевѣ морской горы видятся,
Означаются золотой чертой.

И пора-бы изъ люка на палубу,
Да по лѣстничкѣ частоуступчатой,
Проявиться сынамъ твоимъ Царскіимъ!
Но не идутъ они, позамѣшкались!

Ужъ и берегъ-то въ видимость близится,
Все ихъ нѣтъ. Атаманы шушукаютъ,
Гдѣ вдвоемъ, гдѣ втроемъ собираются;
—Не пойти-ль, говорятъ, понавѣдаться?
А кому пойти—на томъ споръ идетъ,
Всѣ у люка стоятъ, внизъ посматриваютъ,
Пальцемъ кажутъ путь, а идти нейдутъ.

А и тутъ я, надвинувши шапочку,
По ступенькамъ съ коврами муравчатыми,
Проскользнулъ, Государыня-Матушка,
Во открытую къ палубѣ ка̀мерку;
Не скрыпуча ходьба деревенщины!
Вижу: точно, сыны твои Царскіе.
За столомъ сидятъ, пишутъ гра̀мотки,
И торопятся, и подмахиваютъ,
На часы-самоходы поглядываютъ,
Золотыми песками посыпываютъ
И печатки до граматъ прикладываютъ!
Знать, минуты сосчитаны, до́роги,
Письма срочныя, берегъ близится...
Подошелъ я къ столу. Мало грамотенъ—
А прочесть прочелъ: письма къ Матушкѣ,
Къ Государю-Отцу, а надписаны,—
До великаго стольнаго города,
До большого двора Государева;
А чтобъ имъ не ждать, чтобъ гонцу скакать,
Чуть метнутъ отъ кораблика якори.
Государевы дѣти ихъ быстро строчатъ,

И торопятся, и подмахиваютъ,
Золотыми песками посыпываютъ,
На часы-самоходы поглядывая.

А и тутъ надо мной, Государыня,
Собралась вдругъ гроза неминучая!
Страсть-охота взяла меня лютая
Скинуть шапку мою невидимочку,
Стать, какъ есть, предъ лицо Цесаревича,
Чтобъ послалъ онъ меня къ тебѣ съ вѣсточкой:
Вѣдь съ нарочнымъ она все скорѣй дойдетъ!
Еслибъ, вправду, я снялъ съ себя шапочку,
Уничтожилъ свое затемненіе,—
Разпознали-бъ меня несуразнаго,
Ни къ какому занятью непро́шенаго!
Испыталъ-бы красы̀-басы̀ всякіе
За такое мое молодечество...
Сердце въ груди упало, ужа̀хнулось!
Мураши по спинѣ вдоль забѣгали!
Какъ стоялъ—такъ спиной и попятился,
И на палубу вылѣзъ срамне́шенко,
Окора̀чь иль затылкомъ—не помнится.

Только выползъ, мнѣ вслѣдъ, Государыня,
Той-же лѣстничкой частоуступчатой,
Проявились сыны твои Царскіе.
Разодѣлись въ покруты нарядные,
Какъ почѐстнымъ гостямъ полагается,
И по палубѣ стали похаживать.
Цесаревичъ пошелъ первымъ на̀-перво;

Онъ съ людьми со своими здоровается,
Со своими людьми, со работничками;
Ужъ и ласковъ онъ, и привѣтливъ онъ,
Всѣ поклоны кладетъ онъ по писаному,
Съ атаманами онъ разговариваетъ,
А и брови его—чернымъ соболемъ,
А глаза его—яснаго сокола!
Загорѣлъ онъ въ пути, поплотнѣе сталъ.

А тѣмъ временемъ къ берегу близимся,
Къ лукоморью подходимъ великому.
Городъ видимъ большой, со стрѣльницами,
По нагорьямъ дворцы въ немъ разсыпаны,
А по гребнямъ крышъ—змѣи, ястребы,
Стѣны пестрыя, окна фигурныя,
Колокольцы по башнямъ развѣшаны,
Вѣтеръ ходитъ по нимъ да позваниваетъ;
Золотое имѣнье—богачество,
Несказ̀анно красивая ви́димость!
Какъ начать если толкомъ описывать,
На бумагу—продать надо Кіевъ-градъ,
На чернила—не хватитъ Чернигова!
А вкругъ города села съ приселками,
А по улкамъ его, закоулочкамъ,
На большихъ площадяхъ, на торговыхъ путяхъ,
Обтолпилось народу невидимо;
Людъ несмѣтный, все головы, головы,
Все чужіе чуж̀ане заморскіе,
Все бурзы̀-мурзы, ханы китайскіе,

Все богатая, значитъ, богàтина!
Кто мущина—коса вдоль спины виситъ,
Бабы—въ круглыхъ штанинахъ, по мужески!
А по взморью суденышки разныя,
На бокахъ ихъ глаза намалеваны,
Вкругъ снуютъ, на пріѣзжихъ поглядываютъ!
Ихъ рули, что змѣиные хвостики,
Въ синемъ морѣ вертя̀тся, купаются,
Лѣтомъ жаркимъ въ водѣ прохлаждаются.

А и въ тѣ̀ поры, самымъ тѣмъ временемъ,
На Руси, на святой, православныи,
По церковному, значитъ, счисленію,
Младъ Январь мѣсяцъ только означился.
Разстилалъ онъ сугробы снѣгòвые,
Разставлялъ онъ хоромы ледя̀ныя.
Пріосанившись, бодро похаживалъ,
Рѣкъ-озеръ сердца вглубь промораживалъ,
Напускалъ скомороховъ, да ряженыхъ!
Всюду громко морозцы пощелкивали,
Подъ полозьями санокъ поскрипывали,
Во снѣжкахъ-катышкахъ вкругъ поскакивали,
Вдоль по нѣ̀сту на лыжахъ проскальзывали;
Гдѣ бураны, мятели закручивались,
Ну, а гдѣ тишь такая случалася,
Что, какъ солнечный лучъ скользилъ, слышалось,
Лучъ алѣющій солнышка зимняго,
И надъ русской землей, отдыхающей
Въ несказ̀анно довѣ̀рчивой скромности,

От великих забот лѣта труднаго,
Божья благость любовно задумывалась.

И ты вѣрь мнѣ, не вѣрь, Государыня,
Что прозрѣлись мнѣ мысли сынов твоих!
Берег близок. Стоят они рядышком,
Атаманы им вслѣд полукружіем,
Корабельное войско—ширинками.
На сынов твоих солнце любуется,
Осыпает их искрами жгучими,
А они—неподвижны, задумчивы,
Смотрят в явь, как бурзы-мурзы всякіе
Вкруг снуют на суденышках писаных,
Ну, а видят не то, видят иначе...

Іордань видят в звѣздах сіяющих!
Вкруг иконы вѣнцом понавѣшаны,
От высоких сѣней Государевых,
От большого крыльца, от дворцоваго,
По сукну багрецовому, стланому,
Іереи идут в облаченіях,
Под крестами идут, под хоругвями,
Сквозь кадильный дым на-земь спускаются;
Хор молитвенный Богу пѣснь поет!
Дохнул зимній день дыма-ладона,
Услыхал мороз пѣснь священную...
Дальше видят они: Іереям вслѣд
Государь идет, а за ним князья;
Хоть спокоен Царь, но не весел он:

Два-то мѣста въ семьѣ опростàлися,
Два ближайшихъ пустуютъ, не зàняты...

От крыльца къ рѣкѣ люди движутся,
Что на бѣлый снѣгъ волной кáтятся,
Золотою волной, звѣздоносною.
Той волнѣ во слѣдъ тесьмой темною,
Какъ червлѐнье по снѣгу, по золоту,
На высокихъ древкàхъ, въ боевыхъ рукахъ,
Рядъ любезныхъ знаменъ означается;
И отъ всѣхъ-то полковъ они присланы:
Есть отъ пѣшихъ, отъ конныхъ, отъ рòзысковъ,
Отъ пушкарскихъ, морскихъ, есть казачіи;
Всѣ въ горячей крови они купаны,
Прохладить ихъ несутъ водой свѣжею,
Водой свѣжею, Богоявленскою.
А далёко кругомъ, плотнымъ нà-плотно,
Православный людъ, народъ видится;
За рядами войскъ государевыхъ,
Съ непокрытою головой стоитъ,
Во всѣ очи глядитъ, смотритъ, крестится,
Іорданью своею высокою,
И Царемъ-Государемъ, и воинствомъ,
Какъ собою самимъ, онъ любуется,
На себя самого, знать, поглядываетъ!
А въ высокомъ дворцѣ, въ теремнòмъ окнѣ,
Ты, Царица, народу виднѣешься!
Ты въ кокошникѣ, въ золотой фатѣ,

Къ Іордани святой наклоняешься,
Думой за море устремляешься...

Тутъ опять, Государыня-Матушка,
Страсть-охота взяла меня лютая
Сбросить шапку мою невидимочку,
Стать, какъ есть, предъ лицо Цесаревича,
Чтобъ послалъ онъ меня къ тебѣ съ вѣсточкой...
Да какъ рявкнутъ вдругъ встрѣчу намъ пушечки,
Да какъ дали отвѣтъ мы съ кораблика,
Да какъ дрогнуло вдругъ по поднёбесью,
Подъ ногами, сбоковъ, снизу, пòверху,
Да огни запылали сверкучіе,
Да громá загремѣли трескучіе,
Да свистки вдругъ раздались, да òклики...
Испугался я, знать, деревенщина,
И, ужàхнувшись пуще прежняго,
Далъ приказъ ковру какъ ни есть летѣть!
А и въ первый часъ—видѣлъ полъ-земли,
Чуть второй пошелъ—объявился здѣсь,
На дворѣ своемъ, въ стольномъ городѣ.

Не кручинься ты, Свѣтъ-Государыня,
Не печалься ты въ чувствахъ родительскихъ,
Нашей русской землѣ на тяжелый сонъ,
Своей чистой семьѣ на безвременье!
Вѣдь алмазомъ семья твоя свѣтится,
Нѣтъ соринки въ ней, нѣтъ задòринки,
Ходитъ славушка о ней добрая,
Гдѣ идетъ-пройдетъ—похвалы поетъ!

Возвратятся сынки твои, Матушка,
По добру, по здорȯву, по рȧзуму,
Отъ Амурской рѣки, Байкалъ-озера,
Вдоль Сибирской тайги, сквозь Уральскихъ горъ;
Вѣтры буйные не обвѣютъ ихъ,
Часты дождики не обмочатъ ихъ!
На нихъ глазу лихому—не взглядывать,
Вслѣдъ имъ черной примѣтѣ—не слѣдовать,
Къ нимъ бѣдȧ-болѣсть не подступится,
А придетъ—пройдетъ съ Божьей помощью!
Крȧсно зȯлото не мѣдя̇нится,
Чи́сто сė̇ребро не желѣзится,
Молодая душа не поржавѣетъ!
Унесетъ наша осень холодная,
Съ нихъ налетный загаръ солнца южнаго,
А пріѣдутъ—тогда и за свадебки,
Сердцу Матери—къ добру, къ радости,
Государю-Отцу—въ величаніе,
Нашей русской землѣ—на почė̇стный пиръ.

А тутъ сказкѣ моей, побывальщинѣ,
И конецъ пришелъ. Не вели казнить!
Улыбнись ты ей, Свѣтъ-Государыня,
Такъ и будетъ, зачѣмъ вѣщій сказъ пошелъ,
Зачѣмъ въ синихъ высяхъ, въ тучевы̇хъ краяхъ,
Съ самолетомъ-ковромъ мы схоранивались,
Въ полчаса полъ-земли перепархивали...
Писемъ-грамотокъ я захватить не съумѣлъ,
Но принесъ голубиную вѣсточку!

6 января 1891 года.

ВИДѢНІЕ КРЕМЛЕЙ.

14 мая 1896 года.

(На коронацію Николая II.)

Въ старину на Руси было много Кремлей..
Всѣ сводили кровавые счеты!
Всѣ заснули они... Съ потускнѣвшихъ очей
Не согнать богатырской дремоты.
Спятъ на кручахъ Днѣпра, спятъ на Упѣ-рѣкѣ,
Во Владимірѣ спятъ и въ Ростовѣ,
Спятъ на Волгѣ, при устьѣ, и ближе къ Окѣ,
Въ Новѣгородѣ, Суздалѣ, Псковѣ.
И бываетъ порой, въ свѣтѣ майскихъ ночей,
Въ несмеркающихъ краскахъ заката,
Нарушается мракъ ихъ померкшихъ очей
Свѣтлымъ обликомъ младшаго брата.
Онъ изъ всѣхъ ихъ одинъ только живъ и здоровъ,
Онъ одинъ не согнулъ своей выи:
Горделиво взираетъ съ московскихъ холмовъ
Въ даль и въ ширь необъятной Россіи.
Въ ночь одну, — ходятъ сказы объ этихъ ночахъ,

Ихъ народная память слагаетъ, —
Вдругъ заблещетъ онъ весь въ огневыхъ поясахъ
И въ подвижныхъ лучахъ засверкаетъ!
Полнымъ-полонъ тогда онъ несчетныхъ гостей:
Къ коренному рабочему люду
Много важныхъ бояръ и купцовъ, и князей
Поспѣшаетъ тогда отовсюду...
Днемъ — пальба и трезвонъ сорока сороковъ
Златоглавыхъ церквей и соборовъ;
А подъ вечеръ, взамѣнъ мѣдяныхъ языковъ,
Звуки музыки, пѣніе хоровъ...
Оттого грохотъ пушекъ, церковный трезвонъ,
Оттого ликованья и клики,
Что, по древнимъ завѣтамъ, опять освященъ
Юный ликъ Государя-Владыки!
Оттого этотъ гулъ, этотъ блескъ огневой,
Что не можетъ быть въ людяхъ сомнѣній:
Передъ царственной мыслью Короны живой
Преклонились толпы привидѣній!

ПАМЯТИ СВ. КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ.

(885—1885.)

Два брата жили. Имъ, обласканнымъ судьбой,
Родня богатая была дана. Въ Царьградѣ
Стояли братья близко къ трону, и въ нарядѣ
Придворномъ выситься могли, и надъ толпой
Высоко подниматься,—но велѣньемъ
Господнимъ, эти братья, со смиреньемъ,
Всѣмъ славамъ міра, почестямъ земли,
Сойти въ сердца людей и жить въ нихъ предпочли.

—

И было такъ, что блескъ и роскошь Рима,
И папство гордое ласкали ихъ, маня
Къ себѣ. Тамъ тоже тронъ! И тоже злобы дня,
И та-же близость къ трону... Но, хранима
Завѣтной мыслію ихъ братская чета,
Познавши Римъ, ему предпочитала
Земель славянскихъ тишь, гдѣ бѣдность, простота
И некрещеная народность обитала,—

Гдѣ сквозь нѣмую даль синѣющихъ степей
Россія въ будущемъ неясно проступала...
Тамъ было имъ и лучше, и милѣй...

—

Между кумирнями Перуна и Купалы,
У мрачныхъ идоловъ въ чешуйчатыхъ броняхъ,
Въ ихъ словѣ проповѣдь Христова зазвучала
И тихимъ пламенемъ затеплилась въ сердцахъ.
И ожили сердца! Евангельское слово
Донынѣ слышится... Оно, изъ вѣщихъ строкъ,
Въ то сердце, что принять въ себя его готово,
Какъ цвѣтень падаетъ на жаждущій цвѣтокъ!

—

Отъ буквы греческой съ ея фигурной вязью
Возникли очерки родного намъ письма,
И съ нарожденьемъ буквъ сплотились крѣпкой связью
Завѣты вѣры и печать ума.
Такого не было нигдѣ возникновенья
Науки въ вѣрѣ! Наша рѣчь взросла
Въ словахъ Евангелья, принявъ свое рожденье
Въ дыханьи ласковомъ церковнаго тепла.

—

Привѣтъ, учители! Привѣтъ, на разстояньѣ
Всѣхъ завершенныхъ тысячи годовъ!
Привѣтъ на языкѣ, что вашимъ былъ созданьемъ,
Возникъ изъ вами-же завѣщанныхъ намъ словъ!
Звучатъ-ли къ вамъ онѣ своимъ знакомымъ ладомъ?
Доносится-ль до васъ родной вамъ звукъ рѣчей?..

И слышите-ли вы, какъ онъ съ другими рядомъ
Идетъ въ лазурь небесъ искать Царя Царей?
Онъ вамъ знакомъ, отцы, языкъ родныхъ преданій!
Отъ колыбелей нашъ, молитвой освященъ,
Желѣзомъ и свинцомъ великихъ битвъ крещенъ,
Глашатай жгучихъ бѣдъ и славныхъ ликованій,—
Въ строкахъ письменъ старинныхъ онъ дремалъ,
Отъ чуждыхъ примѣсей ихъ кельи охраняли...
И вотъ теперь въ тысячелѣтней дàли
Онъ, отъ источника чистѣйшій, заблисталъ!

—

Пусть времена темны̀, и пусть друзья враждебны,
Пусть правда всюду лжетъ и тамъ, гдѣ надо пѣть
Души за упокой—свершаются молебны,
Пускай безумствуютъ, гдѣ надо разумѣть,—
Но нашъ родной языкъ, возникшій въ православьѣ,
Врученный вами намъ непоборимый стягъ!
Пусть сдѣлалъ многое старинный князь Варягъ,
Прійдя на зовъ, сказавъ: «Теперь конецъ безправью!»
Но больше сдѣлали вы, вы, творцы письма,
Отъ буквы греческой съ ея фигурной вязью
Скрѣпивъ, сплотивъ несокрушимой связью
Завѣты вѣры и печать ума...

ВОСКРЕСШЕЕ ПРЕДАНІЕ.

(На возстановленіе 1-го кадетскаго корпуса, 1887 г.)

Привѣтъ тебѣ, нашъ свѣтлый уголокъ!
Друзья-товарищи, очагъ нашъ засвѣтился!
Онъ долго странствовалъ и снова возвратился
Въ тотъ меньшиковскій домъ, гдѣ времени потокъ
Его не трогалъ, гдѣ, въ тѣни родныхъ преданій,
Взросли мы, счастливы и полны ожиданій,—
Гдѣ пылью двухъ вѣковъ покрыты знамена,
Гдѣ до́ма многія большія имена...

—

Мысль о разсадникѣ всей доблести воинской
Царицѣ Аннѣ Минихъ далъ, иль Ягужинской.
Съ тѣхъ самыхъ поръ, чуть не отъ дней Петра,
По волѣ милости и царственной, и женской,
Шляхетскій корпусъ росъ. Была, была пора
Фельдмаршалы Прозо̀ровскій, Камѐнскій,
Румянцевъ—ранѣе другихъ,
Слетѣвъ съ гнѣзда, въ дѣяніяхъ живыхъ
Свои судьбы бытописали.

Временъ прошедшихъ цѣнныя скрижали
Хранятъ, куда потомокъ ни взгляни—
Въ Екатерининъ вѣкъ, и въ Александра дни,
Къ Балканамъ, на Кавказъ, на польскія возстанья
На Севастополь, Плевну, ихъ сказанья,
На степи Азіи—повсюду слѣдъ костей—
То рослыхъ гренадеръ, то мелкихъ егерей,
Слѣдъ однокашниковъ-товарищей убитыхъ!
Мы знали многихъ... Эти имена
Хранитъ у насъ церковная стѣна
На черныхъ мраморахъ, вѣнками перевитыхъ.

—

И не въ одномъ лишь пламени боевъ,
Гдѣ русской крови и не счесть потоковъ,
Нашъ корпусъ выдвигалъ ряды своихъ сыновъ.
Являлись: Озеровъ, Херасковъ, Сумароковъ,
Когда-то свѣточи давно прошедшихъ дней!
И если-бы назвать по именамъ людей,
Которые въ свой день Россіи были нужны,—
Тамъ, однокашники, гдѣ нашихъ не сыскать?
На нихъ лежала Божья благодать,
Усилья ихъ оказывались дружны.

—

Видали-ль вы, когда, какъ въ Свѣтлой Пасхи ночь,
Когда въ алтарь уходитъ плащаница,
Вдругъ озаряются молящіяся лица,
И темень храма убѣгаетъ прочь!
Отъ свѣчки маленькой бѣжитъ по храму пламя,

И поднимается въ сіяніи огней
Воскресшаго Христа хоругвенное знамя!
Не такъ-ли мы на утрѣ нашихъ дней
Несли огонь любви отъ очага родного?
Чуть только погасалъ—затепливали снова!
Сторожевой маякъ, онъ посылалъ намъ свѣтъ
По толчеѣ зыбей, сквозь темень непогоды...
Нѣтъ, не мертвы дѣла давно минувшихъ лѣтъ
Преданьями сильны великіе народы!
Преданья, это—мощь! Подъ ихъ святую сѣнь
Какъ къ знаменамъ полки въ кровавый битвы день
Всегда, всегда собраться торопились;
И то не вымыселъ, что гдѣ-то въ небесахъ,
Въ гигантскихъ очеркахъ, на облачныхъ коняхъ,
Съ живыми заодно и тѣни мертвыхъ бились!

ПОСЛѢ ПОХОРОНЪ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

И видѣли мы всѣ явленье эпопеи...
Библейскимъ чѣмъ-то, средневѣковымъ,
Она въ четыре дня сложилась съ небольшимъ
Въ спокойной ясности и красотѣ идеи!

И въ первый день, когда ты остывалъ,
И вѣсть о смерти городъ обѣгала,
Тревожной злобы духъ недоброе шепталъ,
И мысль людей глубоко тосковала...

Гдѣ вы, такъ думалось, умершіе давно
Вы, вы, отвѣтчики за раннюю кончину,
Успѣвшіе измять, убить наполовину
И этой жизни чистое зерно!

Вашъ духъ тлетворный отъ могилъ забытыхъ,
Дѣянье темное и послѣ васъ вершитъ,
Отъ жилъ, въ груди его порвавшихся, открытыхъ,
Отъ катафалка злобно въ насъ глядитъ...

И день второй прошелъ. И вечеръ, наступая,
Увидѣлъ нѣкое большое торжество:

Толпа собралась шумная, живая,
Другого чествовать, поэта твоего!..
Гремѣли пѣсни съ освѣщенной сцены,
Звучалъ съ нея въ толпу могучій сильный стихъ,
И шли блестѣвшія огнями перемѣны
Людей, костюмовъ и картинъ живыхъ...
И въ это яркое и пестрое движенье,
Гдѣ мягкій голосъ твой—назначенъ былъ звучать,
Внесенъ былъ твой портретъ,—какъ блѣдное видѣнье,
Нежданной смерти ясная печать!
И онъ возвысился со сцены—на престолѣ,
Въ огняхъ и звукахъ, точно въ ореолѣ...
И вѣяло въ сердца отъ этого всего
Сближеніемъ того, что живо, что мертво,
Рыданьемъ, радостью, сомнѣньями безъ счета,
Всей страшной правдою «Бѣсовъ» и «Идіота»!..
Тревожной злобы духъ—онъ уставалъ шептать!
Надѣяться хотѣлось, вѣрить, ждать!..

Три дня въ туманахъ солнце заходило,
И на четвертый день, безмѣрно велика,
Какъ нѣкая духовная рѣка
Тебя толпа въ могилу уносила...
Зима, испугана какъ-будто, отступила
Предъ пестротой явившихся цвѣтовъ!
Качались перья пальмъ и свѣжестью листовъ
Сіяли лавры, мирты зеленѣли!
Разумные цвѣты слагались въ имена,
Въ слова,—какъ-будто говорить хотѣли...

Чуть-видной ношею едва отягчена,
За далью сѣрой тихо исчезая.
Къ безмолвной лаврѣ путь свой направляя,
Тихонько шла рѣка, и всей своей длиной
Вторила хорамъ, пѣвшимъ: «Упокой!»
Въ умахъ людскихъ, печальныхъ и смущенныхъ,
Являлась мысль: чѣмъ объяснить полнѣй —
Стремленье волнъ людскихъ и стяговъ похоронныхъ.
Какъ не печалью нашихъ тяжкихъ дней,
Въ которыхъ много такъ забитыхъ, оскорбленныхъ,
Непризнанныхъ, отверженныхъ людей?
И въ ночь на пятый день, какъ то и прежде было,
Людей какихъ-то много приходило
Читать псалтырь у головы твоей...
Тамъ ты лежалъ подъ сѣнью балдахина,
И вкругъ тебя, какъ стройная дружина
Вдругъ обратившихся въ листву богатырей,
Изъ полутьмы собора проступая,
И про тебя былину измышляя,
Задумчивы, безмолвны, велики,
По кругу выслись лавровые вѣнки!
И грудой цѣлою они тебя покрыли,
Когда твой яркій гробъ мы въ землю опустили...
Морозный вѣтеръ вылъ.. Но ранѣе его
Заговорила сдержанная злоба
Въ догонку шествію довременнаго гроба!
По слѣду свѣжему тріумфа твоего,
Твои товарищи, и изъ того-же круга,
Служащіе давно тому-же, что и ты—

Призванью твоему давали смыслъ недуга,
Тоскѣ предвидѣнья—смыслъ тронутой мечты!..
Да, да, дѣйствительно—безсмертье наступало,
Заговорило то, что до того молчало,
И распинало братьевъ на кресты!

И приняла тебя земля твоей отчизны;
Дороже стала намъ одною изъ могилъ
Земля, которую, безъ всякой укоризны,
Ты такъ мучительно и смѣло такъ любилъ!

ВЪ ДЕНЬ ПОХОРОНЪ СКОБЕЛЕВА.

Что слышится сквозь шумъ и говоръ смутный
О томъ, что умеръ онъ такъ рано? Гость минутный
Въ тысячелѣтней жизни родины своей,
Онъ былъ, какъ вѣтеръ, видимо попутный,
На мутной толчеѣ встревоженныхъ зыбей.

—

Исканье знамени, какъ новаго оплота,
Въ виду поблекнувшихъ и выцвѣтшихъ знаменъ,
Развернутыхъ въ толпѣ, безъ цѣли и безъ счета—
Вотъ смыслъ того неяснаго чего-то,
Чѣмъ этотъ шумъ толпы за гробомъ порожденъ...

—

Каковъ бы ни былъ онъ, усопшій—волей Бога,
Въ немъ обозначились великія черты:
Ему былъ голосъ данъ, средь общей нѣмоты!
Онъ знамя шевельнулъ! Онъ видѣлъ, гдѣ дорога!
Онъ былъ живымъ лицомъ средь масокъ и гримасъ,
Былъ прочнымъ обликомъ въ видѣніяхъ тумана...

Вотъ отчего тотъ кличъ: «Зачѣмъ, зачѣмъ такъ рано!»
Вотъ отчего та скорбь глубокая у насъ...

—

Гробъ унесенъ... Вопросъ убійственный гнѣздится
При взглядѣ на живыхъ, въ невѣдѣньѣ конца:
Зачѣмъ у насъ всегда такъ рвутся тѣ сердца,
Которымъ заодно съ народомъ любо биться?
Зачѣмъ у насъ судьба все лучшее мертвитъ,
Безумцы мудрствуютъ. Христомъ торгуетъ злоба,
Ликуетъ часто смерть, шумятъ тріумфы гроба,
А остальное все,—иль лжетъ, или молчитъ?..

—

Что-жъ? Русскимъ умирать не страшно и не жалко...
И, если суждено, мы сообща умремъ,—
Но тяжкимъ трауромъ полъ-міра облёчемъ
И вразумимъ живыхъ величьемъ катафалка!..

* * *

Весь въ ладанѣ послѣднихъ похоронъ,
Спѣшу не опоздать явиться на крестины.
Не то что въ глубину,—куда!—до половины
Моей души ничуть не возмущенъ...

А было иначе когда-то! И давно-ли?!
И вотъ, мнѣ мнится — къ цѣли ближусь я:
Почти-что умерли въ безмолвномъ сердцѣ боли,
Возникшія по мѣрѣ бытія.

Я чувства убивалъ! Одно другимъ смѣняя,
Изъ сердца гналъ! А много было ихъ!..
Не такъ-ли занятъ врачъ, больницу освѣжая,
Отъ всѣхъ заразныхъ и сыпныхъ больныхъ!

Зараза въ чувствахъ! Съ чувствомъ прочь скорѣе!
И... въ сердцѣ холодъ, а въ мышленьѣ ледъ,
По жизни шествовать увѣренно впередъ,
И чѣмъ спокойнѣй, тѣмъ смѣлѣе!

---

* * *

Мой татаринъ блѣднолицый
Подаетъ обѣдъ исправно.
Да, мой милый, у Сумбеки
Въ башнѣ я гостилъ недавно...
Тамъ, въ Казани, какъ и прежде,
Преисправно варятъ мыло;
Къ башнѣ нѣсколько татарокъ
Подъ чадрами подходило.
Ваше царство славно было,
Съ препочтенной, мощной дланью;
Много нашихъ спитъ костями,
Въ пирамидѣ подъ Казанью.
Ваше царство—славно было,
А цари его богаты...
Продаютъ теперь ихъ внуки
Полосатые халаты;
Въ нашихъ избранныхъ трактирахъ
Не выходятъ вонъ изъ моды...
Дарвинъ правъ былъ, что повѣрилъ
Въ силу крови, въ мощь породы!

СНЫ.

Въ деревнѣ подъ столицею
Драгунскій полкъ стоитъ,
Кипятъ котлы, ржутъ лошади,
И генералъ кричитъ...

Качая коромыслами,
Веселою толпой,
Приходятъ утромъ дѣвушки
Къ колодцу за водой.

Пестры одежды легкія,
Бойка, развязна рѣчь;
Подвязаны передники
Почти у самыхъ плечъ.—

Какъ-будто въ древней древности,
Идя на грязный дворъ,
Такъ подвязали бабушки—
Такъ носятъ до сихъ поръ.

Живые глазки заспаны,
Измяты ленты косъ,

Пылаютъ щеки плотныя
Огнемъ послѣднихъ грезъ.

И, видно, какъ незримые
Подъ шопотъ тишины,
Ласкали, цѣловали ихъ
Полуночные сны;

Какъ эти сны оставили,
Сбѣжавши впопыхахъ,
На пальцахъ кольца мѣдныя
И фабру на щекахъ!

*
* *

Умершій давно императоръ,
Когда на престолъ онъ вступалъ,
Хотѣлъ отъ него отказаться,
И такъ онъ тогда разсуждалъ:

«Я къ жизни придворной не созданъ!
Хочу отойти поскорѣй
Отъ тѣхъ, съ кѣмъ я долженъ встрѣчаться,
Совсѣмъ мнѣ не милыхъ людей!

«Уйду! Поселюсь надъ рѣкою,
Гдѣ, зрѣя, горитъ виноградъ;
Съ моей молодою женою
Я буду и счастливъ, и радъ;

«Я буду, насколько сумѣю,
Печали людей облегчать,
Природу и духъ человѣка
И смыслъ бытія изучать!»

И много годовъ миновало...
Надъ этой-то самой рѣкой

Полковъ проходило не мало —
Ихъ велъ императоръ съ собой!

И слышались: грохотъ орудій,
И топотъ безсчетныхъ коней,
И вздохи натруженныхъ грудей
Въ конецъ утомленныхъ людей...

Ты встала-ли, прежняя грёза?
Являлась же ты передъ нимъ,
Когда онъ былъ молодъ и счастливъ
И счастья хотѣлъ и другимъ!

КОЛЛЕЖСКІЕ АСЕССОРЫ.

Въ Кутайсѣ и подлѣ, въ окрестностяхъ,
Гдѣ въ долинахъ, надъ склонами скалъ,
Ждутъ развалины храмовъ грузинскихъ,
Кто-бы ихъ поскорѣй описалъ...

Гдѣ ни гипсъ, ни лопата, ни свѣтопись
Не являлись работать на спросъ;
Гдѣ ползутъ по развалинамъ щели,
Вырастаетъ песчаный наносъ;

Гдѣ въ глубокомъ, святомъ одиночествѣ
Съ куполовъ и замшившихся плитъ,
Какъ аскетъ, убѣжавшій въ пустыню,
Вѣкъ, двѣнадцатый счетомъ, глядитъ;

Гдѣ на кладбищахъ вовсе невѣдомыхъ,
Въ завитушкахъ крутясь, письмена
Ждутъ, чтобъ въ нихъ знатоки разобрали
Разныхъ, чуждыхъ людей имена,—

Тамъ и русскія буквы читаются!
Молчаливо улегшись рядкомъ,

Все коллежскіе дремлютъ асессоры
Нерушимымъ во времени сномъ.

По сосѣдству съ забытой Колхидою,
Гдѣ такъ долго стоналъ Прометей;
Тамъ, гдѣ Ноевъ ковчегъ съ Арарата
Виденъ изрѣдка въ блескѣ ночей;

Тамъ, гдѣ время, явившись насѣдкою,
Созидая народовъ семьи,
Отлагало ихъ въ нѣдрахъ Кавказа,
Отлагало слои на слои;

Гдѣ совсѣмъ первобытные эпосы
Подъ полуденнымъ солнцемъ взросли,—
Тамъ коллежскіе наши асессоры
Подходящее мѣсто нашли...

Тоже эпосъ! Поставленъ загадкою
На гробницахъ армянскихъ долинъ,
Этотъ странный, съ прибавкою имени
Не другой, а одинъ только чинъ!

Говорятъ, что въ указѣ такъ значилось:
Кто Кавказъ перевалитъ служить,
Быть тому съ той поры дворяниномъ,
Знать коллежскимъ асессоромъ быть...

И лежатъ эти прахи безмолвные
Нарожденныхъ указомъ дворянъ...
Такъ-же точно ихъ степь пріютила,
Какъ и спящихъ грузинъ и армянъ!

Съ тѣмъ-же самымъ упорнымъ терпѣніемъ
Ихъ плывучее время крушитъ,
И чуть-чуть нагрѣваетъ ихъ лѣтомъ,
И чуть-чуть по зимѣ холодитъ!

Тотъ-же коршунъ сидитъ надъ гробницами,
Равнодушенъ къ тому: кто въ нихъ спитъ!
Чиститъ клювъ, обагренный добычей,
И за новою зорко слѣдитъ!

Одинаковы въ долѣ безвременья,
Равноправны, вступивши въ покой:
Прометей, и указъ, и Колхида,
И коллежскій асессоръ, и Ной...

ПОСЛѢ КАЗНИ ВЪ ЖЕНЕВѢ.

Тяжелый день... Ты уходилъ такъ вяло...
Я видѣлъ казнь: багровый эшафотъ
Давилъ, какъ будто-бы, сбѣжавшійся народъ,
И солнце ярко на топоръ сіяло.

Казнили. Голова отпрянула, какъ мячъ!
Стеръ полотенцемъ кровь съ обѣихъ рукъ палачъ,
А красный эшафотъ поспѣшно разобрали,
И увезли, и площадь поливали.

Тяжелый день... Ты уходилъ такъ вяло...
Мнѣ снилось: я лежалъ на страшномъ колесѣ,
Меня коробило, меня на части рвало,
И мышцы лопались, ломались кости всѣ...

И я вытягивался въ пыткѣ небывалой
И, ставъ звенящею, чувствительной струной,—
Къ какой-то схимницѣ, больной и исхудалой,
На балалайку вдругъ попалъ едва живой!

Старуха страшная меня облюбовала
И нервнымъ пальцемъ дергала меня,
«Коль славенъ нашъ Господь», тоскливо напѣвала,
И я вторилъ ей — жалобно звеня!..

*
* *

Забытъ обычай похоронный!
Исчезли факеловъ ряды
И гарь смолы, и оброненный
Огонь—горящіе слѣды!

—

Да, факелъ жизни вѣчной темой
Сравненья издавна служилъ!
Какъ-бы объятые эмблемой,
Мы шли за гробомъ до могилъ!

—

Такъ нужно, думалось. Смиримся!
Жизнь—факелъ! Сколько ихъ подъ-рядъ!
Мы всѣ погаснемъ, всѣ дымимся,
А искры послѣ отгорятъ.

—

Теперь другимъ, новѣйшимъ чиномъ
Мы возимъ къ кладбищамъ людей;
Коптятъ дешевымъ керосиномъ
Глухія стекла фонарей;

—

Дорога въ вѣчность не дымится,
За нами слѣдомъ нѣтъ огня,
И нѣтъ намъ времени молиться
Въ немолчной сутолокѣ дня;

—

Не нарушаемъ мы порядка,
Бросая искры по пути,
Хоронимъ быстро, чисто, гладко—
И вслѣдъ намъ нечего мести!

ПАМЯТИ А. А. ГРИГОРЬЕВА.

(25 сентября 1889 г., на Митрофаньевскомъ кладбищѣ.)

Здѣсь, въ полной осени, въ листвѣ
Съ ея смертельной позолотой,
Въ нѣмыхъ гробахъ, въ сухой травѣ
Лежатъ, полегшп не охотой. —
Лежатъ, какъ стёжки на канвѣ,
Рисунокъ нѣкій выполняя,
Ряды безсчетные людей;
Здѣсь смерть царитъ, здѣсь воля ей,—
Царитъ, забрàла не снимая.

—

Но если гдѣ-нибудь, когда.
Во имя сердца и труда,
Во имя долгаго страданья,
Глубоко-страстнаго призванья
Мысль п надъ смертію царитъ, —
Такъ это здѣсь!.. Григорьевъ спитъ
Сномъ непробуднымъ! Но живая

Его душа, вся огневая,
И сквозь металлъ, и сквозь гранитъ
Что день — то ярче проступаетъ...
Да! Темень смерти свѣтъ рождаетъ,
И почекъ будущей весны
Всѣ вѣтви кладбища полны..

А. Н. МАЙКОВУ.

(Въ день 50-лѣтія поэтической дѣятельности его.)

Разбросавъ свои кумиры,
Великй на взглядъ,
Облаченныя въ порфиры
Царства древнихъ спятъ.

Спятъ, умаявшись, другія
Длинной чередой;
Тоже саваны большіе,
Но покровъ другой.

Всѣмъ имъ жизнь далась иная!
Но была вѣчна
Нерушимая, живая
Красота одна...

Красота очей глубокихъ,
Вспыхнувшихъ огнемъ:
Блескъ небесъ тысячеокихъ
Надъ полночнымъ сномъ;

Красота въ живыхъ стремленьяхъ,
Въ радостяхъ весны,
Въ чувствѣ дружбы, въ пѣснопѣньяхъ,
Въ быляхъ старины!

Только это — всюду вѣчно
И свѣтло глядитъ
Въ жизни, рушащей безпечно
Бронзу и гранитъ...

Уловлять пѣвучей тканью
Безтѣлесныхъ словъ
То, что обще мірозда765нью
Въ шествіи вѣковъ,

Въ духѣ истинномъ народа
И родной земли,
Полстолѣтья, въ годъ изъ года,
Многіе-ль могли?

Ты — ты могъ!.. И вотъ, за это
Слышно, какъ идетъ
Обликъ вѣщаго поэта
Съ пѣснію въ народъ;

Говоритъ душа устами...
Знать: тебѣ дано —
Съ моремъ, лѣсомъ и степями
Думать заодно!..

НА РАЗДѢЛЬНОЙ.

(Послѣ Плевны.)

Къ вокзалу желѣзной дороги
Два поѣзда сразу идутъ;
Одинъ—онъ бѣжить на чужбину,
Другой-же—обратно ведутъ.

Въ одномъ по скамьямъ новобранцы,
Все юный и цѣлый народъ;
Другой на кроватяхъ и койкахъ
Калѣкъ блѣдноликихъ везетъ...

И точно какъ умные люди,
Машины, въ работѣ пыхтя,
У станціи ходъ уменьшаютъ,
Становятся ждать, подойдя!

Уставились окна вагоновъ
Вплотную стекло предъ стекломъ;
Грядущее видѣлось въ этомъ,
Былое мелькало въ другомъ...

Замолкла солдатская пѣсня,
Замялся, изсякъ разговоръ,
И слышалось только шаганье
Тихонько служившихъ сестеръ.

Въ толпѣ другъ на друга глазѣли:
Сознанье чего-то гнело,
Предъ кѣмъ-то всѣмъ было такъ стыдно
И такъ черезъ край тяжело!

Лихой командиръ новобранцевъ,—
Имѣлъ онъ смекалку съ людьми,—
Онъ гаркнулъ своимъ музыкантамъ:
«Сыграйте-жъ намъ что̀, чортъ возьми!»

И свѣялось прочь впечатлѣнье,
И чувствамъ исходъ былъ открытъ:
Кто былъ попрочнѣй—прослезился,
Другіе рыдали навзрыдъ!

И дымъ выпуская клубами,
Машины пошли вдоль колей,
Навстрѣчу судьбамъ увлекая
Толпы безотвѣтныхъ людей...

НА РОЖДЕСТВО.

Вѣрь завѣту Божьей ночи!
И тогда, за гранью дней,
Предъ твои предстанетъ очи
Сонмъ невѣдомыхъ царей,

Сонмъ волхвовъ, объятыхъ тайной,
Пастуховъ святой земли,
Тѣхъ, что вслѣдъ необычайной,
Ведшей ихъ звѣздѣ пошли!

Тѣхъ, что нѣкогда слыхали
Пѣсню неба... и, склонясь,
Передъ яслями стояли,
Богу милости молясь!

Подлѣ, близко, съ ними рядомъ,
Обрѣтешь ты право стать
И своимъ безсмертнымъ взглядомъ
Созерцать и познавать!

* * *

Не заря занимается въ небѣ ночномъ,—
Чувство доброе свѣтится въ мірѣ дурномъ,
И откуда—не знаешь, откуда взялись —
У него побратимы нашлись.

Здравствуй, свѣтлый посолъ! Какъ тебя намъ принять?
Виѳлеемской-ли ночи опять возсіять?..
Ночь-красавица! Жгучія раны земли
Ты прохладой своей исцѣли.

Пусть придутъ, какъ тогда, въ часъ вечерней зари
Созерцать—мудрецы, поклониться—цари.
Виѳлеемская ночь! Сонмамъ бѣдныхъ людей
Ты свѣтися, свѣтися яснѣй!...

Гдѣ-же хоры небесъ? Отчего не летятъ
Свѣтоносные призраки ихъ миріадъ?
А вѣдь есть-же они гдѣ-нибудь и поютъ,
Только знать о себѣ не даютъ.

Заблудились въ пространствахъ, далёко ушли...
И назрѣла великая немочь земли,
Чтобъ, какъ прежде, опять Искупителя ждать,
Преклониться предъ Нимъ и—продать!

—

* * *

По сугробамъ снѣга, по обледѣнѣлымъ,
Повѣствуя въ полночь про какой-то день,
Отъ небесъ ложится отблескомъ несмѣлымъ
Сѣверныхъ сіяній золотая тѣнь...

—

Въ совѣсти глухія, по сердцамъ усталымъ,
Только помышленью видимый едва,
На мірскую блѣдность, осѣненьемъ алымъ,
Отъ небесъ ложится отблескъ Рождества.

—

Безъ пути, безъ спроса, въ прахъ земной пустыни,
Въ горе, въ злобу, въ ярость помышленій злыхъ,
Льетъ отъ язвъ Христовыхъ мѵро благостыни—
Язвы Бога глубже быстрыхъ язвъ людскихъ...

—

Обратись къ намъ, Боже, голосомъ привѣтнымъ!
Отврати суровый и грозящій ликъ!
По земному кругу сонмищемъ несмѣтнымъ
Въ тяжкомъ испытаньѣ нашъ народъ поникъ...

НА НОВЫЙ 1880 ГОДЪ.

Вѣнцомъ терновымъ былъ Спаситель вѣнчанъ,
И церковь, страстотерпцевъ прославляя,
Вѣнчаетъ ихъ нетлѣнными вѣнцами;
Вѣнчаются цари, на тронъ вступая;

—

Вѣнчаетъ церковь жениха съ невѣстой,
И въ страшный часъ высокаго значенья,
Въ часъ похоронъ, кладетъ на ликъ угасшій
Для всѣхъ готовый вѣнчикъ отпущенья...

—

Вѣнецъ на людяхъ—яркій знакъ избранья!
Онъ часто, часто подъ собой вмѣщаетъ
Такое счастье, что не знаетъ мѣры,
Такое горе, что границъ не знаетъ...

—

Какъ будетъ вѣнчанъ годъ, едва наставшій?
Чтò если онъ, безумьемъ одержимый,
Промчится въ вѣчность, вовсе не вѣнчанный,
Кровавый и проклятьями гонимый?

—

Что если хуже? Въ шутовской коронѣ,
Въ порфирѣ, сшитой изъ лохмотьевъ, онъ взберется
На тронъ картонный, расцвѣченный фольгой,
И, скипетръ взявъ подъ мышку, засмѣется?!

* * *

Новый годъ! мой путь—полями,
Лѣсомъ, степью снѣговой;
Хлопья, крупными звѣздами,
Сыплетъ небо въ мракъ ночной.

Шапку, плечи опушаетъ,
Смотришь крѣпче и сильнѣй!
Все, какъ-будто, вырастаетъ
Въ бѣломъ саванѣ полей...

Въ приснопамятные годы
Не такой еще зимой,
Русь спускала недороды
Съ оснѣженныхъ плечъ долой,

Отливала зеленями,
Шла громадой на покосъ!
Ну, ямщикъ, тряхни возжами,
Знаешь: малость день подросъ!

* * *

Улыбнулась, какъ-будто, природа,
Миновалъ Спиридонъ-поворотъ,
И, на смѣну отжившаго года,
Народилось дитя—Новый годъ!

Вьются кудри! Повязка надъ ними
Свѣтитъ въ ночь Виѳлеемской звѣздой!
Спитъ земля подъ снѣгами нѣмыми —
Но поютъ небеса надъ землей.

Скоро, скоро придетъ пробужденье
Водъ подземныхъ и царства корней,
Сгинетъ святочныхъ дней навожденье
Въ блескѣ вешнихъ, ликующихъ дней;

Глянутъ рѣки, озера и море,
Что зимою глядѣть не могли;
И стократъ зазвучитъ на просторѣ
Пѣснь небесная въ пѣсняхъ земли.

НА ПАСХУ.

1.

Надъ плащаницею.

Онъ мертвъ! Съ закрытыми очами...
Бѣлѣе снѣга пелена!
Никѣмъ не зримыми лучами
Вся церковь вкругъ позлащена,

И въ тѣхъ лучахъ, вполнѣ живыя,
Въ сердцахъ молельщиковъ встаютъ
Явленья нѣжно-свѣтовыя
Хорошихъ мыслей и минутъ...

Подъ звуки словъ надгробной пѣсни
Онѣ такъ чисты, такъ свѣтлы...
Воскресни, Господи! Воскресни!
Довольно зла! Довольно мглы...

2.

Послѣ причастія.

И вотъ, въ концѣ Страстной недѣли,
Сквозь полумракъ, въ туманъ сырой,

И въ грязь, и въ ростепель, съ зарею
Спѣшатъ причастницы домой.

Въ мерцаньѣ утра выдѣляясь
Весенней яркостью одеждъ,
Онѣ мелькаютъ торопливо,
Полны и счастья, и надеждъ!

Спѣшатъ... На лицахъ ихъ—улыбки:
И, мнится, что въ сердцахъ людскихъ
Весна, приблизившись тихонько,
Запѣла свой причастный стихъ...

3.

Воскресъ!

День наступалъ, зажглась денница,
Ликъ мертвой степи заалѣлъ;
Заснулъ шакалъ, проснулась птица...
Пришли взглянуть—гробъ опустѣлъ!..

И мироносицы бѣжали
Повѣдать чудо изъ чудесъ:
Что нѣтъ Его, чтобы искали!
Сказалъ: «воскресну!» и—воскресъ!

Бѣгутъ... молчатъ... признать не смѣютъ,
Что смерти—нѣтъ, что—будетъ часъ,
Ихъ гробы тоже опустѣютъ,
Пожаромъ неба освѣтясь!

—

ГИМНЪ СВ. КНЯЗЮ ВЛАДИМІРУ.

Вѣрою русской свободна,
Незыблема наша Держава!
Древлепрестольнаго Кіева
Князю Владиміру слава!
Девять вѣковъ миновало
Въ пѣнѣ девятой волны,
Щитъ нашей вѣры надеженъ,
Крѣпокъ завѣтъ старины!
Вѣетъ хоругвь православья
Всюду далеко свѣтясь!
Радуйся, княже Владиміръ,
Равноапостольный князь!

—

Сердцу народа любезный,
Ставленникъ вѣры святой,
Днесь славословимъ мы, княже,
День твой всей русской землей!
Если ея не измѣрить,
Если въ ней весей не счесть—

Господу силы—молитва!
Князю Владиміру честь!
Вѣрою русской свободна,
Незыблема наша Держава!
Древлепрестольнаго Кіева
Князю Владиміру слава!

СТОЛѢТІЕ УЧРЕЖДЕНІЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ.

(Гимнъ.)

Въ святыхъ судьбахъ родной Россіи,
Въ рѣкѣ временъ, въ пучинѣ дней,
Двѣ вѣнценосныя Маріи
Любили сиротъ и дѣтей.

И русскихъ женщинъ воспитали,
Взращали такъ, чтобъ имъ блистать,
Какъ Вѣнценосныя блистали
Въ двухъ образцахъ — жена и мать!

И если мы надежды полны
И силъ, и вѣры безъ границъ, —
Такъ это въ насъ играютъ волны
Дѣяній двухъ Императрицъ.

РАЗСКАЗЪ ПОСЛАНЦА.

(Отрывокъ.)

Ты посѣтилъ его и былъ при смерти,—
Такъ разскажи что видѣлъ?
— Видѣлъ я,
Чего въ другой разъ не хотѣлъ бы видѣть!..
Онъ умеръ—страшно. Все ему казалось:
Онъ въ обществѣ сидѣлъ самоубійцъ;
Онъ съ ними говорилъ. Они сіяли
Въ тяжелыхъ ранахъ, будто въ орденахъ,
И, хвастаясь, повязки съ нихъ срывали
И выставляли ихъ... Еще онъ видѣлъ
Послѣдній, страшный судъ и разсказалъ
Подробно очень, какъ и что тамъ было...
Кругомъ стремились миріады мертвыхъ
Къ престолу Бога, и Господь поднялся
И проклялъ безъ изъятья всѣхъ, кто жилъ!
И не было прощенья никому;
И искупленье стало мертвой буквой...

И Богородица прижалась въ страхѣ
Къ престолу Сына и просить не смѣла
За эти тьмы поднявшихся грѣховъ!
И оказалась благодать ненужной...
«Не нужна потому, сказалъ Господь,
«Что осѣнить пришлось-бы благодатью
«Однихъ только сиротъ мертворожденныхъ,
«Дѣтей безъ имени и недоносковъ!
«Изъ всѣхъ людей, носившихъ образъ мой,
«Они одни безгрѣшны—остальные
«Всѣ, всѣ виновны...» Такъ сказалъ Господь,
И блѣденъ сталъ приговоренный міръ
Предъ гнѣвомъ Господа. Въ зеленомъ свѣтѣ,
Струившемся не отъ погасшихъ солнцъ,
А отъ Господня гнѣва—трепеталъ онъ,
И кровь, дымясь, повсюду проступала...
И вотъ, должно-быть, это увидавъ,
Осилить грезы онъ не могъ, вскочилъ,
И, навзничь повалившись, замолчалъ,
Глаза уставилъ и раскинулъ руки...
Кровь грезы потопила человѣка!..
Конечно, былъ онъ грѣшникомъ великимъ,
И да проститъ Господь ему грѣхи,
Которыхъ мы, живущіе, не знали,
И смысломъ нашей жизни не постигли,
И окомъ нашей правды не нашли...

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

НЯНЯ.

(Отрывокъ.)

Исчезли няни крѣпостныя,
Ушли въ загробный свой покой...
Онѣ всходили по Россіи,
На нивѣ темной и сухой,
Какъ чахлые цвѣты какіе:
Хоть некрасивъ, хоть невысокъ,
И не пахучъ, а все цвѣтокъ!
Царь Годуновъ узаконилъ
Начала крѣпостного права,
Злорадство воли, порчу нрава,
Разгулъ патріархальныхъ силъ.
Въ тѣ дни изъ тысячи волоконъ,
Въ жару томительномъ, въ бреду,
Россія, съ жизнью не въ ладу,
Свивала свой громадный коконъ.
Всѣ были закрѣпощены
Въ болѣзнь слагавшейся страны;

И не могли имѣть значенья
Ни мелкій лепетъ частныхъ правъ.
Ни личность... Все и вся попрàвъ
Въ великой мысли единенья,
Россія шла сама собой.
Одно тяжелое заданье
Скрѣпляло, какъ цементъ живой,
Всѣхъ дробныхъ силъ существованье:
Все нипочемъ, себя долой,
Но только-бы въ одномъ удача—
Рѣшить тебя, страны задача,
Стать царствомъ и народъ спасти!
Что за бѣда, что на пути
Мы, тутъ да тамъ, виновны были,
Тѣхъ стерли, этихъ своротили,
Тутъ не дошли, тамъ перешли?
Спросите каменный утесъ:
Затѣмъ онъ тутъ и такъ проросъ?
Когда онъ трещины давалъ,
Онъ глубокò, до нѣдръ, страдалъ!..

Вѣкъ крѣпостничества погасъ.
Но онъ былъ нуженъ, онъ насъ спасъ.
Во многомъ — воплощенье злого,
Онъ грозенъ и преступенъ былъ...
Тогда изъ своего былого
Народъ типъ нянюшки развѝлъ.
Народъ, и такъ всегда бываетъ,
Когда подступитъ зло въ упоръ,

Онъ то, что нужно, самъ рождаетъ,
И беззавѣтно разрушаетъ
Всѣхъ нашихъ умствованій вздоръ.
Такъ, въ тѣ года, онъ къ нашимъ дѣтскимъ,
На зло всѣмъ выходцамъ нѣмецкимъ,
Созданьемъ яснымъ и живымъ,
Поставилъ няню часовымъ.
Всегда въ лѣтàхъ; за годы чтима
И тѣмъ отъ барина хранима,
Она щадилась даже имъ,
Какъ-будто-бы на зло другимъ,
И тотъ инстинктъ, что въ звѣрѣ бродитъ,
Его въ семьѣ отъ зла отводитъ
И учитъ охранять птенцовъ,—
Былъ и у крѣпостныхъ отцовъ.
Не въ дѣтскихъ, въ видахъ поученья,
Свершались ими преступленья;
Не тамъ, не на глазахъ дѣтей
Росъ стыдъ отцовъ и матерей...
И, няню на часы поставивъ
У дѣтскихъ—нашъ простой народъ,
Себя всѣмъ мукамъ предоставивъ,
Дѣтей берегъ, смотря впередъ...
И сколько вздоховъ и рыданій,
Неистовствъ всякихъ темныхъ силъ,
Звукъ пѣсни няни, ходъ сказаній,
Отъ слуха дѣтокъ заслонилъ!..

* * *

Да! Молча сгинуть, жизнь отдать,
Намъ, русскимъ, не учиться стать!
Вотъ чѣмъ, чужой насъ не пойметъ,
Такъ самобытенъ нашъ народъ.
Что̀ въ томъ, чтобъ съ блескомъ умереть,
Когда толпы идутъ смотрѣть,
И удивляться, и кадить—
Нѣтъ, тутъ легко героемъ быть!
Одинъ ужъ цѣнный мавзолей,
Имѣющій на свѣтъ явиться,
Который, въ тишинѣ ночей,
Герою до геройства снится—
Онъ сто̀итъ, чтобъ идти страдать!
Но—за ничто себя отдать,
Не мысля никакой награды,
Себя нимало не беречь,
И, если надобно, полечь
За чувство темное, за вклады
Отцовъ духовные, за что-то,
Что неизмѣнно ни на йоту,

Чему антиподъ—слово «грѣхъ!»
Носить въ крови, въ мозгу народа
Самозабвенья идеалъ,
Тотъ, что не дастъ одна свобода
Въ своихъ потугахъ безъ исхода;
Котораго, какъ ни искалъ,
Въ наукѣ умъ не обрѣталъ...
Да! Эта музыка терпѣнья
Полна великаго значенья.

Э Л О́ А.

Апокриѳическое преданіе.

(М. П. Соловьеву.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЭЛОА.
САТАНА.
МОЛОХЪ.
УМЕРШІЙ СВЯЩЕННИКЪ.
МОНАХИ.
ХОРЫ.
ТѢНИ.

I.

Дикая мѣстность у преддверья ада. Толпы неясныхъ тѣней тянутся къ красному свѣту. Слышится безшабашная пѣсня. Навстрѣчу тѣнямъ, со стороны краснаго свѣта — Сатана, сопровождаемый Молохомъ. Тяга тѣней останавливается.

Сатана.

Какое пѣнье? Какъ не на работѣ,
И до сихъ поръ не на своихъ мѣстахъ?

Молохъ.

Занятій мало, князь! Ослабли возжи!

Сатана (къ тѣнямъ).

Неситесь прочь, влачитесь по подлунной,
И учиняйте зла, на сколько можно!
Не оставляйте мнѣ безъ посѣщенья
Ни одного угла! Ночь, какъ парникъ,
Дающій овощи, взрощаетъ злое.
Наутро полюбуемся плодами!
Поменьше шуму, но побольше дѣла:

И чтобы когти васъ не выдавали!
Неситесь!

(Тѣни молча уносятся.)

Молохъ.

Князь! Сегодня ты мрачнѣй,
Задумчивѣе, чѣмъ всегда бываешь!
Ужъ не порадоваться-ль новой брани?
Не скликнуть-ли великіе полки?

Сатана.

То было дѣломъ увлеченій раннихъ;
Не въ этомъ суть борьбы, не въ томъ побѣда!
И развѣ видно что по мнѣ?

Молохъ.

Замѣтно...
Въ рѣчахъ не точенъ, и слугамъ твоимъ
Твои велѣнья часто непонятны,
И говоръ между слугъ твоихъ идетъ...

Сатана.

На то я князь, чтобъ подлые рабы
Не смѣли понимать, чего я не желаю!..

(Дѣлаетъ Молоху знакъ рукою, и Молохъ удаляется.)

Туманъ холодный вьется, выползая,
И безполезно глупо тратитъ влажность,
И въ странныхъ образахъ вездѣ снуетъ...
И онъ во мнѣ, должно-быть, князя чуетъ,

Такъ льнетъ, такъ ластится! Какой я князь?
И Богъ, и я—мы два враждебныхъ брата,
Предвѣчные Эоны высшей силы,
Намъ неизвѣстной, дѣтища ея!..
Кряжи безсчетныхъ горъ передо мною...
Но, если-бы въ горахъ не искривленья,
Не щели нѣдръ, провалы и утесы—
Въ нихъ не было-бъ той чудной красоты,
Гдѣ такъ любовны тѣни голубыя,
А блескъ заката пурпуромъ горитъ...
Мое созданье—эта красота,
Всегда вездѣ присущая крушеньямъ!
А красота—добро! Я злобой добръ...
А въ этомъ двойственность... И адъ, и небо
Идутъ неудержимо къ разрушенью...
Лежитъ зерно: ему судьба рости!
Изъ оболочки и изъ содержанья,
Какъ-бы изъ двухъ всегда враждебныхъ силъ
Просунется ростокъ! Не то-же-ль тутъ?
Зерно—мы оба! Только въ раздвоеньѣ,
И въ искренней враждѣ различій нашихъ
Играютъ жизнь и смерть! Живыя дрожжи!..
Но эта рознь въ уступкахъ обоюдныхъ
Утрачиваетъ смыслъ давнымъ-давно!
Зло отъ добра порой неотличимо;
Въ ихъ общей вялости болѣетъ міръ...
И самъ я сбился и не отличаю,
Что Божье, что мое? Не отличаю,
Того, что было вправду, что случилось

От смутной грезы духа моего!
Не может сгинуть зло: оно безсмертно!
Но в чистотѣ своей зло помутилось,
Густой отстой добра в него спустился,
А зло, как поросль длинная трясины,
На стеблях безконечных, проникает
В добро—и кажется порой добром...

(Задумывается.)

Как это было? Да... припоминаю...
Не совершились времена тогда...
Природа мертвая была готова,
Но мысли и сознанья лишена.
Мысль оставалась цѣнным достояньем
Духовных сфер, и в них витали мы!
Когда-же послѣ множества исканій
И опытов и, так сказать, на-ощупь,
Мысль в человѣкѣ, наконец, пробилась,
В ней связка завязалась двух міров,
В них жилы общія какія-то сказались,
Помчалась мысль, как кровь по организму,
Переливаясь между тѣх міров,
И был начертан дальній путь развитья:
Чрез мысль—в безсмертье, и тогда-то нам—
И мнѣ, и Богу человѣк стал нужен
Он за кого—тот побѣдит из нас.

(Замѣчает проносящуюся вдали Элба.)

Опять!.. Опять она! Который раз!
Из ангелов безчисленных юнѣйшій,
Слезливѣйшій из всѣх их вмѣстѣ взятых!

Надъ тѣломъ Лазаря Христосъ заплакалъ,
Уставъ съ дороги, и одну слезу
Въ опаловомъ и самоцвѣтномъ кубкѣ
Подобострастно Богу поднесли,
И Богъ велѣлъ слезѣ Христовой стать
Чистѣйшимъ ангеломъ назвавъ:—Элда!
Образчикъ вѣчности его законовъ!..
Въ законахъ—швы!.. Она въ лазури скрылась,
А разглядѣть ее поближе нужно.
Явись, Элда!

(Является призракъ Элда.)

Жаль, что только призракъ!
Такихъ могу я натворить безъ счета,
Она сама—совсѣмъ, совсѣмъ не то!
Въ ней сущность есть, и сущность та—печаль.

(Разсматриваетъ призракъ.)

Она совсѣмъ не то, что всѣ толпы
Небесныхъ жителей! По ней читаешь,
Какою скорбью вся она полна!
Улыбки глуповатой не имѣетъ!
Всегда предпочитаетъ пустыри
Пространствамъ, освѣщаемымъ звѣздами,
Къ больной землѣ поближе хочетъ быть!
Да, поглядишь—роскошное созданье!
Не вывелись на небѣ мастера,
Художники красивыхъ воплощеній!
Какой прелестный строй роскошныхъ линій!
Прекрасный призракъ, полюби меня!..
Съ тѣхъ поръ, какъ прикоснулся я къ Тамарѣ

И съ нею въ небо ангела пустилъ,
Мнѣ женщины не по̀ сердцу бывали...
Теперь сдается...

(Вдали снова проносится Элоа.)

Вонъ она опять!
О, нѣтъ не даромъ, эти появленья!

(Къ призраку.)

Игра тѣней совсѣмъ безплотныхъ, блѣдныхъ,
Обманный призракъ, пропади скорѣй!

(Призракъ исчезаетъ. Сатана проносится въ сторону, противоположную полету Элоа.)

II.

Окраина земли. Скалы. Поздній вечеръ. Выясняется луна. Сатана, озираясь, взбирается на скалу. Кругомъ снуютъ совы и нетопыри.

Сатана.

Что мечетесь кругомъ, иль мѣста мало?
Сухими крыльями не въ мочь трещите!
Сгинь поскорѣй, полуночная сволочь!

(Совы и нетопыри исчезаютъ.)

Мнѣ кажется, ее я близко видѣлъ
И если скалы твѐрды въ очертаньяхъ,
И гребни ихъ не обратятся въ щели—
Ей нѣтъ другихъ путей, придетъ сюда!
Ужъ вотъ четыре раза съ ней встрѣчаюсь...
Блаженные меня всѣ избѣгаютъ,
Шарахаются въ сторону, завидѣвъ!

А эта нѣтъ! Да, что-то есть такое
Необычайное, что въ ней сказалось.
Сквозь обликъ призрачный въ ней плоть я чую,
Есть сущность въ ней, и сущность та—печаль,
А я—я князь печали! Мы сродни!
И если такъ случится, что она
Во мнѣ примѣтитъ райское величье,
Она найдетъ въ насъ общую черту!
Вѣдь дочери людскія, такъ бывало,
Сходились съ ангелами,—а она—
Отъ человѣчества, она—слеза!
Да, да! Впередъ! Дамъ пищу злоязычью.

(Изъ-за скалы показывается Элоа. Сатана останавливаетъ ее знакомъ руки.)

Постой, скажи! Какимъ особымъ правомъ
Владѣешь ты, чтобъ выдержать мой взглядъ?
Тебѣ не страшно длинныя рѣсницы
Прелестныхъ глазъ и брови опалить?
Лазурный блескъ твоихъ роскошныхъ крыльевъ,
Онъ пострадаетъ въ отблескѣ багровомъ,
Такъ ярко окаймляющемъ меня?
Скажи, зачѣмъ ты здѣсь и не ко мнѣ-ли?

Элоа.

Въ тотъ мигъ, какъ увидала я свѣтъ Божій,
Скатилась я на саванъ гробовой;
Свѣтилъ мнѣ въ сердце свѣточъ погребальный,
И звукъ рыданья—былъ мнѣ пеленой!
Съ тѣхъ самыхъ поръ неясное влеченье

Меня манитъ къ тоскующей землѣ,—
И ты, князь мрака, мнѣ совсѣмъ не страшенъ,
Я родилась въ тоскѣ души; во мглѣ...

Сатана.

Прелестнѣйшая рѣчь въ устахъ прелестныхъ
И, слушай я ее,—добрѣе-бъ сталъ!
Что ты меня не избѣгала—знаю...
Но не подослана-ль ко мнѣ—скажи?

Элоа.

Нѣтъ! Мнѣ пути никто не указуетъ,
Къ тебѣ сама я избрала свой путь,
Я, вольной волей, встрѣтиться хотѣла,
И встрѣчу вновь тебя когда-нибудь.

Сатана.

Ого! Такая мысль большая новость!
Но я свободенъ, мнѣ запретовъ нѣтъ,
Тогда какъ ты въ живомъ кольцѣ запретовъ,
Я твоего желанья не пойму!
Или еще я мало доказалъ
Упорства своего непоборимость!
Поступокъ твой безумно смѣлъ, Элоа!
Придется отвѣчать эпитимьею...
Ужъ тамъ, клянусь, извѣстна встрѣча наша!
Нетопыри и совы полетѣли
Съ доносами! Повѣрь, мнѣ жаль тебя!
Мой однолѣтокъ, Богъ...

Элоа.

Остановись!
Мнѣ жаль тебя, ты, кажется, сказалъ?
Ты хорошо сказалъ и помни...

(Исчезаетъ.)

Сатана.

Гдѣ ты!
Но нѣтъ ея! Лишь эхо раскатилось,
И дряблыя тѣла кометъ бродячихъ
Испуганно попрятались въ пространства,
Она права: я пожалѣлъ ее!
Исчезла, какъ и я могу исчезнуть!
Мнѣ не найти ея... Не хватитъ силъ!

(Сатана, глядя ей вслѣдъ, заволакивается туманомъ.)

III.

Яркій солнечный день. Монастырь въ развалинахъ. Заброшенное кладбище. Элоа бродитъ между могилъ.

Элоа.

Зачѣмъ Господь въ предвидѣньѣ великомъ
Мнѣ, дочери мгновенья, далъ безсмертье?
Зачѣмъ между служительницъ своихъ
Быть повелѣлъ и мнѣ—рожденной грустью?
Зачѣмъ далъ женскій обликъ мнѣ? Кому
Незнающій улыбки ликъ мой нуженъ?
Зачѣмъ, любя Творца всѣмъ существомъ,

Близъ князя мрака—я вполнѣ спокойна?
Въ вопросахъ этихъ вовсе не сомнѣнье—
Исканье Богомъ избранныхъ путей...

(Оглядываетъ кладбище.)

Забытый монастырь! Мнѣ говорили,
Что тутъ являлся часто сатана,
Увлекъ монаховъ, обезлюдилъ кельи;
И колоколъ молчитъ, и службы нѣтъ...

(Раздается звонъ колокола. Сатана входитъ въ видѣ капуцина, съ кропиломъ въ рукѣ.)

Сатана.

Вы, покойники уснувшіе,
Въ неизвѣстномъ потонувшіе,
Что вы къ солнцу не выходите?
Солнца теплымъ не находите?
Наши грѣшныя моленія
Приближаютъ часъ спасенія...
Хорошо въ землѣ сырой:
Въ ней покой, всегда покой...
Я хожу, васъ поминаю,
Ваши кости окропляю
Освященною водой,
Взятой отъ мощей Святой!
Ты сочись, вода, сочись,
Ты къ костямъ ихъ проберись,
И глубоко подъ землей
Упокой ихъ, упокой...

(Окропляетъ.)

Громъ землетрясеній,
Крики преступленій,
Мощный гулъ сраженій,
Залетѣвъ сюда,—
Да не пробуждаютъ
Тѣхъ, что почиваютъ,
Ложно не вѣщаютъ
Страшнаго суда.
Но, по миновань'ѣ
Тяжкаго призванья
Мертваго молчанья,
Чуть вставать велятъ—
Изъ ростковъ сокрытыхъ,
Отъ грѣха омытыхъ,
И Христомъ привитыхъ,
Глянетъ Божій садъ...

(Окропляетъ.)

Ранней осени предвѣстники
Стали лиліи цвѣсти!
Гдѣ-то Божьи благовѣстники?
Въ мірѣ ихъ не обрѣсти!..
Много злого совершается
И не дремлетъ врагъ людской...
Спящій здѣсь да не пугается:
Я кроплю святой водой.

(Окропляетъ.)

Элоа.

Хорошимъ дѣломъ занятъ ты, старикъ!

Сатана.

(Колоколъ замолкаетъ.)

Небесный ангелъ! Или духъ земной
Ты, удостоившій меня вопросомъ?..
Скажи-же мнѣ: которымъ изъ именъ
Тебя мнѣ величать, мой гость блаженный?
Какъ настоятелю о видѣнномъ сказать?

Элоа.

Элоа я.

Сатана.

Ты дочь слезы Христовой!
На тѣло друга уронилъ Христосъ
Свою слезу—печаль души Господней,
И ста́ла ангеломъ та чистая слеза!
И это ты? И на закатѣ дней
Тебя сподобился я, грѣшный, видѣть?!

Элоа.

Скажи: я думала, что монастырской
Здѣсь службы нѣтъ? Упразднена̀ обитель
За старый грѣхъ, а между тѣмъ звонили,
И вотъ тебя за добрымъ дѣломъ вижу?

Сатана.

Мы здѣсь чужіе! Очень издале́ка!
Родная намъ обитель погорѣла,

И мы искали новой. Отовсюду
Насъ гнали, мы пришли тогда сюда,
Провѣдавъ о монастырѣ пустѣвшемъ,
И съ чистою надеждой на Творца —
Свой страхъ превозмогли и поселились,
И насъ хранитъ Господь! Но развѣ ты
Не знала, что нечисто это мѣсто?
Ты, видно, посмѣлѣй другихъ блаженныхъ,
Ты даже князя мрака не боишься?

Элоа.

Я не боюсь его! Мнѣ мнится, въ немъ
Не все, что было свято, то погасло,
И что къ добру возвратъ ему возможенъ!

Сатана.

Напрасный трудъ! Отверженецъ природы,
Онъ Богу никогда не подчинится!
Нѣтъ лжи, къ которой не способенъ онъ...
А развѣ, о! скажи мнѣ, свѣтлый ангелъ,
Такъ разсуждающихъ на небѣ много?

Элоа.

Нѣтъ, я одна...

Сатана.

Скажи: ты князя тьмы
Видала-ли? Онъ въ церкви намалеванъ:

Горящимъ пламенемъ обвитъ, съ хвостомъ,
И безобразенъ онъ, проклятый!

Элоа.

Нѣтъ!
Въ лицѣ его, отмѣченномъ печалью,
Въ глазахъ, горящихъ мыслью, и въ движеньяхъ
Былого свѣтлое величье видно.
И съ Божьимъ небомъ прежнее родство!
Но, милостивъ Господь!

Сатана.

Ты мнишь, что небо
Проститъ когда-нибудь и преисподней?

Элоа.

Она придетъ сама—когда познаетъ!

Сатана.

Что-жъ? Можетъ-быть! И ежели Господь
Далъ Сына Своего на искупленье,
Онъ дочерью его не поскупится,
Чтобъ искупить въ лицѣ ея весь адъ!
Князь мрака былъ отъ неба—ты отъ неба;
Печаленъ онъ—и ты печальна, ангелъ,
И прелесть женская въ тебѣ у мѣста...
Крѣпись! Крѣпись! Собой искупишь адъ!

(Раздается звонъ колокола и проходятъ поющіе монахи.)

Монахи.

Къ нашей тра̀пезѣ обычной
Мы идемъ стезей привычной,
Богомъ тра̀пеза дана
И крестомъ осѣнена!
Братья! Слѣдуйте за нами
Тихо, мѣрными шагами...
Часъ полуденный насталъ,
Звучный колоколъ позвалъ...

Сатана.

Чинъ монастырскій строгъ, идти пора
И настоятелю о всемъ повѣдать!
Но, Божій ангелъ! Есть у насъ преданье...
Оно подъ спудомъ скрыто въ письменахъ:
Загадка истины о томъ, какъ будетъ
Самъ сатана на небо возвращенъ.

Элóа.

А отъ кого, скажи, преданье это?

Сатана.

Не знаю, ангелъ, но могу прочесть...

Элòа.

Скажи: когда и гдѣ прочтешь преданье?

Сатана.

Когда замолкнетъ всюду шумъ дневной,
И лучъ луны съ лучемъ заката слившись,
Пойдутъ къ цвѣтамъ, чтобы прилечь тихонько
Въ подушкахъ ихъ коронокъ ароматныхъ;
Когда вдоль береговъ рѣки сосѣдней
Чуть слышно раздадутся поцѣлуи
Трепещущей волны и незабудокъ,—
Когда заснетъ послѣдній изъ монаховъ,
Я буду ждать! Придешь-ли?

Элóа.

Да! Приду.

(Сатана уходитъ вслѣдъ за монахами. Обликъ Элóа становится невидимъ въ сіяньѣ полуденнаго солнца.)

IV.

Ясное утро. Элóа, задумавшись, несется по направленію къ землѣ.

Элóа.

«Когда его безсмертная полюбитъ,
И правду видя въ лжи, обманетъ ложь...»
Вотъ что написано въ старинномъ свиткѣ,
О томъ, какъ небо сатану проститъ.

Я не пойму, что значитъ тутъ: полюбитъ?
И не искать-ли въ жалости любви?

(Навстрѣчу Элоа—души усопшихъ. Она останавливаетъ свой полетъ и прислушивается.)

Хоръ только-что умершихъ.

Что̀ гудитъ какимъ-то звономъ?
Что̀ живитъ погасшій слухъ?
Мы несемся небосклономъ,
Намъ захватываетъ духъ...

Элóа.

Тоска земли еще ихъ облекаетъ,
И блѣдность смерти не сбѣжала съ нихъ,
Съ трудомъ, какъ-будто, руки расправляютъ...
На лицахъ—слезы плакавшихъ родныхъ!

Хоръ только-что умершихъ.

Всѣ толпой, не въ одиночку,
Въ струнныхъ звукахъ, въ полный свѣтъ!
Мать, неси малютку-дочку,
Братъ—сестру и внучку дѣдъ!
Въ тихомъ вѣяньи полета
Вереницею тѣней,
Мчимся мы—и нѣтъ намъ счета...
Только-бъ вынестись скорѣй!

Элóа.

Сознанье къ бѣднымъ смутно возвратилось...
Какъ-будто первымъ слухъ въ нихъ пробужденъ...
Они удивлены: какъ это все случилось,
Какъ ужасъ смерти могъ быть обойденъ?

Хоръ только-что умершихъ.

Мы смотрѣли, мы видали
Насъ самихъ, въ своихъ гробахъ,
И себя не узнавали
Въ обезличенныхъ чертахъ!
Смерть теперь насъ не пугаетъ...
Намъ не жаль поблекшихъ лицъ,
И надежда окрыляетъ
Сонмъ безсмертныхъ верелицъ!

Элóа.

Какъ много грусти въ этихъ, что̀ отстали!
Глядятъ назадъ! Ихъ будто внизъ влечетъ,
Туда, къ землѣ, гдѣ бѣдныхъ отпѣвали,
Гдѣ кто-нибудь изъ близкихъ сердцу ждетъ...

Хоръ недавно умершихъ.

Гляньте: ангелъ при дорогѣ!
Ангелъ, вѣренъ-ли нашъ путь?

Элóа.

Вѣренъ! Вамъ не сбиться въ Богѣ!

(Появляется сатана.)

Сатана.

Вотъ и я... хочу взглянуть!

Хоръ только-что умершихъ (испуганно, завидя сатану).

Всѣ толпой, не въ одиночку!
Не отсталъ-бы кто изъ насъ!

Сатана.

Жмитесь! Жмитесь!.. гуще... въ точку!
Солнца блескъ вамъ вслѣдъ погасъ!..
Стойте-жъ вы! Куда спѣшите?
Дайте васъ поразобрать!
Уменьшу я цифру въ свитѣ,
Если должное мнѣ взять...

Умершій священникъ.

Духъ вражды съ вѣнцомъ безславнымъ!
Съ этой страшной высоты
Говорю, какъ равный съ равнымъ,
Чуждый смерти, какъ и ты!
Въ жизни былъ я іереемъ,
И встрѣчались мы съ тобой...
Сгинь!..

Сатана (обволакивая священника).

Помазанный елеемъ!
Ты-то именно, ты—мой!

Блѣденъ... желтъ... хиротонисанъ...
Митрой вѣнчанъ!

Элóа.

Отпусти!

Сатана.

У меня онъ въ сердцѣ вписанъ!
Сердце, что-ли, разнести?!
Разсатàниться мнѣ, что-ли?!
Нѣтъ! Не съ этого конца
Начала! Убавь мнѣ воли...
Обрати меня въ глупца!
(Сатана со священникомъ исчезаютъ.)

Хоръ только-что умершихъ.

Дальше, шибче, съ тихимъ звономъ...
Стадомъ робкихъ голубей
Унесемтесь небосклономъ...
Лишь-бы только поскорѣй!
(Отлетаютъ.)

Элóа.

Они промчались стадомъ голубинымъ...
Одной лишь жертвы нѣтъ, обречена!
Онъ взялъ ее, и онъ-же былъ причиной...
Не въ небѣ грозенъ онъ, но на землѣ!
Тамъ онъ, по правдѣ, и великъ и страшенъ!

Тамъ зрѣетъ мощь его... Убавить воли?!
Сказалъ онъ: да, но какъ-же съ этимъ быть?

(Проносится къ землѣ.)

V.

Степи. Совершенно ясный вечеръ послѣ великой бури. Носится туманъ.

Элóа.

Погаснувшаго дня живое затемнѣнье
Ложится думою на строгій ликъ степей;
Вступающая ночь несетъ успокоенье,
Упалъ туманъ на степь... Пей, алчущая, пей!

(Молится.)

Здѣсь, отъ лица земли и всѣхъ ея созданій,
Живымъ ходатаемъ за нужды бытія,
Къ Тебѣ, въ вечерній часъ, въ степяхъ безъ очертаній,
Отецъ мой, молится дочь бѣдная Твоя!
Я тоже дочь земли... Великое общенье
Мое съ тоской Ты самъ, создавъ меня, рѣшилъ...
Я знаю: въ жизни нѣтъ добра безъ преступленья,
И не могло-бы быть рожденій безъ могилъ!
Я знаю, что путемъ мученій и кончины
Задумано Тобой: міръ, зрѣющій въ борьбѣ,
Міръ цѣльный въ оны дни, теперь—двѣ половины,
Въ безсмертьѣ душъ людскихъ весь привести къ Тебѣ!
Но, если Ты найдешь, что миновали сроки
И выполнено зломъ—то, чѣмъ спасались мы?!...

Сомнѣнья такъ сильны... и раны такъ глубоки...
Живого мѣста нѣтъ... Помилуй духа тьмы!

(Сатана появляется изъ потемнѣвшей лазури, и, сіяя красотою въ отблескахъ зари, останавливается передъ Элоа.)

Сатана.

Изъ нѣдръ міровъ, изъ всѣхъ земныхъ печалей,
Я поднялся къ тебѣ навстрѣчу, какъ роса,
Съ зарей, навстрѣчу солнца проступаетъ...
Роса посохнетъ—ты меня отринешь!

Элóа.

Когда добра хочу—зачѣмъ отрину?

Сатана.

Ты вникни въ смыслъ моихъ живыхъ мученій.
Не нѣсколько часовъ терзаюсь распятъ...
Не тридцать только лѣтъ скитаюсь въ ссылкѣ...
Не временною жаждой изнываю...
Не на Голгоѳѣ только распятъ—всюду!
А справедливость Божья не сыта

Элóа.

Не богохульствуй!

Сатана.

Въ чемъ-же богохульство?
Вѣдь если ликъ твой свѣтлый такъ печаленъ,

Въ твоей печали богохульство тоже,
Не на словахъ оно, зато на дѣлѣ!
Зачѣмъ тоска твоя, коль все прекрасно?
Зачѣмъ ты тамъ на небѣ одинока,
Зачѣмъ ко мнѣ взглянула? Отчего
Твой взглядъ въ меня живымъ проникновеньемъ
Пройдя, огонь моихъ страданій гаситъ?
Передъ тобой открытъ я для любви...
И ты сама, при этомъ пышномъ словѣ—
«Любовь»—во всемъ становишься яснѣй!
Какъ-бы съ тѣмъ словомъ въ твой духовный ликъ,
Путемъ какимъ-то плоть вдругъ проникаетъ...

(Подвигается къ Элоа.)

Да, да! Любовью ты спасешь меня!
Склонилась слухомъ, приклонись и сердцемъ...
Твоею вѣрою я буду вѣрить!
Твоей святой печалью освящусь!
Мой умъ больной въ тебѣ покоя ищетъ...
Въ немъ совокупность мощныхъ силъ кипитъ
И замышляетъ новое творенье!..
То новый міръ! И такъ ясна ты мнѣ,
И счастье полное такъ ощутимо...
Люблю тебя и этою любовью
Самъ, отрицаясь, адъ я сокрушаю!..
О, отвѣчай!

Элоа.

На то Господня благость.

Сатана.

Безъ благости! Въ меня любовью вѣетъ...
Скажи: люблю...

Элоа.

Я полюблю тебя!

Сатана (склоняясь подлѣ нея на колѣни.)

Склоняюсь предъ тобой всѣмъ мощнымъ сонмомъ
Проклятій, шедшихъ мнѣ всегда вослѣдъ!
Служу тебѣ великимъ приношеньемъ
Всѣхъ отстраненныхъ мной отнынѣ бѣдъ!
Огонь блаженства мнѣ туманитъ очи,
Отвѣть, дозволь!

Элоа.

Мнѣ не понять тебя!

Сатана.

Зачѣмъ молчишь? Зачѣмъ не отвѣчаешь?
Зачѣмъ не льнешь, не клонишься ко мнѣ?

Элоа.

Къ чему? И что-жъ еще?

Сатана.

О, будь моею...

Элоа.

Я вся твоя и такъ...

Сатана.

Не то, не то!..
Люби меня съ забвеньемъ неразумнымъ,
Люби объятьемъ, смѣлостью люби!
Такъ трепещи, какъ я! Дай обладанья...
Ты дай мнѣ всю тебя...

Элоа.

Вѣдь я твоя?!

(По мановенью Сатаны, по тверди небесной выясняются, въ розовомъ свѣтѣ, безсчетныя облики служенія любви.)

Взгляни, пойми!... Роскошныя картины
Взошли, какъ кущи розъ, по ночи голубой,
И рдѣютъ небеса, съ краевъ и до средины.
Служеніемъ любви и страстности живой!
Какъ цѣпи розовыя тѣлъ и очертаній,
Мою вселенную обвившія кругомъ,—
Вы, въ таинствѣ любви и въ трепетѣ дыханій,
Роскошно дремлете своимъ чудеснымъ сномъ...
Пойми меня! Пойми! Ты счастье обрѣтаешь...
Твой холодъ святости хотя на мигъ отбрось...

(Обликъ Элоа начинаетъ медленно блѣднѣть.)

Но ты туманишься... блѣднѣешь... изчезаешь...

(Сатана, не видя болѣе Элоа, быстро поднимается.)

Такъ, значитъ, одному изъ насъ не удалось?!..
Ехидна дерзкая! Ты хитростно скользнула,
Впилась, проклятая, въ больное сердцѣ мнѣ...

Я правду видѣлъ въ лжи! Тутъ правда—обманула!
Безполыхъ жрицъ какъ ты—не нужно Сатанѣ!

(Сатана разгарается великимъ пламенемъ.)

Вспылалъ мой умъ ужасной жаждой!
И какъ растопленный металлъ,
Бѣжитъ во мнѣ по жилѣ каждой
Зловѣщій грохотъ всѣхъ началъ!
Впередъ! И этотъ вѣкъ проклятій,
Что на землѣ идетъ теперь,—
Тишайшимъ вѣкомъ добрыхъ братій
Почтетъ грядущій полузвѣрь!
Въ умахъ людскихъ, какъ язвы вскрытыхъ,
Легенды быль перерастутъ,
И по церквамъ царей убитыхъ
Видѣнья въ полночи пойдутъ!
Смѣхъ... стоны... муки... имъ въ насмѣшку,
Во вѣкъ!.. Пока, передъ концомъ,
Я, съ трубнымъ гласомъ вперемежку
Вдругъ разыграюсь трепакомъ,
И подъ сильнѣйшіе аккорды
Людскую тлю пошлю на судъ,—
Пускай воскреснутъ эти морды,
А тамъ, пока что, разберутъ,
Впередъ!..

(Сатана уносится, и вмѣстѣ съ тѣмъ погасаютъ видѣнія. Небо остается совершенно голубымъ и чистымъ.)

БУНТЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

(По Тациту. lib. XIV, 29—39.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БОАДИЦЕЯ, королева ицэновъ.

КТЕНА, **ФРИГА** — ея дочери.

РЕМИРЪ, молодой король кантійцевъ, преданный римлянамъ.

ВАЛІЙ, **ОНИГЕРЪ** — королевичи, его двоюродные братья и наслѣдники.

ПОЛИКЛЕТЪ, намѣстникъ кесаря Нерона.

СВЕТОНІЙ, римскій военачальникъ въ Британіи.

ДЕЦІАНЪ, начальникъ гражданскаго управленія.

ЕВТРОПІЙ, начальникъ конницы.

ЛУЦІЙ, майордомъ Деціана.

КЛЕЛІЯ, **КАМЕНА** — наложницы.

АРУНЦІЙ, посолъ Светонія.

ГЕРОНЪ, его спутникъ.

Друиды, скальды, жрецы, ветераны, гонцы, флейтщицы, плясуньи, центуріоны, воины, народъ.

(61-й годъ по Рожд. Хр. Кесарство Нерона. Дѣйствіе происходитъ въ юговосточной Британіи и на островѣ Мона.)

1.

Камулодунумъ, колонія римскихъ ветерановъ въ Британіи. Подлѣ храма Клавдія, на ступеняхъ его, нѣсколько ветерановъ играютъ въ кости, ѣдятъ и пьютъ. Вечерѣетъ.

1-й ветеранъ.

Ужъ брать, такъ брать!

Второй.

Везетъ тебѣ! На смарку!

Многіе.

Ты не плутуй, братъ, а мѣшай сильнѣй!

Первый (сильно встряхивая стаканчикъ съ кубиками.)

Ну, ну, смотри! (Поетъ.)
«Любилъ пѣтухъ цесарку,
Ему вѣрна была она, ей-ей!»
(Бросаетъ кости.)

Мое!

Второй.

Мнѣ, братецъ, не играть съ тобою!
Нѣтъ выигрыша!

Многіе.

И мнѣ... и мнѣ... и намъ!
(Оканчиваютъ игру; нѣкоторые поднимаются съ мѣстъ; выигравшій собираетъ деньги по ступенямъ храма.)

Второй.

Рукой сгребаетъ! Ты-бы гребъ метлою!

Третій.

Сгребай ступени тоже, но не храмъ!

Многіе.

Ха-ха! Ха-ха.

Первый.

Экъ невидаль смѣяться!

Второй.

А что, друзья, какъ слухи? Опасаться
Намъ возмущенья края, или нѣтъ?

Третій.

Да, искоса глядятъ, сидятъ по щелямъ...

Второй.

Ждутъ, говорятъ! Минуетъ, вотъ, сто лѣтъ,
Что здѣсь мы—не пройти и двумъ недѣлямъ—
Быть бунту...

Третій.

Да! Поднимется народъ,—
Камулодунумъ первый попадетъ
Имъ на зубокъ! Плохи у насъ порядки!
Что имъ подставимъ?

Второй.

Кашли, лихорадки
Подставимъ! Насморки и боль въ бокахъ!—
Чѣмъ не войска, не пугала, не страхъ?!

Первый.

Вотъ, у меня такъ были ночью схватки...

(Раздается топотъ приближающейся лошади; изъ-за угла храма подъѣзжаетъ всадникъ, съ плѣнницею поперекъ сѣдла, и останавливается подлѣ ветерановъ.)

Второй.

Эге! Эмилій! Гдѣ-то подобралъ?

(Ветераны помогаютъ спустить плѣнницу съ сѣдла. Простоволосая, дико озираясь, она держится на ногахъ съ трудомъ.)

Всадникъ.

Красавица моя полуживая!

Второй.

Я плечъ такихъ еще и не видалъ!

Третій.

А бедра, бедра! Какъ на ощупь крѣпки!?

Второй.

А тѣло—шелкъ и гладь! Все безъ зацѣпки!

Всадникъ (слѣзая съ коня).

Прочь руки, прочь! Распьяное старье!

Нѣсколько ветерановъ.

Добро-то общее, кажись?!

Всадникъ.

Мое!

И ежели...

(Отбиваетъ ветерановъ.)

Первый.

Эхъ! Юности отвага!

Бабья такого здѣсь не занимать!

Плѣнница (отталкивая протянутыя къ ней руки).

Царевна я! Я дочка Празутага!

Царица мнѣ Боадицея мать!

Всадникъ.

Да! Мать-то высѣкли,—полосовали!

Ветераны.

Какъ! Высѣкли?!

Плѣнница.

Богъ мести! Пощади!
Не дай услышать, что глаза видали...
Позоръ, позоръ!

Всадникъ.

А то-ли впереди?
Коль поцѣлуешь—пощажу разсказомъ?
А нѣтъ—скажу!

1-й ветеранъ.

Ну, ну! Цѣлуй скорѣй!

Плѣнница.

Отецъ! взгляни изъ области тѣней...

2-й ветеранъ.

Ну, прямо въ губы! Посмѣлѣе, разомъ!
Насильно—хуже!

Плѣнница.

Еслибъ губы тѣ
Своей вдругъ измѣнили чистотѣ,—
Разодрала-бы ихъ!

1-й ветеранъ.

А жалко-бъ было:
Ихъ цѣловаться небо сотворило.

Всадникъ.

Не хочешь? Нѣтъ? Властитель бывшій ихъ,
Царь Празутагъ, оставилъ завѣщанье,
Назвавъ себѣ наслѣдниковъ троихъ:
Нерона Кесаря...

Ветераны.

Преуспѣянье
Ему во всемъ!

Всадникъ.

И дочерей своихъ.
Одна—вотъ тутъ. Къ раздѣлу приступили...

Плѣнница.

Все взять хотѣли, все!

Всадникъ.

Да развѣ въ рядъ
Съ другими Кесарь станетъ?

Плѣнница.

Отчего-же?

Всадникъ.

Его права̀ всѣхъ за̀писей дороже.
Что онъ беретъ—то слѣдуетъ...

Ветераны (пьютъ).

Vivat!

Всадникъ.

Отъ насъ быть сѣченной, ей-ей, не стыдно!
Одно: когда-бъ не такъ стара была...
Какъ ей не нравилось, намъ было видно:
Ротъ стиснула и боль перенесла!
Потомъ дворецъ былъ отданъ на грабежку;
Родныхъ—въ рабы, какъ водится! Потомъ
Большой былъ пиръ; устроили дѣлежку!
Все это утромъ было; вечеркомъ,
Покончивъ съ казнью всѣхъ людскихъ отребій,
На царскихъ дочекъ мы кидали жребій!
Вотъ эта мнѣ досталась... Ничего...

Плѣнница.

Воскреснетъ то, что кажется мертво̀!
Заговоритъ, что въ смерти замолчало!
Изъ пепла мститель выйдетъ...

Всадникъ.

Осерчала!

(Раздается топотъ скачущей лошади. Изъ-за угла храма выносится всадникъ.)

Гонецъ.

Очередного! Гдѣ очередной?!

1-й ветеранъ.

Отколь?

Второй.

Куда?

Гонецъ.

Къ Светонію, на Мону!
Весь край въ огнѣ! Спасайся, кто живой!

(Между ветеранами замѣтно сильное движеніе; будятъ спящихъ.)

1-й ветеранъ.

Я говорилъ недавно Ктезифону:
Рвы затянуло, частоколъ гнилой!

Второй.

Запасу мало—да и тотъ плохой!

Третій.

И то сказать: на то и полководцы,
Чтобъ набивать на черный день карманъ!
Копаютъ, вонъ, вдоль самыхъ рѣкъ колодцы...

Первый.

Даютъ къ посѣву не зерно—бурьянъ!

Второй.

Любовницъ изъ Египта вызываютъ!

(Подскакиваетъ новый гонецъ.)

2-й гонецъ.

Къ оружію! Къ оградамъ! Наступаютъ...

1-й ветеранъ.

Эй! Разберись скорѣй: кто спитъ, кто пьянъ?

(Ветераны разбѣгаются въ стороны. Плѣнница, оставшись одна, опускается на землю и лежитъ неподвижно.)

2

Римскій лагерь по пути къ острову Мона. Общественная ставка римскихъ войскъ. Светоній и центуріонъ, отправляющійся гонцомъ въ Римъ. Позже Деціанъ съ майордомомъ Луціемъ.

Светоній (перечитывая табличку, отправляемую имъ Сенату въ Римъ).

«Когда-бъ не управленье Деціана,
Давно-бы край былъ умиротворенъ.
Нѣтъ у него служащихъ безъ изъяна,
И самый вредный, безъ сомнѣнья—онъ!
Онъ портитъ все, къ чему ни прикоснется;

Привычкой стали кражи, грабежи,
Насилья, подкупы, всѣ виды лжи;
Все это очень дурно отзовется.
И возмущенье общее пойдетъ.
Теперь на Мѳну я иду въ походъ,
Чтобъ сокрушить ихъ главную святыню.
Оттуда край волнуется всегда;
Оттуда къ намъ глубокая вражда.
Взявъ Мѳну, уничтожу я пружину.
Я думаю, что будемъ почтены
Мы, сокрушившіе притонъ друидовъ?
Сенатъ оцѣнитъ, изъ какихъ я видовъ
Иду туда! Тамъ склады ихъ казны,
Сокровища! А намъ давно извѣстно,
Что деньгамъ въ Римѣ не бываетъ тѣсно.
Возьму—пришлю! И много ихъ пришлю;
Все заберу, а храмъ испепелю».

(Отдавая табличку, свернувъ ее и припечатавъ, центуріону.)

Безостановочно ступай до Рима;
Сезонію тамъ, консулу, отдашь...
Прощай! Да процвѣтаетъ Кесарь нашъ!

(Светоній уходитъ. Навстрѣчу центуріону, направляющемуся въ другую сторону, Деціанъ съ Луціемъ. Деціанъ, остановивъ его, любуется значками военнаго отличія, висящими въ два ряда на его груди.)

Деціанъ (ласково).

Въ такихъ привѣскахъ грудь неуязвима!
Такую тяжесть весело носить?

Да и браслетовъ на рукахъ довольно!
Скажи, голубчикъ: жмутъ они? Чай, больно?
Такъ это ты сегодня ѣдешь въ Римъ?

Центуріонъ.

Жду приказаній.

Деціанъ.

Что ты? Въ одолженье
Захватишь ты табличку. Повелѣнья
Даетъ Светоній; мною-же просимъ
Ты можешь быть! Не иначе, голубчикъ!
Скажи: на лбу твоемъ вотъ этотъ рубчикъ
Гдѣ получонъ?

Центуріонъ.

Въ Арменіи.

Деціанъ.

Давно?

Центуріонъ.

Тому назадъ шесть лѣтъ!

Деціанъ.

Да, знакъ отмѣнный!
Отличіе должно быть почтенò...

(Цаетъ центуріону денегъ.)

Возьми! Мою табличку, грузъ не цѣнный,
Воткнешь гдѣ въ сумку; мѣста не займетъ;
На денежки мои пирушку справишь;
Ты Турпильону консулу доставишь
Табличку; посланцамъ и онъ даетъ
Кой-что! Прощай! И да помогутъ боги
Преодолѣть всѣ трудности дороги...

(Центуріонъ, взявъ табличку, уходитъ. Деціанъ обращается къ своему приближенному Луцію.)

Я, видишь-ли, оставилъ черновую
На всякій случай. Вотъ, что я писалъ:

(Читаетъ.)

«Хотя, конечно, всѣмъ Светоній взялъ,
И я совсѣмъ не о своемъ толкую,
Но, тѣмъ не меньше, я хочу сказать,
Что намъ бѣды большой не миновать!
Не говорю, что бо̀льшее вниманье
Къ войскамъ—то было-бъ кесаря желанье!
Не говорю, что младшіе чины
Въ войскахъ—контролю не подчинены!
Весь общій планъ его, summa summarum,
Никакъ не можетъ обойтись намъ даромъ.
Идти на Мо̀ну просто цѣли нѣтъ!
Людей я знаю здѣшнихъ много лѣтъ!
Коснуться ихъ святилища—опасно!
Все можно смѣть, всѣмъ можно рисковать,
Но не пригодно страсти раздувать
И вызывать на подвигъ слишкомъ ясно.
Святилище на Мо̀нѣ таково̀,

Что будетъ взрывъ, чуть только тронь его!
Къ тому-же, взять казну ихъ непрактично—
Они, что нужно, платятъ намъ отлично!
А уничтожь источникъ—что тогда?
Къ тому-же, ихъ почтенные друиды,
То тотъ, то этотъ, наши дѣлятъ виды...
Я это все лишь къ слову говорю».

Луцій.

А объ иценахъ, преданныхъ царю,
О завѣщаньѣ ничего не пишешь?

Деціанъ.

Объ этомъ, думаю, не срокъ писать:
Я, съ сообщеньемъ, могъ-бы опоздать.

Луцій.

Какъ? Развѣ есть что?

Деціанъ.

Скоро самъ услышишь...
Но это—тайна! Имъ не надо знать.
Здѣсь съ полководцемъ мы совсѣмъ простились;
На Мону онъ идетъ—я въ Лондонъ ждать!
Жизнь—логика! Не даромъ мы учились
У нашихъ ріторовъ, когда молчать!

3.

Римское войско наготовѣ атаковать островъ Мону. Сотни плоскодонныхъ лодокъ съ пѣхотою отчаливаютъ отъ берега. Кавалерія идетъ вплавь и вбродъ. На островѣ видно множество друидическихъ храмовъ и жилищъ. Выше прочихъ—главное святилище. Прочныя стѣны окружаютъ ихъ. По священному лѣсу виднѣются жертвенники и кумиры. Светоній, съ военачальниками, пристаетъ къ острову на одной изъ лодокъ. При немъ Ремиръ, молодой король кантійцевъ, преданный римлянамъ.

Светоній (сходя на берегъ).

Ремиръ! Ко мнѣ! Скорѣе объясни,
Что тамъ творятъ передо мной они?!

Ремиръ.

Войскъ, точно, много! Копья, что щетина!
Я различаю разные значки!
Вонъ копья съ зубьями—то знакъ Силуры;
Вонъ лисій хвостъ—знакъ хитрыхъ коританъ;
Подальше ордовійцевъ волчьи шкуры!
Далекіе эльговы съ горныхъ странъ;
Замѣтнѣе другихъ ихъ людный станъ:
Кабаньи головы съ значковъ чернѣютъ!
Тѣ издали пришли, знать—зубъ имѣютъ.

Светоній.

Ну, а вотъ это кто, повѣдай мнѣ?!
Я понимаю такъ, что страха ради,

Волосъ своихъ пустивъ по вѣтру пряди,
Снуютъ въ войскахъ, гогочатъ на стѣнѣ!
Съ ихъ факеловъ зажженныхъ дымъ несется,
Какъ-будто міръ зажечь хотятъ, сдается!?
Живыя фуріи! Не вижу лицъ!

Ремиръ.

То служба заклинаній нашихъ жрицъ!

Светоній.

А гдѣ-же другъ нашъ, вождь твоихъ кантійцевъ,
Пришедшій съ тѣмъ, чтобъ дѣлу пособить
И намъ ворòта вò-время открыть?

Ремиръ.

Лѣвѣй силуровъ, подлѣ ордовійцевъ
И ихъ покрытыхъ шкурами полковъ;
Ты видишь-ли въ ложбинкѣ за стѣнами
Тѣ копья кучкой, съ красными древками?
Туда войска ты долженъ повести.

Светоній.

Но хороши друиды! Ты прости
И не сердись за правду! Для чего-же,
Не глупо-ль это, и на что похоже,
Вообразить, что, вздумавши кричать,
Они насъ, римлянъ, могутъ испугать?
Ты слушай, какъ орутъ!

Ремиръ.

Народъ отсталый,
Что говорить!

Светоній.

Но эти всѣ кимвалы,
И эти циструмы, ей-ей, дерутъ
Мнѣ уши! Но, что истинно обидно,—
Такъ это то, что вотъ уже сто лѣтъ
Сидимъ мы съ вами—ну, а проку нѣтъ,
Движенія къ развитью въ васъ не видно.
Вотъ ты одинъ! Ты—человѣкъ души,
Ума большого...

Ремиръ.

Да, когда-бъ родиться
Въ иной странѣ, гдѣ горе только снится,
Гдѣ небеса и зѐмли хороши,
Гдѣ люди вѐселы—не такъ какъ наши!
Гдѣ на пирахъ въ серебряныя чаши
Рабыни юга звучно вина льютъ!
Гдѣ, будто сонъ какой-нибудь, встаютъ
Театровъ, цирковъ пышныя громады...

Светоній.

Мы этимъ всѣмъ съ тобой дѣлиться рады!

(Переправа близится къ концу; пристаютъ послѣднія лодки.)

Но отчего-же знать мнѣ не даютъ
Съ обоихъ крыльевъ? Ничего не видно!
Я слышу крикъ какой-то, но другой,
Совсѣмъ не тотъ, что прежде дикій вой!?

(Посылаетъ одного изъ сопровождающихъ; ему навстрѣчу—всадникъ.)

Что новаго?

Всадникъ.

И стыдно, и обидно!
Въ когортахъ крайнихъ среди бѣла дня
Измѣна!

Светоній.

Что? Тамъ галлы у меня!
Я такъ и зналъ. А что-же нашъ Евтропій
Съ отборнѣйшимъ отрядомъ конныхъ копій?

Всадникъ.

Вотъ онъ-то именно, пока что, спасъ...
Глазамъ не вѣрилось! Объяты страхомъ
Когорты были! А со стѣнъ на насъ,
Въ дыму огней, посыпанная прахомъ,
Ватага жрицъ съ ножами понеслась.
И вслѣдъ за ней...

Светоній.

А галлы что?

Всадникъ.

Стояли,
Объятые какимъ-то колдовствомъ.
Не двигались, удары принимали,
И кровь лилась по трупамъ ихъ ручьемъ...

Светоній.

Коня!

Нѣсколько голосовъ.

Коня Светонію скорѣе!

Светоній (садясь въ сѣдло).

Трубите натискъ! Громче, веселѣе!
Я имъ, рабамъ, глаза-то отведу!
Ремиръ, будь здѣсь! Я тутъ тебя найду...

(Уносится на конѣ на лѣвое крыло. Слѣдуетъ общая атака. Часть стѣны занимается римлянами.)

4.

Второй день боя. Часть друидической ограды занята римлянами. Далеко кругомъ пылаютъ священные лѣса, и мѣстность почти скрывается подъ дымомъ. Подлѣ стѣны разрушеннаго храма, рядомъ съ опрокинутымъ на землю идоломъ, раненый на смерть Ремиръ. Склонившись надъ нимъ, сидитъ плѣнный друидъ. Невдалекѣ римскій часовой. Нѣсколько труповъ.

Друидъ (вполголоса, пристально глядя на умирающаго Ремира).

Чтобы проклятье твоего народа
И въ міръ тѣней шло всюду за тобой!

Мы не сожжемъ твой трупъ! Отребье рода,
Въ дыму огней, въ даль голубого свода,
Да не проникнетъ заодно съ тобой!
Въ слезахъ отчизны, какъ въ горячихъ ранахъ,
Пусть обликъ твой къ позору перейдетъ...
Ты ждалъ спасенья въ римскихъ истуканахъ,
Пускай ихъ сонмъ тебя себѣ возьметъ!..
Пусть голосъ мой твой бредъ сопровождаетъ,
И все я буду на тебя глядѣть...

Ремиръ.

О, дай-же мнѣ спокойно умереть!

Друидъ.

О, нѣтъ!

Часовой (подойдя къ Ремиру).

Король! Какъ можешь?

Друидъ.

Умираетъ!
Уйди! Зачѣмъ въ глаза ему глядѣть?

Ремиръ.

Нѣтъ, не иди... Друида прочь... мѣшаетъ...

Друидъ.

Ты слышишь: бредъ! Глаза совсѣмъ мутны.
По нашей вѣрѣ въ близости друида
Въ смерть перейти—пути облегчены!

Ремиръ.

Не брежу... нѣтъ... гони... Онъ лжетъ для вида!
Меня онъ мучить хочетъ... Прочь возьми!

(Часовой отходитъ.)

Друидъ (наклоняясь надъ Ремиромъ, вполголоса).

Когда твой прахъ разсыплется костьми,
Переживутъ тебя сказанья внуковъ!
Въ родимой пѣснѣ, въ одѣяньѣ звуковъ
Ходить ты будешь, проклятый людьми!
Пусть на пирахъ, гдѣ боги возсѣдаютъ,
Героевъ чтутъ въ блаженные часы,
Ты будешь съ псами, съ тѣми, что глодаютъ
Отброски съ ихъ стола... Озлятся псы!..
Отъ тѣхъ боговъ далась тебѣ корона—
Корону ты на деньги промѣнялъ...
Издохни! Жду послѣдняго я стона!

(Светоній, окруженный военачальниками проходя мимо, останавливается передъ Ремиромъ.)

Ремиръ (едва приподнимаясь).

Светоній!.. Ты?! Нѣтъ! ты не умиралъ...
И надъ тобою не было друида!
Гони его...

Светоній.

Что-жъ? Это не обида?
Двойной измѣнникъ! Я не ожидалъ!

На древки красные я, вдоль ложбины,
Повелъ, какъ ты сказалъ, мои дружины,
И тутъ-то я нежданно положилъ
Отрядъ отборный нашихъ лучшихъ силъ!
Не честно такъ...

Ремиръ.

Светоній... Эта рана...
Не римлянинъ нанесъ ее! Я правъ...
Я честно обѣщалъ...

Светоній.

Нѣтъ, ты лукавъ!

Ремиръ.

Светоній... Ты-ли здѣсь?... Изъ-за тумана
Въ глазахъ—чуть видны мнѣ твои черты...
Вели дать ножъ... Прошу благодѣянья...
Дай мнѣ покончить!

Светоній.

Въ этомъ вôленъ ты!
Подайте ножъ!

(Подаютъ ножъ; друидъ, поднявшись съ мѣста, беретъ ножъ.)

Друидъ (Светонію).

Боговъ предначертанья
Тебѣ побѣду дали! Мощь твоя!

Но мы, Светоній, мы—своя семья!
Пусть нашъ король въ пылающей святынѣ
Своихъ отцовъ, нашъ будетъ хоть отнынѣ.
Дай слово мнѣ... Тѣмъ словомъ дорожа,
На немъ рѣшусь я стать, какъ на твердынѣ,—
Скажи, что кромѣ этого ножа
Ты не велишь давать ему другого!

Светоній.

Зачѣмъ, друидъ?

Друидъ.

Увидишь, давши слово.

Светоній.

Изволь! Но этотъ долженъ быть врученъ.

Друидъ.

Тогда найдетъ другое мѣсто онъ...
Я твоему рѣшенью не перечу,
Но короля, когда умретъ онъ, встрѣчу!
(Закалывается.)

Светоній (отшатнувшись).

Совсѣмъ не ждалъ! Кровь брызнула сюда!

Ремиръ.

Проклятье!

Светоній.

Въ этихъ людяхъ иногда
Какъ-будто видны римскіе порывы!

Военачальникъ.

И есть размахъ.

Другой военачальникъ.

Не по статямъ игривы!

Светоній.

Недобрый знакъ...

Ремиръ (въ бреду).

Да... юности мечты...
Мечты сгубили! Темное видѣнье
Встаетъ кругомъ... и кровію кропитъ...
И вотъ онъ, вотъ... Ты ждешь меня, друидъ...
(Умираетъ.)

Светоній.

Что? Отошелъ и онъ? Въ соображенье
Принять приходится... Ихъ три лежатъ:
Разбитый идолъ, мощный трупъ друида
И трупъ Ремира! Тихо такъ, подъ-рядъ!
Но всѣ они—еще живыя силы
И намъ дурного много натворятъ...
Не сказка, что вскрываются могилы...
(Къ военачальникамъ, глядя на трупъ Ремира.)

Мнѣ кажется: скончавшійся король, —
Онъ былъ женатъ, но безъ дѣтей остался?
Двоюрдныхъ братьевъ два!

Военачальникъ.

И оба—голь!

Другой военачальникъ.

Кто съ ними счеты велъ—тотъ обсчитался!

Светоній.

Куда ни глянь—дѣла не хороши:
Камулодунумъ взятъ; отъ Деціана
Отправленный отрядъ пропалъ въ глуши;
Девятый легіонъ изрѣзанъ! Рано
Онъ съ мѣста двинулся и весь пропалъ!

(Къ одному изъ военачальниковъ.)

Тебя оставлю, чтобъ оберегалъ,
Что взято. Я пробиться постараюсь
До Лондона, чтобъ сдѣлать что-нибудь!
Отдамъ приказъ войскамъ и тотчасъ въ путь.

Военачальникъ.

Приказъ исполню, но со страхомъ, каюсь!
Какъ мнѣ въ солдатъ увѣренность вдохнуть?!

(Светоній удаляется. Слѣдуетъ уборка труповъ.)

5.

Глухая болотистая мѣстность къ югу отъ Лондона. Деціанъ, съ небольшимъ обозомъ и нѣсколькими верховыми, направляется проселкомъ къ морю, для бѣгства съ казною въ Галлію. Сырая, холодная погода. Густой туманъ. Моросить. Утро.

Луцій **(остановивъ обозъ, подходитъ къ повозкѣ Деціана).**

Что, господинъ? Не спишь?

Деціанъ **(испуганно выглядывая изъ-подъ покрывала).**

А? Что! спасаться?!

Луцій.

Нѣтъ, господинъ. А отдохнуть-бы намъ,
Самимъ поѣсть и корму дать конямъ.

Деціанъ.

Что это тамъ? Не крѣпость-ли? Толпятся
Какъ-будто люди?

Луцій.

Да давно-ли пнямъ
Приходится людьми быть, крѣпостями?
Здѣсь безопасно.

Деціанъ.

Видишь-ли, мой другъ,
Съ просонья это было—не испугъ.

(Съ трудомъ вылѣзаетъ изъ повозки)

Неловко тутъ. Сквозь коврикъ колетъ сѣно;
И простудилъ, должно-быть, я колѣно.
И дернуло-жъ меня не въ срокъ начать
Дурацкій опытъ! Чтобы помягчать
Могли волосики мои на тѣлѣ,—
Задумалъ на орѣхахъ поджигать?
Такъ дѣлалъ Августъ-кесарь. Въ самомъ дѣлѣ,
Я ихъ тому дней пять назадъ спалилъ,
А вотъ бѣжать пришлось—и простудилъ...
(Осторожно поднимаетъ пологъ повозки, подъ которымъ покоится Клелія)
Что Клелія-красавица? Не спитъ?
Бѣдняжка скорчилась совсѣмъ, дрожитъ!
Для юной крови, въ Сиріи рожденной,
Не годенъ этотъ климатъ охлажденный.

Клелія (спускаясь съ повозки).

Я ѣсть хочу.

Деціанъ.

Давайте ѣсть скорѣй,
Да не шумите! Тише! Безъ затѣй!

Клелія (заворачиваясь въ одѣяло, роняетъ изъ него рукопись).

Ахъ, эта рукопись! Надоѣдала!

Деціанъ (поднимая рукопись изъ грязи).

Тибуллъ! Голубчикъ мой! Какъ измарала!
Такіе перлы въ грязь кидать! Ни, ни!

Все, все прощу; но это—извини!
(Обтеревъ рукопись, кладетъ ее въ повозку.)
Останешься одна, а я—къ Каменѣ!
(Идетъ къ другой повозкѣ.)
Камена спитъ?

Камена.

Да, будешь спать на сѣнѣ!
Конечно, ужъ давнымъ-давно не сплю.
Пока стоимъ, Катулла я читаю.

Деціанъ.

Да, и Катулла очень я люблю!
Тибуллъ вотъ въ той повозкѣ, этотъ—въ этой,
И женщина, какъ въ этой, такъ и въ той!

Камена (садясь въ повозкѣ).

Я ѣсть хочу и голодъ пребольшой.

Деціанъ (прикасаясь къ одѣялу).

Дай прикоснуться къ шерсти разогрѣтой
Во снѣ дорожномъ, милая, тобой!
(Съ одной изъ повозокъ раздается трель флейты)
Кто дерзкій, кто?

Луцій.

То флейтщицы со скуки.

Деціанъ.

Еще чего? Скорѣй связать имъ руки!
Звукъ флейты забѣгаетъ далеко!

Отыщутъ насъ! Попасться такъ легко,
Тогда конецъ и—поминай, какъ звали...
Проклятыя! Вотъ не было печали!

Камена.

Оставь сердиться, Деціанъ! Къ чему?

Деціанъ.

И непонятно мнѣ, въ толкъ не возьму,
Какъ это смѣть? Подобное нахальство!

Камена (смѣясь).

На прѝвязь ихъ, къ муре́намъ ихъ, въ тюрьму!
На крестъ!... Ха-ха! Разсе́ржено начальство!
Ну, будь-же милъ, голубчикъ Деціанъ!

Клелія (подходя, поетъ).

Катуллъ, Тибуллъ—сердецъ отрада!
Тибуллъ, Катуллъ—какая сласть!

Деціанъ (закрывая ей ротъ рукою).

И ты туда-же, цыцъ!... Вамъ въ плѣнъ попасть
Ничто! Пожалуй, будешь даже рада!
Конфетка имъ!

Клелія.

А отчего-же нѣтъ?

Деціанъ

Но я-то что имъ? Пощади, мой свѣтъ!

Клелія.

Жалѣть могу, но я ц пѣть желаю!
Осипло горло за ночь—расправляю!

Деціанъ.

Молю!

Клелія.

Да ну тебя! (Подходя къ Каменѣ.)
Какой туманъ!
Скорѣй-бы закусить!

Деціанъ.

А тамъ—въ дорогу!
Все ближе къ морю, хоть и понемногу.
Готово-ль, Луцій?

Луцій.

Можно приступить.
(Отводя въ сторону Деціана.)
А что какъ если станутъ насъ судить
За бѣгство?

Деціанъ.

Нѣтъ! Вѣдь я казну спасаю!
И то дай богъ въ такой большой погромъ...

Луцій.

Да, жаль, что Римъ великъ! Все тотъ-же домъ,
Куда ни убѣги—все въ немъ-же...

Деціанъ.

Знаю!
Я думалъ ужъ не разъ, мой другъ, о томъ,
Какъ наши будутъ счастливы потомки,
Которымъ можно будетъ, если Римъ
Развалится и дастъ свои обломки—
Штукъ восемь царствъ—перебѣгать по нимъ?
Однако: далеко-ли намъ до моря?

Обѣ женщины (издали).

Что-жъ нашъ архонтъ!?

Деціанъ (Луцію).

Пойдемъ и выпьемъ съ горя!
(Размѣщаются подлѣ повозокъ; слѣдуетъ почти безмолвная трапеза.)

6.

Одинъ изъ домовъ на окраинѣ Лондона. Римскія войска готовятся къ отступленію. Между жителя—мипѣнника. Светоній и Евтропій.

Светоній.

Одно изъ двухъ: или принять сраженье,
Иль отступить немедленно, сейчасъ!
Ихъ валъ валитъ! Ихъ больше, что ни часъ!

Евтропій.

Я все стою за первое рѣшенье:
Дать бой!

Светоній.

А я за то, чтобъ отступить.

Евтропій.

Мы этимъ можемъ только повредить...
Имъ безразлично—бѣгство, отступленье.
Не думаю, чтобъ регулярный строй
Былъ такъ-таки ничѣмъ передъ толпой!

Светоній.

Однако-же, такимъ онъ оказался!
Гдѣ нашъ девятый легіонъ остался?
Гдѣ тѣ, да эти наши города?
Возставшимъ счета нѣтъ! Льютъ, какъ вода
Отвсюду сразу! Тутъ не до плотины!
Вотъ еслибы хоть тылъ намъ защитить
И лбомъ принять... А то кругомъ—равнины!

Евтропій.

Ты знаешь самъ, какъ трудно сохранить
Порядокъ въ отступленьѣ. Духомъ пали
Войска и такъ! Что, если побѣгутъ
Всѣ разомъ, такъ, какъ по частямъ бѣжали?

Все бѣгства, бѣгства... Деціанъ бѣжалъ...
На что это похоже? Не годится!

Светоній.

Не тотъ, Евтропій, войско въ руки взялъ,
Кто только-то и знаетъ, чтобы биться...
Я думаю добраться до холмовъ:
Кантійцы тамъ; за насъ почти огуломъ!
И я уже отправилъ къ нимъ пословъ
Съ обильной данью и большимъ посуломъ,
И этимъ, знаю, обезпечу тылъ.

Евтропій.

А Лондонъ ты на смерть опредѣлилъ?
Подумай самъ: вѣдь наши тутъ селились,
Обзавелись и дѣломъ, и добромъ,
Торговлей и трудомъ обогатились,—
Мы ихъ селили—сами не просились,
И это все отдашь ты ни по чемъ?!

Светоній.

Послушай: женщина съ дѣтьми шла лѣсомъ;
Навстрѣчу волкъ, голодный и большой;
Чтобъ всѣхъ спасти, она однимъ дитёй
Пожертвовала...

Евтропій.

Общимъ интересомъ
Руководилась!

Светоній.

Правда, воинъ мой!

Евтропій.

Мы, значитъ, городами бунтъ кормили?
Печальныя, внушительныя были!...

Светоній.

Да ты христіанинъ? Договори,
Что у тебя шевѐлится внутри?
Какая прѣснота и подслащенье?
Въ тебѣ, въ солдатѣ, это извращенье!

Евтропій.

Я не христіанинъ, Светоній, нѣтъ!
Но христіанъ возможность—понимаю,
Насколько про ученіе ихъ знаю...

Светоній (кличетъ военачальниковъ, которые и входятъ).

На завтра рѣшено: съ утра, чуть свѣтъ,
Изъ Лондона мы выступаемъ къ югу.

1-й военачальникъ.

Тутъ городъ выборныхъ прислалъ!

2-й военачальникъ.

Съ испугу
Лица на нихъ, на бѣдныхъ людяхъ, нѣтъ!

Светоній.

Они моихъ рѣшеній не измѣнятъ!
Пускай войдутъ!

(Горожане входятъ.)

Что надобно?

Старикъ.

Къ тебѣ
Пришли въ слезахъ!

Светоній.

Ихъ на войнѣ не цѣнятъ.

Старикъ.

Въ глубокомъ страхѣ...

Светоній.

Страха нѣтъ въ борьбѣ!

Старикъ.

Квириты мы, какъ ты! Одни законы
У насъ съ тобой!

Светоній.

Но вы не легіоны!
Мнѣ ихъ спасти, до васъ мнѣ дѣла нѣтъ!

Старикъ.

Мы на защиту выйдемъ поголовно!
Останься съ нами...

Евтропій.

Ты пріими совѣтъ
От стариковъ!

Светоній.

Исполнится дословно,
Что я скажу: мы выступимъ, чуть свѣтъ!
Но я позволю тѣмъ, кто пожелаютъ,
Идти съ войсками,—пусть сопровождаютъ!
А это—жертва!

Старикъ.

Жертвы будутъ тутъ,
Ихъ много будетъ...

Светоній.

Пусть со мной идутъ!..
Мнѣ легіоны нужны, легіоны!..

Старикъ (въ слезахъ).

А жизни нашихъ гражданъ!..

Евтропій.

Слезы! стоны!

(Светоній не даетъ отвѣта и, сопровождаемый военачальниками, уходитъ. Вслѣдъ за нимъ остальные.)

7.

Гористая мѣстность въ странѣ кантійцевъ, къ югу отъ Лондона, въ тылу римскихъ войскъ. Королевичи Онигеръ и Валій. Рати обоихъ королевичей стоятъ одна противъ другой.

Онигеръ.

Миръ и покой да будутъ между нами,
Довольно было крови и вражды!

Валій.

Руководимы тѣми-же богами—
Идемъ съобща! Настало время мзды!

Онигеръ.

Забудемъ месть, покончимъ наши споры!
Дай руку, Валій!

Валій.

Радъ я! Вотъ она!
Какъ мы, князья, пусть наши племена
Въ союзѣ будутъ. Замолчатъ раздоры
Взаимные, зло чувства, желчь рѣчей!
Равно виновны—оба жаждемъ мира.

Онигеръ.

Пускай послѣдней будетъ тѣнь Ремира
Въ ряду другихъ ушедшихъ въ мракъ тѣней!
Пришлецъ бѣжитъ, какъ вспугнутое стадо,—
Близка свобода...

Валій.

Ясенъ намъ обманъ...
Ему вторично помогать не надо.

Гнигеръ.

Римъ общій врагъ!

Валій.

Да, гибель нашихъ странъ;
Сюда попасть судьба имъ, какъ въ капканъ!

Гнигеръ.

Смотри, какъ войско весело, какъ радо!..

Валій.

Да, прошлое забвенью предано!..

Гнигеръ.

Великой жертвой прадѣдовъ, погибшихъ
Отъ вашихъ рукъ и смертью искупившихъ
Свои призванья—пусть освящено
Согласье наше будетъ!

Валій.

Неизвѣстно,
Чьихъ прадѣдовъ погибло больше? Тѣсно
Всѣмъ нашимъ мертвымъ,—дѣло вашихъ рукъ—
Въ чертогахъ свѣта!

Онигеръ.

Дружба тѣмъ прочнѣе
Окажется! Тѣмъ болѣе порукъ,
Чѣмъ больше мертвыхъ!

Валій.

Было-бы скромнѣе,
Князь Онигеръ, о нихъ не вспоминать.

Онигеръ.

Я только вспомнилъ, ты-же сталъ считать!

Валій.

Безъ злого умысла!

Онигеръ.

Нѣтъ! для укора.
Когда-бы не союзъ нашъ– вѣрный мечъ
Мой не замѣшкался-бы...

Валій.

Ищешь спора?!
Что-жъ? Мнѣ милѣй и слаще эта рѣчь,
Чѣмъ пререканья, болтовня пустая!

Онигеръ (обнажая мечъ).

Ты отводилъ глаза мнѣ!

Валій (обнажая мечъ).

Вотъ прямая
Дорога-то! Короче и скорѣй!
Изволь! Согласенъ!

Онигеръ (готовясь принять вызовъ).

Испытай моей
Завѣтной злобы мощные удары...

Валій.

Слова новы, да мысли эти стары.

(Въ войскахъ замѣтно движеніе; показываются послы Светонія.)

Нѣсколько голосовъ.

Послы! послы!..

(Между обѣихъ ратей проходятъ римскіе послы Аруцій и Геронъ. Стражники ихъ останавливаются поодаль. Послы подходятъ къ князьямъ, влагающимъ мечи въ ножны.)

Аруцій.

Привѣтствуемъ князей!
Зачѣмъ вражда въ князьяхъ, богатыхъ честью,
Въ большихъ князьяхъ передовыхъ племенъ?..

Онигеръ.

Какъ говоритъ!

Валій.

Пересыпаетъ лестью!

Аруцій.

Нѣтъ въ правдѣ лести... Честь воздать—законъ!
Отрядъ, идущій слѣдомъ съ грузомъ дани,
Докажетъ это!

Валій (насмѣшливо).

Вспугнутыя лани,
Бѣжите вы трусливою толпой,
И шлете насъ задобрить, какъ бывало...

Аруцій.

Конечно: много васъ! Насъ очень мало!
Но мы рѣшились жертвовать собой...
Судьбы измѣнчивы, за васъ рѣшили,—
И противъ нихъ, конечно, не пойдешь.
Уходимъ мы... Но мы сто лѣтъ гостили...

Онигеръ.

Что-жъ надо вамъ?

Аруцій.

Всего не унесешь!
И присланъ я съ особымъ предложеньемъ...
Потеряны сраженье за сраженьемъ;
Рѣшились мы уйти. Здѣсь къ морю путь...
Пустите насъ пройти его свободно!

Валій.

И будетъ то, ты думаешь, пригодно?

Аруцій.

Мы счетъ сведемъ за это какъ-нибудь,
Князья позволятъ быть мнѣ откровеннымъ?!
Мы обладаемъ грузомъ очень цѣннымъ,
И весь онъ вашъ... Но, ежели не такъ,
И намъ придется силой пробиваться,
Онъ можетъ у другихъ племенъ остаться...
Разсчетъ прямой! Никто себѣ не врагъ!
Рѣшайте-же?

Снигеръ.

А что порукой будетъ
Въ твоихъ словахъ?

Аруцій.

Порука—мой обозъ.
Его съ собою я сюда привезъ.
Конечно, вѣрно: если насъ принудятъ
Пробиться силой—мы на то пойдемъ,
Но по пятамъ мы вашихъ приведемъ,
Со всѣми вамъ придется подѣлиться,—
Теперь-же вы подѣлитесь вдвоемъ!
Измѣны нѣтъ тутъ: мы и такъ уйдемъ!

Снигеръ.

Гдѣ твой обозъ?

Аруцій.

Большая часть со мною,
Но многое близехонько въ пути;
Распутица: ни ѣхать, ни идти!

Снигеръ (Валію).

Что-жъ? Соберемъ старѣйшинъ той порою.

Валій.

На просьбу иначе не снизойти!

Аруцій.

Я буду ждать за этою горою,
Тамъ ставка наша.

Валій.

Ты заложникъ намъ.

Аруцій.

Я буду ждать.

Снигеръ (Валію).

Что, Валій, наши счеты?

Валій.

Обозъ сначала разберемъ, а тамъ...
(Уходятъ къ своимъ ратямъ.)

Арунцій.

День выигранъ, а тамъ лишь-бы охоты
Ихъ рѣзать, какъ телятъ!

Геронъ.

А что-же мы?!

Арунцій (показывая стеклянный пузырекъ).

Вотъ даръ Локусты! Помѣсь сулемы...
Но если мы, какъ думаю, умѣлы
Въ дѣлахъ и изучили тутъ народъ,
То, можетъ статься, сохранимся цѣлы!
Будь я, не я, когда къ намъ не зашлетъ
Одинъ изъ королевичей, иль оба,
Съ особымъ предложеніемъ своимъ,
Что головы сложить хотятъ за Римъ,
Что вѣрность ихъ—до каменнаго гроба,
Въ которомъ, скорчась, сядутъ—будетъ жить
Смотри!

Посланный Валія (Аруццію).

Князь Валій хочетъ говорить
Съ тобой.

Аруцій.

Наединѣ?

Посланный Валія.

Онъ такъ желаетъ.

Аруицій.

Ты князю передай: когда-бъ не онъ
Ко мнѣ прислалъ, то былъ-бы извѣщенъ
Онъ отъ меня. Светоній ожидаетъ
Отъ князя многаго! И вотъ браслетъ
Ему вручить онъ шлетъ. Другого нѣтъ
Подобнаго сафира! Какъ глубоко
Онъ свѣтится! (Отдаетъ браслетъ).
Жду назначенья срока!
(Посланецъ уходитъ.)

Аруиции.

Сто лѣтъ не даромъ мы сидѣли тутъ!
Какъ справедливы всѣ мои догадки!
Мы, какъ съ дѣтьми, играемъ съ ними въ прятки,
И знаемъ гдѣ, кого изъ нихъ найдутъ.

Геронъ.

Все это хорошо. Но—мы съ тобою?

Аруицій (показывая стеклянный пузырекъ.)

Сказалъ я: вотъ отрава подъ рукою!..
(Направляются къ своей ставкѣ, стоящей за горою.)

8.

Вечеръ. Канунъ боя въ лагерѣ соединенныхъ британскихъ племенъ. По безпорядочно разбросаннымъ полчищамъ, между костровъ, виднѣются поющіе пѣвцы. Королева Боадицея на колесницѣ, имѣя подлѣ себя обѣихъ дочерей, кончаетъ объѣздъ лагеря. Королеву повсюду встрѣчаютъ и сопровождаютъ кликами. Со стороны, противоположной закату, выясняется луна.

Боадицея (остановивъ колесницу подлѣ силуровъ.)

Силуры храбрые! Для васъ не ново,
Чтобъ королевы въ битву васъ вели!
Когда-бъ рубцы спины кричать могли,
Жечь васъ, какъ жгутъ меня—огонь, не слово,
Струилось-бы вдоль васъ и звало въ бой!
Глядятъ на васъ съ царѐвой колесницы
Двѣ дочери мои... Не голубицы
Онѣ, какъ прежде,—груди молодой
Враги коснулись дерзкою рукой!
Нѣтъ, не слезами, жаркой кровью всплакавъ,
Терпѣли дочки... Мать всполосовавъ,
Не вызвавъ мести вашей, былъ-бы правъ
Срамной служитель Пѐтовъ и Пріàповъ!..
Но ваша месть взошла! Горитъ страна...
Она съ избыткомъ труповъ ихъ полна:
Висятъ на сучьяхъ, корчатся съ распятій!
Еще одна побѣда намъ, одна...

(Указывая на римскій лагерь.)

Вонъ горсть убійцъ! Отмстите-ли за братій?

Да, этой горсти насъ не миновать...
Вы рветесь, вижу! Надо обождать...

1-й воинъ (вслѣдъ отъѣзжающей колесницѣ).

Царица! За тебя умремъ!

2-й воинъ.

Всѣ рады!

3-й воинъ.

Смерть, смерть пришельцамъ!

4-й воинъ.

Да погибнутъ гады
Проклятой памяти...

Боадицея (остановивъ колесницу въ другомъ мѣстѣ лагеря.)

И вамъ привѣтъ!
Вамъ ордовійцамъ! Вамъ—сынамъ Эльговы!
Вамъ—сострадальцамъ миновавшихъ бѣдъ!
И дочери мои, и я готовы
Идти въ рядахъ простыхъ согражданъ въ бой!
Кто не готовъ на смерть—тотъ не со мной!
Уже погибло много легіоновъ!
Ихъ кровь сгустилась надъ полями битвъ!
Пронесся къ небу сладкій хоръ ихъ стоновъ
Подъ звуки нашихъ радостныхъ молитвъ...

Молитвы тѣ помчались, заглушая
Послѣдній плачъ воспрянувшаго края!
Еще одинъ, послѣдній вашъ ударъ...
Кто чувствомъ хилъ, кто духомъ дряблъ, иль старъ—
Не съ нами тотъ...

(Указывая на римскій лагерь).

Вонъ кучка небольшая
Враговъ! Возьмете-ли?

1-й воинъ (вслѣдъ отъѣзжающей королевѣ).

Ты намъ звѣзда,
Царица!

2-й воинъ.

Смерть—за очи голубыя
Царевенъ!

3-й воинъ.

За высокіе года
Твои!..

Боадицея (подъѣхавъ къ своимъ ицэнамъ подлѣ своей ставки).

Ицэны! Рати мнѣ родныя!
Теперь не долго ждать. Порѣшено:
Кантійцы, выйдя въ утреннемъ туманѣ,
Ударятъ съ тылу, съ нами за одно...
Огни почти погасли въ римскомъ станѣ,—
Войскамъ и намъ покоиться должно̀...

(Сойдя съ колесницы.)

Ты прибери коней моихъ, возница!
Ихъ къ полночи сведешь на водопой;
Осмотришь ось, крѣпка-ли колесница—
И будешь ждать, чуть глянетъ свѣтъ съ зарей...

(Входитъ съ дочерьми въ свою ставку. Въ лагерѣ, мало-по-малу, устанавливается спокойствіе; огни погасаютъ. Во многихъ мѣстахъ слышатся арфы и поющіе пѣвцы. Бряцаніе арфъ и пѣсни слышны по лагерю до разсвѣта. Съ полночи начинаютъ водить коней на водопой.)

Пѣвецъ.

Ночью безмолвною, голубоокою,
Въ станѣ, объятомъ дремотой глубокою,
Ходитъ бряцаніе струнъ!
Если покоится око подъ вѣждами,
Слухъ остается открытымъ,—надеждами
Тѣшитъ васъ старый пѣвунъ.

* * *

Вижу я: тѣни идутъ, собираются,
Ищутъ своихъ и надъ ними склоняются,
Длани сложивъ на мечи!
Нѣтъ! Эти тѣни—не страхъ навожденія!
Въ нихъ заповѣдная тайна общенія
Мертвыхъ съ живыми въ ночи!

* * *

Струны бряцаютъ! Видѣнья хоронятся,
Въ мѣсяцѣ свѣтятся, облакомъ гонятся,
Въ бѣломъ туманѣ снуютъ...
Любо тѣнямъ! Имъ побѣды мечтаются!
Старыя раны у ихъ раскрываются
И, услаждая, цвѣтутъ!

* * *

Ночью безмолвною, голубоокою,
Въ станѣ, объятомъ дремотой глубокою,
Ходитъ бряцаніе струнъ!
Если покоится око подъ вѣждами,
Слухъ остается открытымъ,—надеждами
Тѣшитъ васъ старый пѣвунъ!

9.

Полночь въ лагерѣ кантійцевъ, въ тылу римлянъ. Поклажа римскаго обоза раздѣлена между воинами. Мѣстами виднѣются разбросанные серебряные сосуды, украшенія, одежды. По лагерю замѣтно большое движеніе, идутъ попойки; замѣтны женщины, присланныя съ обозомъ. Кучка воиновъ, только-что подѣлившихъ между собою разныя вещи.

1-й воинъ (со статуэткой въ рукахъ).

Вишь ты, какая красота, ей-богу!

2-й воинъ.

А руку держитъ какъ? Какъ-будто стыдъ!

3-й воинъ.

Къ ногѣ искусно какъ пригнула ногу,
А сбоку рыбка вверхъ хвостомъ торчитъ!

4-й воинъ (беретъ статуэтку въ руки).

В, е, н, е... читай, значитъ,—Венера!
Ну, штучка!

1-й воинъ.

За Венеру, братцы, пей!
Красивѣе старухъ Боадицей!
(Пьютъ.)

2-й воинъ.

Ну, а слыхали-ль слово Онигера
Къ пословъ иценовъ?

4-й воинъ.

Нàпросто: ругалъ!

2-й воинъ.

Слѣпыми дурнями пословъ назвалъ;
Мнѣ, говоритъ, до васъ какое дѣло?
Я римлянамъ союзъ свой обѣщалъ.

Пѣвецъ (подойдя).

И месть боговъ надъ всѣми вами!

2-й воинъ.

Смѣло!
Ты съ побасенками не доставалъ!
Пей съ нами, пей!

Пѣвецъ.

Ночь мрачно опустилась!
Въ крови багровой солнце закатилось!

Играютъ вихри по ущельямъ горъ,
Кричитъ сова, крыломъ своимъ махая...

1-й воинъ.

Да ну тебя, вѣщунъ! Зло накликая,
Ты не на мѣстѣ тутъ!

2-й воинъ.

И мелешь вздоръ!

Пѣвецъ.

Сестеръ и женъ влачащіяся тѣни
Рождаютъ мстителей!

1-й воинъ.

Ой, не смѣши!
Ну что ты врешь-то! Изъ загробной сѣни
Къ намъ не вернулось ни одной души!

(Подъ звуки флейтъ проносится вереница пляшущихъ воиновъ и женщинъ, привезенныхъ въ обозѣ. Кругъ съ звонкимъ хохотомъ окружаетъ пѣвца.)

1-й воинъ.

Вотъ это такъ!

2-й воинъ.

И не въ примѣръ красивѣй.
А то пришелъ пугать насъ! Ну, держись!

Женщина (пѣвцу).

Голубчикъ мой! Не хмурься, улыбнись
И пой!

1-й воинъ.

Такъ будетъ лучше и правдивѣй.

Общій хоръ.

Пляской, пѣсней, флейтой звучной
Коротаемъ дружно ночь!
Ты, пѣвецъ, какъ осень скучный,
Ты не хочешь-ли помочь?

Хоръ женщинъ.

Плотно льнутъ къ кольчугамъ складки...
Съ поволокой взглядъ очей!
Поцѣлуи наши сладки
Въ шумныхъ таинствахъ ночей!

Общій хоръ.

О, пѣвецъ! Брось думу злую
И по сердцу будешь намъ!
Ты ударь намъ плясовую
По пророческимъ струнамъ!

Пѣвецъ (обрывая струны на арфѣ).

Порвитесь, струны! Вамъ не измѣнить
Тому, что такъ привыкли вы любить!
Въ годину зла вы правду возглашали,
Вы съ сердцемъ чистымъ вѣчно въ ладъ звучали!
Нѣтъ сердца—нѣтъ и васъ...

Многіе голоса.

Давно-бы такъ!
Забавникъ! Право! Истинный чудакъ!

Пѣвецъ (глядитъ на приближающагося королевича Валія).

И вижу я... И вижу ясно, ясно...
Идетъ измѣна, въ князя воплотясь...
Ступаетъ гордо такъ и полновластно...

Голоса.

Князь Валій шествуетъ! Привѣтъ нашъ, князь!

Валій (подходитъ со своими приближенными).

Я радъ за васъ! По сердцу-ль ликованье?

Многіе.

Пѣвецъ мѣшаетъ! Струны оборвалъ!

Пѣвецъ (Валію).

Твой родъ не разъ отчизну продавалъ...

Голоса.

Ха-ха-ха-ха!

Валій.

Когда-бъ не осмѣянье
Ты вызвалъ...

Многіе.

Князь! Казни его, казни!

Валій.

Ближайшіе насъ оправдаютъ дни.
Князья не властны принимать рѣшенья!
Пѣвецъ безумный! Вѣрь: твои сомнѣнья
Пустыя тѣни, призраки одни...

Общій хоръ (продолжая плясать).

Пѣснямъ, пляскамъ, флейтамъ звучнымъ
Часъ желаемый насталъ!
Ты, пѣвецъ, со взглядомъ скучнымъ,
Что ты струны оборвалъ?

Хоръ женщинъ.

Не напрасно женщинъ славятъ!
Кто-же женщинамъ не рабъ?
Кто не знаетъ: всюду правятъ
И Астарта, и Пріапъ!

Валій (отводя въ сторону приближеннаго).

У Онигера я сидѣлъ; ты знаешь,
О чемъ подумалъ я, идя назадъ?

Приближенный.

Не вѣдаю.

Валій.

Онъ что-то слишкомъ радъ!

Въ немъ что-то есть, чего не разгадаешь!
Веселье это кажется двойной,
Мнѣ не совсѣмъ понятною игрой!
Предусмотрительность нужна!

Приближенный.

На мѣстѣ
Она всегда, но, чаще, у князей.

Валій.

Скажи мнѣ, только искренно, по чести:
Ужъ такъ-ли несомнѣнна у друзей,
У римлянъ, ихъ побѣда надъ врагами,
Чтобы на ней построить нашъ разсчетъ?
Лазейки не оставить-ли на счетъ
Возможности иного? Между нами:
Я не увѣренъ!

Приближенный.

Это можетъ быть,
Хотя и трудно.

Валій.

Хочешь сослужить
Большую службу?

Приближенный.

Если князь прикажетъ!

Валій.

Вотъ видишь-ли, мой другъ, та служба свяжетъ
Насъ узами прочнѣйшей дружбы, но...

Приближенный.

Чѣмъ князь смущенъ?

Валій.

То, что говорено
Бываетъ... ты забыть порой умѣешь?
Какъ-будто не слыхалъ—того, что слышалъ?

Приближенный.

Умѣю, князь.

Валій.

Я такъ и ожидалъ.
Когда рѣшишься,—все-ли сдѣлать смѣешь?

Приближенный.

Пожалуй—да!

Валій.

Такъ слушай-же меня...
Что еслибы, мой другъ, къ началу дня
Посолъ Арунцій мертвымъ оказался?
Когда побѣда римлянъ—то не ты,
А неизвѣстный кто-то въ ночь подкрался...
Но, ежели британцы на щиты,

Побѣду празднуя, вождей поставятъ
И въ торжествѣ при кликахъ понесутъ,
Тогда... ты понялъ-ли? Тебя почтутъ
И, какъ и слѣдуетъ, вездѣ прославятъ!

Приближенный.

Исполню, князь.

Валій.

Но, если, милый другъ,
Ужъ ты рѣшился—было-бы виднѣе
Не одного посла, а всѣхъ ихъ вдругъ
Убить съобща!.. Что скажешь о затѣѣ?

Приближенный.

Свидѣтельствуетъ о большомъ умѣ
Властителя!

Валій.

Кто побывалъ въ ярмѣ,
Подъ гнетомъ власти, мы, князья, мы знаемъ!
Какъ власть тяжка, какъ совѣсть отягчаемъ,
Когда мы свѣта ищемъ въ тяжкой тьмѣ—
И, какъ ни грустно намъ—но убиваемъ...
И такъ?!

Приближенный.

Иду!

Валій.

Иди и соверши!
Успѣха, другъ, желаю отъ души!

(Валій входитъ въ свою ставку; приближенный удаляется; пляска и пѣнье по лагерю въ полномъ разгарѣ.)

Хоръ женщинъ (издали).

Не напрасно женщинъ славятъ!
Кто намъ, женщинамъ, не рабъ?
Кто не знаетъ: всюду правятъ
И Астарта, и Пріапъ!

10.

Ставка римскаго посла Арунція. Ночь. Издали доносятся звуки пѣсней и пляски кантійцевъ. Арунцій и Геронъ сидятъ на дерновой скамьѣ.

Арунцій.

Ты вѣришь-ли въ предчувствіе, Геронъ?
И, если вѣришь, чувствуешь-ли что-то?

Геронъ.

Пугаться и пугать что за охота?
Тутъ музыка звучитъ со всѣхъ сторонъ,
И весело... и женщины обоза...
И золото, и цѣнное вино—
Все это въ дѣлѣ съ нами заодно...
Красиво!

Аруцій.

То поэзія! А проза?
У нихъ мы въ пасти! Стоитъ пасть закрыть...
И скажутъ намъ во слѣдъ: могли-бы жить!

Геронъ.

Но мы—послы, пословъ оберегаютъ...

Аруцій.

Они, какъ мы, условность чести знаютъ.
Мы—ихъ учители!

Геронъ.

Но мысли въ чемъ
Твои? Скажи?!

Аруцій.

То, что мы сѣемъ—жнемъ!
Ужъ вотъ сто лѣтъ, какъ мы ихъ подкупаемъ,
И сами лжемъ, и лгать ихъ заставляемъ,
И развратили до конца народъ,—
И только этимъ самымъ управляемъ...
Чего мы вправѣ ждать, и что насъ ждетъ?

Геронъ.

Кого?

Аруцій.

Насъ двухъ! Провѣрь-ка часового!

Хотя, положимъ, стражѣ не спасти,
Всего насъ десять, въ этомъ нѣтъ пути—
Прирѣжутъ всѣхъ! Я не боюсь большого,
Открытаго насилья, но боюсь
Подлѣйшаго убійства, втихомолку!
Они у насъ учились!

Геронъ.

Мало толку
Въ твоихъ словахъ! Я объ закладъ побьюсь,
Что ночь пройдетъ для насъ благополучно!

Аруцній.

Положимъ такъ... Но всетаки мнѣ скучно!
И на сердцѣ такъ тяжело... Да, да!
Какъ погляжу на прошлые года,
Римъ былъ иной! Иныя были цѣли...
Переродились, если уцѣлѣли,
Былыя добродѣтели его...
Живъ очеркъ—назначеніе мертво!
Пускай примѣръ мой помыслъ разъясняетъ:
Такъ, ликъ у трупа хоть не исполняетъ
Обязанностей лика,—все-же ликъ!
Никто его затылкомъ не считаетъ,
Пока огонь костра въ единый мигъ
Не снесъ всего, въ конецъ уничтожая,
И въ сѣромъ пеплѣ все объединяя,
Огонь все рушитъ, кромѣ одного:

Названье, кличка, память остается,
И въ этомъ видѣ будто-бы живется,
Тому, что вправь поистинѣ мертво!
Но въ этой жизни кличекъ и названій,—
Безспорно то, что нѣтъ самихъ созданій,
Что сáмой жизни нѣтъ, что жизнь ушла,
Пустивъ гулять по стогнамъ нуждъ житейскихъ
Какихъ-то выходцевъ странъ елисейскихъ,
Рисунки тѣлъ—не самыя тѣла...
Да, истинно—живетъ одна зола!
Весь Римъ—зола!

Геронъ.

Совсѣмъ не понимаю,
Что говоришь? нагляднѣй объясни!

Аруицій.

Я, иногда, въ отчаянье впадаю...
Все—ничего не стòитъ! Самъ взгляни:
Вотъ хоть бы мы съ тобой! Мы исполняемъ
Нашъ долгъ и словно предкамъ подражаемъ,
А не угодно-ли тебѣ сравнить:
Положимъ, что въ подобное посольство
Въ условьяхъ нашего,—хоть допустить
Того нельзя,—попалъ Катонъ! Довольство,
И гордость, и надежда вѣчно жить
За подвигъ,—вотъ бы что руководило
Спокойной мыслью въ этотъ часъ ночной,

А не тоска! Не страхъ, что часовой
У насъ заснетъ,—что крадется убійца
Съ небритой рожей подлаго кантійца!
А это разница!

Геронъ.

Не нахожу:
Мы исполняемъ долгъ, въ томъ вся задача!..

Аруцій.

Какъ исполнять? Вотъ суть!.. Чуть погляжу,
Какъ много всюду вызвали мы плача!
Какъ грабимъ и за что?

Геронъ.

Мнѣ не понять,
За что изволишь ты на Римъ пенять?
Приказано исполнить!

Аруцій.

Исполняю,
Но силы нѣтъ тоски моей унять...
И Римъ люблю я, но не уважаю!

Геронъ (вставая).

Пойду, взгляну, а тамъ и ляжемъ спать!

Арунцій.

Да, посмотри и приходи скорѣе;
Вдвоемъ, какъ-будто, все-же веселѣе...

(Геронъ уходитъ. Арунцій прислушивается къ отдаленной пляскѣ и пѣснямъ. Слышится рѣзкій крикъ. Входятъ приближенный Валія съ тремя кантійцами.)

Арунцій (быстро поднявшись съ мѣста.

Эй, стража?!

Приближенный Валія.

Не кричи! Зачѣмъ?

Арунцій.

Геронъ!

1-й убійца (товарищу).

Геронъ убитъ! Ударимъ съ двухъ сторонъ!

(Арунція закалываютъ, не давъ ему времени опомниться.)

Приближенный Валія.

И съ нимъ не трудно было!

1-й убійца.

Какъ телята
Теперь лежатъ!

Приближенный Валія (прислушиваясь).

Слыхали-ль? Шумъ глухой?!

2-й убійца.

Сюда идутъ!

1-й убійца.

Скорѣе тьмой ночной
Прикрыться!

Приближенный Валія.

Посмотрите: все-ли взято?
И не забыли-ли чего!.. За мной!

(Убѣгаютъ. Черезъ нѣсколько времени входятъ приближенный Онигера съ людьми. Съ нимъ послы Боадицеи въ цѣпяхъ.)

Приближенный Онигера (наклоняясь къ трупу).

Какъ? Что? Убійство! Гдѣ посолъ? Скорѣе...
Вотъ онъ!.. Убитъ?.. А мы-то привели
Къ тѣламъ пословъ—пословъ Боадицеи
Завѣрить въ вѣрности!.. Поднять съ земли
И осмотрѣть! Какъ-будто есть дыханье?!
Куда... хрипитъ! Такъ раны глубоки!

Второй приближенный.

Бѣжать скорѣй, сказать о злодѣяньи...

Приближенный Онигера.

Искать, искать таинственной руки!

Второй приближенный.

Не Валiй-ли?

Приближенный Енигера.

Тутъ надобно вниманье...

(Быстро уходятъ и уводятъ съ собою пословъ Боадицеи. Музыка и пляска слышны попрежнему.)

11.

Раннее утро. Широкая равнина, поросшая мѣстами мелкимъ кустарникомъ; въ глубинѣ кряжъ невысокихъ горъ; передъ нимъ, тыломъ къ ущелью, римляне въ сомкнутомъ, плотномъ строю. Племена британцевъ, въ громадной численности, разбросанныя по всей равнинѣ безпорядочными толпами, двигаются на римлянъ; пѣшiе и конные перемѣшаны. Между ними виднѣется большое количество колесницъ и повозокъ съ женами воиновъ, привезенными на поле сраженiя, чтобы любоваться гибелью римлянъ. Боадицея съ дочерьми на колесницѣ привѣтствуется кликами; она проносится впередъ.

Боадицея.

Разгорячай коней моихъ, возница!
Крѣпка-ли ось? Прочна-ли колесница?
Сыны мои, ицэны, мой народъ,
За мной, родные соколы, впередъ!...

Старый вождь.

Всѣ копья вмѣстѣ! Сомкнутой толпою!

Молодой вождь.

Въ отдѣльныхъ кучахъ копій не дробить!

Старый вождь.

За колесницей царскою слѣдить...

Одинъ голосъ.

Силуры двинулись...

Второй голосъ.

И близки къ бою!

Третій голосъ.

Эльговы—тоже имъ во слѣдъ спѣшатъ...
Надъ ними пыль столбомъ, какъ предъ грозою,
Вздымается...

1-й голосъ.

Что-жъ римляне молчатъ?
И, ощетинясь копьями, стоятъ?

2-й голосъ.

А вонъ и самъ Светоній! Посмотрите:
Кольцомъ щитовъ обставленъ, какъ стѣной...

Голоса.

Впередъ, впередъ!

1-й голосъ.

Зачѣмъ такой покой
Въ рядахъ когòртъ?

Старый вождь.

Коней поберегите!
Метнули копья! Сыплются дождемъ!

Молодой вождь.

Царица гдѣ?

3-й голосъ.

Далеко вонъ...

4-й голосъ.

Глядите:
Толпятся къ ней!

1-й голосъ.

Съ пораненнымъ конемъ
Вблизи когòртъ она остановилась...

2-й голосъ.

Постромки рубятъ...

Молодой вождь.

Къ ней скорѣе, къ ней!

Старый вождь.

Спасать ее и царскихъ дочерей...

Голоса.

Когорта, что стѣна, зашевелилась!
Трубятъ рога... очнулся легіонъ!..

Старый вождь.

А князь кантійцевъ! Что-же медлитъ онъ?
Теперь-бы время, кажется, явиться?

Молодой вождь.

Да, да! Качнулся легіонъ, дробится,
Открытъ съ боковъ и съ тылу обнаженъ!..

Старый вождь.

Впередъ!

1-й голосъ.

Нельзя! Къ намъ наши прутъ навстрѣчу!..

Молодой вождь.

За мной! Въ ножи! Скорѣе въ свалку, въ сѣчу!..

1-й голосъ.

Бѣгутъ!

2-й голосъ.

Измѣна!

3-й голосъ.

И бѣжать нельзя!
Все кучи тѣлъ кругомъ... Въ крови скользя,
Сбиваешься...

4-й голосъ.

Когорты наступаютъ!
Бѣги, кто можетъ...

Голоса.

Рѣжутъ... вырубаютъ...

(Общее бѣгство британцевъ. Светоній появляется на конѣ и посылаетъ конницу за бѣгущими. Бойня.)

12.

Блестящій, солнечный, лѣтній день. Римскія войска, граждане и британцы собраны на открытіе мавзолея, поставленнаго на мѣстѣ убіенія посла Аранція и его спутниковъ. Открытіе назначено къ прибытію посланнаго изъ Рима новаго полновластнаго намѣстника, Неронова отпущенника Поликлета. Къ мѣсту сбора войскъ подтягивается длинная процессія, блистающая азіатской роскошью и пестротою. Подлѣ мавзолея, отдѣльными группами, стоятъ Евтропій и другіе военачальники римлянъ; по сосѣдству съ ними военачальники британцевъ и королевичи Онигеръ и Валій. Мавзолей убранъ вѣнками и гирляндами. Жертвенники. Подлѣ нихъ—жрецы. Светоній стоитъ впереди другихъ, ожидая приближенія Поликлета.

Одинъ изъ римскихъ гражданъ.

Смотри, смотри!

Другой.

Народу-то, народу!
Вонъ, на носилкахъ, самъ онъ, Поликлетъ!

Одинъ.

Носильщики-то! Экій черный цвѣтъ
Ихъ лицъ скуластыхъ!

Другой.

Новую породу
Людей нашли! Ну, а за нимъ кого
Несутъ? Все женщины...

Одинъ.

А вонъ прикованъ
Чудно̀й какой-то звѣрь вблизи его!
Совсѣмъ, какъ кошка; чернымъ полосованъ!
Пантера?

Другой.

Тигръ? А это кто, гляди?
Актеры? Строятъ рожи впереди
Носилокъ!

Одинъ.

Это, значитъ, затѣваетъ
Театры! Вонъ и слонъ!

Другой.

Гдѣ?

Одинъ.

Выступаетъ
Носищемъ-то! Эхъ, еслибъ увидать
Намъ Поликлета! Ближе-бы стоять!
Нерона, говорятъ, напоминаетъ;
Толкуютъ о разорванныхъ ноздряхъ,
Когда рабомъ былъ.

Другой.

Мелятъ языками!
Ну, слыхано-ль, чтобъ съ рваными ноздрями
Намѣстника послать?

Третій.

Другимъ на страхъ!
Чтобъ убѣдились всѣ наглядно сами,
Что если, молъ, такимъ мы ноздри рвемъ—
Такъ намъ другія ноздри ни по чемъ!

Четвертый.

Я иначе слыхалъ: Неронъ Сенатомъ
Объявленъ богомъ! Богъ всегда со штатомъ!
А Поликлетъ изъ близкихъ,—значитъ, въ немъ
Есть божество!

Третій.

А вонъ, подъ опахаломъ,
На толстомъ на конѣ своемъ на чаломъ,
Кто ѣдетъ?

Четвертый.

Луція ты не знавалъ?
При Деціанѣ былъ и съ нимъ бѣжалъ!
Вернулся—чистъ...

Третій.

Теперь у Поликлета
Наперсникомъ для службы и совѣта,
Чтобъ снова красть; знать, слишкомъ мало кралъ!

(Процессія, мало-по-малу, стягивается къ мавзолею. Евтропій и одинъ изъ римскихъ военачальниковъ отходятъ въ сторону, давая ей мѣсто.)

Евтропій.

Скорѣй-бы прочь! Не выношу я вида
Тріумфа!.. Онъ, отпущенникъ, прохвостъ!
Его сюда, на самый жгучій постъ!

Военачальникъ.

Да, нечего сказать! Всѣмъ намъ обида!
Съ собой ораву дряни притащилъ!
Три мѣсяца въ пути кормилъ, поилъ!
Гдѣ шли по Галліи—тамъ полосою
Легли ихъ слѣдомъ злоба съ нищетою...
Намѣстникъ Кесаря! Чѣмъ не квиритъ?
Весь разрумяненъ, пудрою покрытъ...
Женоподобенъ! Такъ и мѣтитъ въ жены!
Вотъ пишутся съ кого сатириконы...

И Луцій Деціановскій при немъ?
Сыскалъ его, должно-быть, днемъ съ огнемъ...

Евтропій.

Ну, эти сами путь себѣ находятъ...
Ростутъ вездѣ, хоть ихъ и не разводятъ!

Военачальникъ.

Уйду, уйду! Желчь къ горлу прилила!
Тамъ, въ Галліи, бунтуютъ легіоны...

Евтропій.

Печальный Римъ! Позорныя дѣла!

Военачальникъ.

Все оттого, что царствуютъ Нероны!
Когда-бъ насъ преисподняя взяла!..

(Носилки Поликлета останавливаются. Войска, по знаку Светонія, отдаютъ ему царскую почесть).

Светоній (подойдя къ носилкамъ.)

Привѣтъ тебѣ отъ насъ. посланникъ Рима!

Поликлетъ (сбросивъ леопардовую шкуру, покрывавшую его ноги и расправивъ одежду, осторожно слѣзаетъ съ носилокъ. Негромко Светонію.)

Пожалуйста, съ риторикою мимо...

(Къ Луцію.)

Послушай, Луцій,—дай-ка мнѣ духовъ...
Ты, знаешь, этихъ... какъ ихъ... забываю!
Мнѣ запахи толпы не въ мочь! Страдаю...

(Светонію, громко.)

Ну, дальше! Слушать я тебя готовъ,
Но ближе къ дѣлу и поменьше словъ!

Светоній.

Привѣтствіе тебѣ отъ насъ готово...

Поликлетъ.

Начнешь, конечно, какъ всегда—ab ovo?

Светоній.

Сіянье кесаря блеститъ въ тебѣ!
Край благодаренъ счастливой судьбѣ...
И радъ онъ передъ Римомъ оправдаться!

Поликлетъ (не прерывая Светонія, продолжающаго говорить, обращается къ Луцію, негромко.)

Ты знаешь, Луцій, мнѣ на мысль пришло
Литературы двинуть ремесло
Тутъ, такъ, какъ въ Галліи! Хочу приняться.

Луцій.

Благоволишь—и станемъ развиваться!

Поликлетъ.

Мы въ Римъ отпишемъ Кесарю прочесть:
Здѣсь, безъ искусствъ, какъ дури въ умъ не лѣзть?
(Гладитъ свою пантеру и слушаетъ Светонія.)

Светоній (продолжая.)

Сказать хочу: край умиротворенный
Съ тобой опять, какъ прежде, зацвѣтетъ!
Пускай, какъ прежде, трудится народъ,
Великодушно Кесаремъ прощенный...
Жалѣемъ: отъ возмездія ушла,
Спаслась, принявши ядъ, Боадицея!

Поликлетъ.

Вотъ это любопытная рацея!
Скажи, какъ было и какой былъ ядъ?
Какъ онъ подѣйствовалъ?

Светоній.

Съ рѣшеньемъ боя
Впередъ повелъ я конный мой отрядъ.
Въ постромкахъ сбившись, дико землю роя,
Себя кусая, дышло обломавъ,
Разсвирѣпѣли кони колесницы
Ея! Сама царица, ядъ принявъ,
Упала нà-земь, къ колесу,—за спицы
Хваталась, силясь корчи превозмочь,
Хрипѣла... думала сказать мнѣ что-то...

Нагнулся я, но быстрой смерти ночь
Ее объяла разомъ!

Поликлетъ.

А икота
Была-ли? Съ желтой пѣною у рта?
Да, знаю... Какова Боадицея!..

Светоній.

И вотъ, мы здѣсь, къ открытью мавзолея!
Рука преступная, убивъ посла
И спутниковъ его, осталась скрыта!
Обида та рѣками крови смыта.
Хотимъ надѣяться, что Онигеръ
И Валій, оба князя утвержденныхъ,
Не отклонятся отъ принятья мѣръ
Найти виновныхъ, чтобъ казнить въ примѣръ!
(Валій и Онигеръ безмолвно кланяются.)
Въ обычаяхъ, вѣками освященныхъ,
Въ духовномъ пѣньѣ, въ жертвенномъ дыму,
Да посвятится мавзолей тому,
Кто въ этотъ вѣкъ, подточенный глубоко
Зломъ всѣхъ родовъ и всякаго порока,
Съумѣлъ въ себѣ былое воскресить:
Былъ гражданиномъ, какъ онъ долженъ быть!
Безъ робости, безъ смутнаго сомнѣнья,
Арунцій принялъ наше назначенье!
И такъ и вижу я, какъ былъ онъ смѣлъ,

Какъ ни мгновенья онъ не усомнился
Въ сознаньѣ долга своего! Свершился
Указъ боговъ... Я помню этихъ тѣлъ
Кровавый видъ, погаснувшіе лики!
Въ молчаньи смерти, истинно велики,
Послы лежали именно вотъ тутъ,
Когда я прибылъ въ самый день сраженья.
Да возникаетъ память ихъ изъ тлѣнья...

Поликлетъ (зѣвая).

Да, да! Пускай жрецы скорѣй начнутъ,
Что быть должно въ обрядѣ освященья!
(Жрецы приступаютъ къ жертвоприношеніямъ и запаливаютъ огни.)

Поликлетъ.

Ты говоришь недурно! Не лишенъ
Таланта! Слышалъ-ли тебя Неронъ,
Нашъ августѣйшій кесарь?

Светоній.

Не случалось!

Поликлетъ.

Такихъ талантовъ въ мірѣ не рождалось,
Чтобъ не былъ раньше, лучше, у него!
Совсѣмъ безсмертный! Словомъ—божество!..
Однако, много-ль сдѣлать намъ осталось?

Ты что-то мнѣ, какъ-будто, говорилъ,
Чтобъ я кого-то отъ себя просилъ?..

Светоній.

Евтропія!

Поликлетъ.

Да, да! Припоминаю!
Гдѣ онъ? Зови!

(Светоній отходитъ, чтобы позвать Евтропія.
Поликлетъ къ Луцію.)

Послушай: я зѣваю,
Мнѣ кажется?

Луціи.

Въ возможности зѣвать
Ты миръ страны даешь толпѣ сознать!
Когда толпы повсюду бунтовали,
Ты мнѣ повѣришь-ли: мы не зѣвали...

(Къ улыбнувшемуся на эти слова Поликлету
подходятъ Светоній и Евтропій.)

Светоній.

Чтобъ удержать Евтропія, ты будешь
Счастливѣе меня?

Поликлетъ.

Мы пожелали,
Чтобъ ты остался съ нами!

Светоній.

Хочетъ прочь...
Какъ убѣдить его и чѣмъ помочь?

Поликлетъ.

Зачѣмъ уходишь ты—не понимаю!?

Евтропій.

Старъ становлюсь, къ другимъ не подхожу,
Да и довольно много лѣтъ служу,
Чтобъ отдохнуть мнѣ! Съ грустью оставляю
Своихъ соратниковъ!

Поликлетъ.

Ты не гонимъ!

Евтропій.

Хочу взглянуть на родину, на Римъ!
Сиротствуютъ могилы мнѣ родныя.
Давно я пищи имъ не приносилъ!
Давно тѣней любезныхъ не кормилъ!
А всѣ мы будемъ нѣкогда тѣнями...

Светоній.

Ты отличонъ отмѣнно между нами!
Самъ Кесарь знаетъ...

Евтропій.

Вечеръ дней моихъ
Пускай погаснетъ безмятежно-тихъ!

Поликлетъ (неожиданно вскакивая съ мѣста и указывая пантерѣ на Евтропія).

Христіанинъ!

(Смѣется и сдерживаетъ пантеру, готовую броситься на Евтропія, стоящаго неподвижно.)

Не смѣй! Что? Не пустили?
Осклабилась!.. Однако, приступили
Жрецы къ служенью, и огонь зажженъ...

(Къ Луцію.)

Охъ! Сколько разъ они меня святили—
А все святятъ...

Светоній.

Да здравствуетъ Неронъ!

(Слѣдуютъ неумолкаемые клики. Исполняются религіозные обряды, приличествующіе освященію. Мавзолей, съ именами Аrунція и его спутниковъ, осыпается цвѣтами.)

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ

(Н. Н. КАРАЗИНУ.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

РЕЗИДЕНТЪ, намѣстникъ.
ДЖЕНЕВРА, его любовница.
АЛОНЗО. } приближенные резидента.
РОДЖІЕРО. }
ЛИДА.
ТЕЛЛА.
СМОТРИТЕЛЬ КАРАНТИНА.
ЕГО ПОМОЩНИКЪ.
ПАСТУХЪ.
ДѢВОЧКА.

Стражники, всадники, факелоносцы, прислуга, народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ XVI вѣкѣ, въ Южной Италіи на берегу Средиземнаго моря, подлѣ карантина.

I.

Небольшое помѣщеніе въ домѣ смотрителя карантина, съ видомъ на море. Смотритель карантина и его помощникъ.

Смотритель.

Хоть оба мы съ тобою старики,
И въ службѣ нашей, мелочной и скучной,
И въ жизни также многое видали,
А все-таки... Ты Резидента знаешь?

Помощникъ.

Нѣтъ, даже не видалъ.

Смотритель.

Ровесникъ мой...

Помощникъ.

Богатъ, какъ Крезъ, онъ, говорятъ, и знатенъ,
И любитъ жить, и до сихъ поръ красивъ!

Смотритель.

Красивъ... богатъ.. и любитъ жить! Да, правда!
Все, чѣмъ никакъ не отличаюсь я.

Но, всякому свое! а дѣло вотъ въ чемъ:
Его встрѣчать я не хочу... Нельзя!

Помощникъ.

Какъ? Резидента?!

Смотритель.

Да.

Помощникъ.

Край объѣзжаетъ,
И посланъ королемъ? Вотъ десять лѣтъ,
Что власти къ намъ сюда не наѣзжали,
И, вдругъ, не встрѣтить Резидента! Полно!
Ты не въ своемъ умѣ.

Смотритель.

Нѣтъ, нѣтъ! Нельзя!

Помощникъ.

Да почему-же такъ?

Смотритель.

Не любопытствуй.

Помощникъ.

Однако-же?

Смотритель.

На старости-то лѣтъ
Ты любопытствуешь! И что-же проку?
Ну, хорошо, узнаешь, а потомъ?
Не юноша ты, чтобы взять примѣромъ;
А пересказомъ тѣшить любопытныхъ
Пустое дѣло, ни къ чему не служитъ!
Я Резидента видѣть не могу...

Помощникъ.

Однако, сторожамъ того не скажешь,
Что мнѣ сказалъ? Знать, это ужъ секретъ?

Смотритель.

Секретъ? Совсѣмъ не то!.. Былое горе!

Помощникъ.

Какъ?! У смотрителя? А я-то думалъ,
Что кромѣ счета кухонной посуды,
Исправности замковъ и палисадинъ,
И балахоновъ съ прорѣзями глазъ,
Да десяти пищалей, что хранятся
Чтобъ пристрѣлить кого на случай бѣгства, —
У насъ съ тобой другой заботы нѣтъ?

Смотритель.

Не въ нашей власти всѣ круговороты
Страстей въ сердцахъ людскихъ! Сосудъ ничтожный,

Червь незамѣтный—человѣкъ способенъ
Совсѣмъ не всѣ задачи исполнять...
Корпитъ пока возможно! Нѣтъ—погибнетъ...

Помощникъ.

Вотъ такъ смотритель! Отъ тебя не ждалъ
Такихъ рѣчей!

Смотритель.

Давно ужъ это было...
Студентами въ Болоньѣ были мы...

Помощникъ.

Ты былъ студентомъ?

Смотритель.

Резидентъ и я.
Я—бѣденъ, онъ—богатъ. И я всѣмъ сердцемъ
Его любилъ! Затѣмъ, женился я...
И, вслѣдъ за этимъ, не прошло и года,
Онъ обманулъ меня съ женой. Проклятьемъ
Отвѣтилъ я! Жена ушла! Малютка
Осталась дочь отъ нихъ... Иное время,
Иное мѣсто насъ свело вторично!
Пятнадцать лѣтъ спустя, я порывался
Убить его...

Помощникъ.

Все за нее?!

Смотритель.

За дочь!
Богатый, сытыи, счастливый повсюду,
Онъ услыхалъ о ней! Услышавъ—видѣлъ...
Онъ зналъ, что между нимъ и между ею
Я—сторожемъ... Онъ жениха послалъ!
Клевретъ безстыдный принялъ порученье;
Красавецъ писаный ее опуталъ,
Сманилъ ее; въ день самой свадьбы отдалъ...
Любовницею отдалъ Резиденту...
Его Алонзо звали... Имя злое...
Онъ какъ теперь передо мной...

Помощникъ.

Ну, дальше!?

Смотритель.

Спустилась ночь осенняя! Кровавой
Могла-бы быть, когда-бы не судьба!
Я къ Резиденту въ пышный садъ прокрался.
Сидѣлъ онъ съ дочерью моей, смѣялся!
Алонзо имъ прислуживалъ обоимъ!
Подкрался я... гляжу... Ступени вижу
Передъ собой... Согнувшись, дальше крадусь
И ножъ держу у груди... Ближе... ближе...
Уже могу рукой одеждъ коснуться...
Дочь—вижу, ясно мнѣ ея лицо!
Когда-бы только дочь не улыбалась!

Когда-бы только не игра каменьевъ
На ней... Не знаю, что со мной случилось...
Приникъ... застылъ... смотрю! Глаза-ли блескомъ
Своимъ кошачьимъ выдали меня...
Дочь, поблѣднѣвъ, откинулась назадъ,
А Резидентъ вскочилъ, ко мнѣ метнулся...
Алонзо подбѣжалъ. Затѣмъ не помню...
Я связанъ былъ... и скоро былъ отпущенъ!

Помощникъ.

И не встрѣчались вы потомъ ни разу?

Смотритель.

Ни разу... Долго я затѣмъ скитался...
Обиды злыя какъ-то притупились
Со временемъ. Кто могъ убійцей стать
И сдѣлалъ все, чтобъ быть убійцей, только
Случайно, какъ-нибудь, былъ остановленъ,—
Тотъ вразумленъ! Меня урокъ великій
Преобразилъ. Въ Святую Землю къ Гробу
Господню я ходилъ; у зачумленныхъ
Служилъ; и принялъ я тогда рѣшенье
Святое дѣло продолжать. Случайно
Жену я повстрѣчалъ... совсѣмъ больную...
Я взялъ ее къ себѣ! Чужое имя
Ношу... Я этимъ дальше отъ позора...
Жена, ты знаешь, умерла. Лежитъ
Здѣсь, подлѣ насъ, недалеко въ могилѣ...
Ее Лютеціей Манчини звали!

Конечно, Резидентъ меня забылъ!
Увидѣвъ—онъ узнаетъ. Не желаю...

Помощникъ.

Но какъ-же быть?

Смотритель.

Да это очень просто.
Онъ, говорятъ, поблизости теперь;
У насъ, ты знаешь, судно въ карантинѣ;
За частоколъ я перейду. Ты скажешь:
Смотритель тамъ, чтобъ дѣло наблюсти.
Пожалуй, не замѣтитъ онъ и вовсе!
Но, если-бы... отвѣть, какъ я сказалъ...
Согласенъ-ли съ моимъ предположеньемъ?

Помощникъ.

Конечно, да!

Смотритель.

Онъ быстро промелькнетъ.

II.

Красивая, гористая, но совершенно голая, мѣстность на берегу моря. При дорогѣ, на скалѣ, развалина. Подлѣ сидитъ старый пастухъ. Головой на колѣняхъ его лежитъ засыпающая дѣвочка. Кругомъ—разлегшееся на ночь стадо. Поздній вечеръ. Порою прорѣзывается луна.

Пастухъ (напѣваетъ пѣсню).

Охъ, ты, дудочка,
Самогудочка,

Ты, веселая, играй,
Горю мѣста не давай!
Кто ихъ знаетъ почему,
Всѣмъ въ обиду, къ одному
Жизнь ласкается,
Улыбается!
Тебя дѣвочку,
Сладкопѣвочку,
Въ полѣ поднятую мной,
Бросилъ Богъ вѣсть кто такой!
Встрѣчу ноченькѣ
Сомкни оченьки,
Помолись, какъ всѣ другіе...
Спи, дитя!

Дѣвочка (засыпая).

Ave Maria!

Пастухъ.

Заснула! Спитъ! Какой хорошій сонъ!..
Кажись, не сыро тутъ, а все прикрою—
Туманъ болѣзнью дышетъ!

(Осторожно встаетъ, покрываетъ дѣвочку овчиною и замѣчаетъ за скалою яркій красноватый свѣтъ.)

Что за свѣтъ?!
Ужъ не пожаръ-ли? Точно столбъ румяный
Поднялся въ ночь? Жилья тамъ вовсе нѣтъ!
Жилье тамъ было: людная деревня;
Сожгли до-тла въ послѣднюю войну...
Огни Сентъ-Эльма, можетъ-быть? Видѣнье!?

(Взбирается на вершину).

Нѣтъ, всадники! И сколько ихъ! Безъ счету!

Везутъ кого-то... Факелы пылаютъ,
И стукъ, и смѣхъ... Убрать-бы мнѣ дѣвчонку,
Невѣсть—какіе люди...

(Возвращается къ дѣвочкѣ, но не успѣваетъ дойти до нея, какъ подскакиваютъ два всадника.)

1-й всадникъ.

Эй, мохнатый!

2-й всадникъ.

Далёко-ли до карантина, сѣрый!

Пастухъ.

Близехонько, честные господа!
Близехонько!

1-й всадникъ.

Такъ, чортово отродье!
Вишь, шубища! хлыстомъ и не проймешь!

(Ударивъ пастуха хлыстомъ, продолжаетъ путь дальше.)

Пастухъ (кланяясь имъ вслѣдъ).

По гайдукамъ спасибо господину!
Охъ, чтобы вамъ на противнѣ шипѣть
У сатаны! Потянутъ васъ къ отвѣту!
Однако, дѣвочку скорѣй прибрать!
Все стадо взбаломутятъ: разбѣжится!
Поутру собирай—не соберешь.

А имъ и не въ-догадъ: улепетнутъ
На новыя безчинства—чѣмъ не воля!

(Съ вершины горы спускаются два конныхъ факелоносца; за ними—другіе. Въ каретѣ, украшенной живописью и позолотой, Резидентъ съ Дженеврой; подлѣ, на конѣ, Алонзо и Роджіеро. Карета, съѣхавъ съ вершины, останавливается. За нею—еще кареты и всадники.)

Резидентъ (выходя изъ кареты вслѣдъ за Дженеврой).

Ну вотъ, и хорошо! Здѣсь обождемъ!
Видъ на море, утесы! Мысль прелестна:
Расположиться ужинать въ горахъ!
Ба, и развалина!

Дженевра.

И стадо подлѣ!

Многіе.

Луны, луны давайте! Вотъ—луна...

(Луна вырѣзывается въ полной силѣ. Прислужники разбиваютъ шатеръ; лошадей привязываютъ по сторонамъ; разводятъ огни. Пастухъ отгоняетъ стадо въ сторону.)

Дженевра (подойдя къ дѣвочкѣ).

Ахъ, дѣвочка! И какъ глубоко спитъ!

Резидентъ.

Красавица моя, моя Дженевра,
Все дышетъ сказкой здѣсь, вокругъ тебя!
Пусть сказка съ дѣвочкой случится; хочешь?

Озолотимъ ее! Счастливой будетъ...
Твоя она, пастухъ?

Пастухъ.

Пріемышъ! Птичка
Полей! Господня дочь!

Резидентъ

Игра какая
Въ словахъ: Господня дочь? Мы тоже боги,
Творимъ людей... А въ этомъ пѣснь любви!
Алонзо!

Алонзо.

Резидентъ!

Резидентъ.

За мандолину!
Импровизируй! Тема: «Дочь любви»!

Алонзо (играя на мандолинѣ и наклоняясь надъ дѣвочкой, поетъ).

Тебѣ пою
И даръ даю,
Рожденный полночной картиной:
Вотъ—лучъ луны,
Вотъ—плачъ струны,
И я надъ тобой съ мандолиной!

—

Пускай дитя,
Въ тебя сойдя,

Мой обликъ ласкающій ляжетъ!
Съ тѣмъ, чтобъ дразнить
Ласкать, манить
Куда-то... А правды не скажетъ!

—

Пусть обликъ мой
Истомой живой
Тебя навсегда безпокоитъ!
И тайная власть,
На нѣгу, на страсть,
Къ служенью восторгамъ настроитъ!

—

Чтобъ расцвѣтя,
Красой блестя,
Любила-бы ты перемѣны,
И такъ, какъ волна,
Была-бы вѣрна
Одной только правдѣ—измѣны!

Резидентъ.

Брависсимо! Дженевра, ты въ восторгѣ!
А дѣвочка? Забыли про нее?

(Бросаетъ на овчину кошелекъ.)

Тутъ много больше, чѣмъ ей нужно будетъ!
Воочію пусть совершится сказка...
А ты, Алонзо, мастеръ сердце трогать;
Ты, что ни говори, вполнѣ поэтъ!
Я помню, Аретинъ въ тебѣ провидѣлъ
Большую силу, не ошибся онъ...
Всѣмъ возрастамъ дана своя отрада!
А что-же ужинъ, Роджіеро?!.

Роджіеро.

Близокъ!

Резидентъ.

Костры пылаютъ; тр̀апеза готова-ль?

Роджіеро.

Мы разбудили рыбаковъ. Они—
Уже за дѣломъ; сѣти подтащили...

Резидентъ.

А дамы гдѣ?

Роджіеро.

Въ шатрѣ собр̀ались, ждутъ!

Резидентъ (отозвавъ Роджіеро въ сторону).

Сегодня, или завтра, какъ случится,
Съ Алонзо кончишь здѣсь-же, подъ шумокъ!
Но только такъ, чтобъ всѣ концы запрятать...
(Направляются къ шатру.)

III.

Роскошно увѣшанный и обложенный коврами шатеръ. Богато обставленный ужинъ. Резидентъ, Дженевра, Алонзо, Роджіеро, Лида, Телла и другіе спутники.

Резидентъ (прочтя только-что полученное письмо).

Я бѣдному Орсини говорилъ:
Святѣйшій Борджія заткнетъ за поясъ

Насъ всѣхъ! И что-же? Бѣдный поплатился!
Отравленъ! Ты, Алонзо, зналъ его?
Ты, Роджіеро, тоже? Любопытно:
Кого-то папой выберетъ конклавъ,
Чуть Александръ глаза свои закроетъ?
Кинжаломъ и отравою прочищенъ,
Конклавъ—за Цезаря, онъ папой будетъ...
Но, слышно, болѣнъ при смерти и Цезарь!..

(Задумывается.)

Играетъ въ прятки странная судьба...
Но, если-бы природа не мѣшалась
Въ дѣла людскія, и для всѣхъ нежданно,
Вдругъ не вѣщала своего «довольно»,—
Перестановокъ вдругъ не совершала,—
Въ людскихъ разсчетахъ не вела своихъ:
Своей фантазіей фантазій нашихъ
Не покрывала—что бы съ нами было?!

(Сжигаетъ письмо.)

А есть восторгъ и въ самомъ преступленьи...
И мнѣ понятенъ Борджія вполнѣ...
Назойливость упрековъ, какъ помѣху,
Разъ навсегда спокойно отстранить...
Сознавъ себя—счесть міръ за обстановку...
Быть центромъ жизни... Взять у ней свой день!..

(Оглядывая собесѣдниковъ.)

На чемъ остановились мы? Да, помню!
Тебя, Алонзо, мы вѣнчать хотѣли!
Дантъ, правда, вѣнчанъ не былъ! Онъ хотѣлъ
Самъ увѣнчать себя! Но мы—не Данты...

Зато тебѣ на долю выпадаетъ
При жизни быть увѣнчаннымъ отъ насъ!

Телла (входитъ съ вѣнкомъ въ рукѣ).

Вотъ и вѣнокъ! Сплела я, какъ умѣла;
Но лавровъ—подлѣ нѣтъ, одни плющи.

Алонзо.

Плющъ мнѣ къ лицу! Вѣнчайте поскорѣе.

Дженевра.

Плющомъ?

Алонзо.

Плющомъ! Обрызганный росой,
Изъ милыхъ рукъ онъ будетъ лучше лавра!
Созрѣла пѣсня, искрится вино...

Роджіеро.

А ну-ка—пѣсню!

Алонзо (поетъ, играя на мандолинѣ).

Блеститъ вино! Трепещутъ грезы!
Ахъ, что за грезы у вина!
Имъ власть дана свѣвать угрозы
И грезъ тѣхъ много—не одна!

—

Да, есть въ винѣ душа живая,
Она отъ солнца низошла,

И, отстоявшись, вновь играя,
Горитъ и блещетъ со стола!

—

Мы душу пьемъ! Мы возвращаемъ
Свободу солнечнымъ лучамъ
И солнце чувства зажигаемъ—
Любовно грѣть насъ по ночамъ!

—

Да, жизнь сладка и преступленьемъ!
Сладка намъ мукъ людскихъ слеза!
Но слаще, чуя смерть, съ презрѣньемъ
Ей кинуть вызовъ свой въ глаза!

Резидентъ.

Истинно—прелестно!
Поэтъ, поэтъ! Вѣнчать его скорѣй!

Роджіеро.

Вѣнчать, вѣнчать! Кому-же честь вѣнчанья?

Лида.

Я, я хочу вѣнчать!

Челла.

Зачѣмъ не мнѣ?

Резидентъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Дженевра! Пусть она вѣнчаетъ!
Ей будетъ пó-сердцу, какъ и ему!
Что-жъ?

Дженевра (встаетъ отъ стола и идетъ къ Алонзо).

Хорошо!

Алонзо.

Дженевра!

Дженевра (возлагая на Алонзо вѣнокъ).

Мой поэтъ,
На жизнь и смерть, Алонзо, я вѣнчаю!

(Слѣдуетъ общее молчаніе; слышна пѣсенка пастуха и звонъ бубенчиковъ стада.)

Пастухъ.

Ты засни, дитя, засни!
Угомонъ тебя возьми,
Чтобы пира шумъ и гамъ
Не мѣшалъ счастливымъ снамъ!

Роджіеро.

Что, если-бъ кликнуть пастуха въ шатеръ?
Для полноты живого впечатлѣнья
Его послушать?!

Резидентъ.

Кликнуть пѣсню спѣть,
А нѣтъ—такъ разсказать какую сказку?

(Роджіеро уходитъ.)

Лида.

Рожденную въ горахъ, у стада, въ полѣ!
Позвать, позвать!

Многіе.

Счастливѣйшая мысль!

Роджіеро (приведя пастуха).

Ты пѣсню пѣлъ, такъ спой намъ что-нибудь,
А нѣтъ — скажи...

Резидентъ.

Да, что-нибудь такое,
Чтобъ были тутъ луна и чародѣй...
Такое что-нибудь, что появилось
Въ росѣ полночной, въ трепетѣ цвѣтка,
Въ лучѣ звѣзды, скатившемся на струйку,
Въ отвагѣ сердца, въ старческомъ раздумьи...
Такое что-нибудь — не ложь, не правду,
А музыку... нелѣпѣйшее нѣчто,
Но—чтобы трогало...

Пастухъ.

Нѣтъ, господинъ!

Многіе.

Пой что-нибудь...

Пастухъ.

Мои унылы пѣсни!

Роджіеро.

Намъ это-то и нужно, потому—
Что веселы мы всѣ!..

Пастухъ.

Что-жъ, я могу!
Здѣсь, по ночамъ, развалина порой
Поетъ! Въ ней духъ какой-то гордый плачетъ...

Резидентъ.

Вотъ тутъ? Въ развалинѣ?
(Откидываетъ пологъ шатра и смотритъ на развалину, ярко освѣщенную луною.)

Роджіеро.

Какъ любопытно!
Чей духъ?

Пастухъ.

Не знаю, право, господинъ;
Онъ гордый духъ, себя не называетъ...

Резидентъ.

А ну, старикъ! Послушаемъ — узнаемъ,
Кто этотъ гордый духъ!

Пастухъ (говоритъ нараспѣвъ).

Духъ развалины забытой,
Присосѣдился я здѣсь,
На горѣ, въ степи открытой,
Хороню свою я спѣсь.
Я постигъ людей величье!
Знаю — славятъ почему!
Я почелъ за неприличье

Славу и забрался въ тьму!
И теперь всегда скрываюсь,
Чтобъ не вздумали искать!
Какъ кукушка, забираюсь
Къ птицамъ въ гнѣзда куковать...
(Раздается подземный ударъ; бокалы на столѣ шевелятся и звенятъ.)

Резидентъ.

Землетрясенье!

Алонзо.

Земля играетъ! То-же мандолина!

Резидентъ.

Одна струна — да очень ужъ густа!
Однако, дальше...

Пастухъ (поетъ).

Ты, развалина прожженая,
Что сама не знаешь чья,
Этимъ самымъ мнѣ суженая,
Этимъ истинно моя!
Духъ забытый и оставленный,
Людямъ я чужой вполнѣ;
Я въ твой остовъ продырявленный
Поселился онъ — по мнѣ!
Пыль промчится, въ вѣтрѣ вьется...
Монументъ какой-нибудь
Пылью сталъ и вдаль несется!
Бѣдный странникъ! Добрый путь!
Вспомни насъ, когда устанешь
И придется гдѣ насѣсть.

Пылью былъ ты, пылью станешь,
Оттого, что пыль ты есть...

(Новый подземный ударъ, гораздо ближе перваго; бокалы опрокидываются; нѣкоторые изъ собесѣдниковъ подымаются съ мѣстъ.)

Резидентъ (сидя).

Къ новому куплету!
Что поблѣднѣли? Стыдно, господа!
А гордость гдѣ? Гдѣ смѣлость человѣка?
Гдѣ власть ума, объемлющая міръ?
Подать вина сюда! Еще бокаловъ!

Алонзо.

Пируетъ—пыль! За тосты, за вино!..

(Пиръ продолжается. Пастухъ, получивъ монеты, уходитъ. Луна въ полномъ блескѣ. Слышны и чувствуются удаляющіеся удары землетрясенья.)

IV.

Окрестности карантина. Помощникъ смотрителя и одинъ изъ стражниковъ. Яркій солнечный день.

Помощникъ.

Какъ смутны мысли у меня... Какъ грозно
Пугнувшее вчера землетрясенье...
И появленіе чумы изъ Яффы...
И Резидентъ поблизости... и дочь
Смотрителя! Не знаю только, такъ-ли

Я написалъ ему письмо о ней,
Понятно-ли?

(Читаетъ письмо.)

«Вчера, гуляя въ полдень,
Она портретъ твой какъ-то увидала
Въ окошко. Вынести его велѣла
И смотритъ на него, и тихо плачетъ...
Я дочь твою призналъ въ ней тотъ-же часъ.
Алонзо—тоже въ свитѣ Резидента...»

(Дочитавъ письмо, сворачиваетъ его.)

Ему объ этомъ нужно написать.

(Отдаетъ письмо стражнику.)

Ты это, вотъ, письмо скорѣй снеси;
Отдай наружной стражѣ, пусть доставятъ
Смотрителю!

(Стражникъ уходитъ.)

Игривая судьба!
Зачѣмъ свела такъ близко ихъ обоихъ
И занесла чуму помѣхой встрѣчѣ?
Оно и хорошо, быть-можетъ? Лучше!

(Увидѣвъ подходящую Дженевру.)

А, вотъ и дочь его. Ко мнѣ подходитъ!
Подругъ назадъ отправила... идетъ!

Дженевра (подойдя).

Скажи: давно-ль чума здѣсь показалась?

Помощникъ.

Вчера! Вонъ черный флагъ!

Дженевра.

Кто за оградой,
Тотъ сообщаться съ вами ужъ не можетъ?

Помощникъ.

Подъ страхомъ смерти, кто-бы ни былъ онъ,—
Законъ суровъ!

Дженевра.

Но, развѣ, самъ смотритель
Его не можетъ обойти?

Помощникъ.

Не можетъ!

Дженевра.

И онъ туда на смерть прямую шелъ?

Помощникъ.

Примѣры были, умирали люди!
Мы въ карантинъ входили—только трупы
Встрѣчали! Иногда, и то бывало,
Спасались тотъ, да этотъ...

Дженевра.

Но, скажи:
Нельзя-ли такъ, чтобъ властью Резидента?

Помощникъ.

Самъ Резидентъ погибнетъ, чуть пройдетъ,
И вздумаетъ вернуться...

Дженевра (послѣ раздумья)

Ну, такъ слушай:
Когда уѣдемъ мы, никакъ не раньше,
Вотъ это ты кольцо мое пошлешь
Смотрителю! Ему сказать ты долженъ,
Что много слезъ на томъ кольцѣ блистало,
Что преступленіе искуплено давно,
И что, скорѣй чѣмъ кажется, мы можемъ
Съ нимъ встрѣтиться опять... Гдѣ Резидентъ?
(Отдаетъ кольцо.)

Помощникъ.

Копать курганъ съ восходомъ солнца вышелъ!
Ближайшій онъ ко взморью разрываетъ!
Уже нашли какія-то монеты,
Двухъ истукановъ и одну амфору...

Дженевра.

Гдѣ къ нимъ пройти поближе?

Помощникъ.

Вотъ тропинка,
Она къ холму ущельемъ приведетъ.

(Помощникъ уходитъ. Телла и Лида подходятъ къ Дженеврѣ, направляются въ противоположную сторону и встрѣчаютъ Роджіеро.)

Роджіеро (низко кланяясь Дженеврѣ).

Куда красавица? Блѣднѣетъ полдень
Передъ твоей счастливой красотой!..
И эта свита! Точно три богини!

Дженевра.

Но Роджіеро—вовсе не Парисъ!

Роджіеро.

Конечно, нѣтъ! Вѣнчанному поэту,
Не мнѣ—Алонзо ласки, а не намъ!
Вѣдь вы его всѣ три вѣнчать хотѣли?

Дженевра.

Но увѣнчала я!

Роджіеро (улыбаясь).

На жизнь и смерть
Всѣ это видѣли! Всѣ восхищались
И преклонились (кланяется).

Дженевра (уходя съ Лидой и Теллой).

Такъ тебѣ... къ лицу!

Роджіеро (говоритъ имъ вслѣдъ).

Съ зарей вечерней—пиръ; не опоздайте!
Алонзо, думаю, давно въ горахъ;
Онъ бродитъ гдѣ-нибудь, слагая пѣсни,
И къ ночи цѣлый ворохъ принесетъ!
Смотрите-же: хвалить не позабудьте!

V.

Поздній ясный вечеръ. Другое мѣсто наружной ограды карантина. Часовой съ пищалью. Роджіеро и Алонзо.

Роджіеро.

Идемъ, Алонзо! Празднество́ готово!
Развалину огнями разсвѣтить
Приказано! То, что въ холмѣ отрыли,
Приказано на столъ поставить! Землю
И ржавчину не обтирать ничуть!..
Пусть сырость древности на празднество пахнётъ
И упадетъ на нашу скатерть пылью,
Въ букетъ вина пробьется запахъ тлѣнья...

Алонзо.

Мысль Резидента?

Роджіеро.

Да, идемъ скорѣй!
Безъ насъ не справятся!

Алонзо.

Какое небо!
Зачѣмъ, подумаешь, въ такомъ сіяньи
Гоститъ такая гостья, какъ чума?
И близко такъ!.. Любовный лунный свѣтъ
Ласкается къ предметамъ зачумленнымъ!
Здѣсь пиръ у насъ! А тамъ, за этимъ валомъ...

Роджіеро.

Идемъ, идемъ!

Алонзо.

Сейчасъ иду! Постой!
Мнѣ жаль уйти—разрушу ощущенье!
Все пропадетъ—чуть съ мѣста! И всѣ краски
Души и мысли быстро пропадутъ...
Чума... любовь... луна... и близость смерти...
И синева небесъ!.. И моря синь...
И, даже, этотъ стражникъ полосатый,
Весь залитый сіяніемъ луны—
Все пропадетъ...

Роджіеро.

Poeta laureata!
Влюбленъ?!

Алонзо.

Влюбленъ... Да! Тысячу смертей
Готовъ принять за сладость этой ночи!..

Роджіеро.

А развѣ?.. Я съ тобой нескроменъ буду:
Уже ты осчастливленъ былъ Дженеврой?
Скажи мнѣ?

Алонзо.

Долго-ль Резидентъ, однако,

Намѣренъ оставаться по сосѣдству
Съ чумой?—Легко заразѣ перебраться!

Роджіеро.

Картины, милый мой, ему картины,
Какъ и тебѣ, по сердцу! Да, конечно,
Опасность въ этомъ есть! Мышь полевая,
Перебѣжавъ сюда, насъ всѣхъ спровадить
Способна къ предкамъ!

Алонзо.

Ѣхать-бы скорѣй...

(Со стороны карантина, между мелкихъ кустовъ, замѣчается ползущій человѣкъ. Часовой, увидѣвъ его, готовитъ пищаль.)

Роджіеро.

Смотри, смотри!

Алонзо (часовому).

Стрѣляй въ него скорѣе...
Нѣтъ, погоди!

(Подбѣгаетъ къ часовому и беретъ у него пищаль.)

Подай-ка мнѣ пищаль!
А, язва азіатская! Ползкими
Буравишься, какъ червь, вдоль по землѣ!
Постой...

(Выстрѣлъ. Человѣкъ, ползшій по землѣ остается безъ движенія.)

Вотъ хорошо!

Роджіеро.

Да, выстрѣлъ ловокъ!..
Какъ онъ проворно навзничь повернулся!
Не шелохнѐтся!

(Отъ подстрѣленнаго доносится возгласъ: „Дженевра!“)

Алонзо.

Слышишь?

Роджіеро.

Резидентъ?!!

(Сбѣгаютъ съ вала и осторожно приближаются къ убитому.)

Алонзо (вглядываясь).

Не онъ...

Часовой.

Смотритель это! Нашъ смотритель!

Роджіеро.

Чего-жъ онъ ползъ, однако!?

Алонзо (наклонившись).

Погоди:
Черты лица мнѣ будто-бы знакомы...
Дженевру назвалъ, такъ и ты слыхалъ?

Роджіеро.

Слыхалъ!

Алонзо.

При немъ кинжалъ... Изъ-подъ берета
Торчитъ письмо... (Хочетъ взять его.)

Роджіеро (останавливая).

Да ты съ ума сошелъ!

Алонзо (продолжая глядѣть на мертваго).

Съ ума сошелъ совсѣмъ не я — судьба!
Отецъ Дженевры!

Роджіеро.

Что?!

Алонзо.

И какъ-же мѣтко
Я цѣлилъ въ сердце? Точно по заказу!
Какъ-будто во врага какого цѣлилъ!
Ни на̀ волосъ ошибки! Ни на проблескъ
Минутный жизни не осталось, чтобы
Сказать: куда онъ ползъ, зачѣмъ кинжалъ?

Роджіеро.

Убить, пожалуй, Резидента думалъ?

Алонзо (задумчиво).

А отчего-же не меня? Не дочь?
Онъ замолчалъ, оставивъ довершенье
Другимъ того, чего свершить не могъ.

Хозяйкой тутъ была не мощь людская,
Не близорукій, мелкій нашъ разсчетъ,
А Божій промыселъ!...

Роджіеро.

И онъ покончилъ!
Пойдемъ, однако-же!

Алонзо.

Теперь согласенъ!
Я къ этой жизни больше не причастенъ;
Слѣпое назначенье я исполнилъ...
Въ тотъ самый день убилъ его, когда
Счастливѣйшимъ изъ смертныхъ сдѣланъ ею!
Пойдемъ!

(Неожиданный, сильный порывъ вѣтра предшествуетъ глухому подземному удару.)

Роджіеро.

Насъ унесетъ, зачѣмъ идти!

(Рѣзкія и частыя колебанія почвы.)

Часовой (падая на колѣни).

Мать Богородица!

(Удары слѣдуютъ непрерывно одинъ за другимъ; сѣрный запахъ.)

Роджіеро.

Я такъ и ждалъ!
Бѣжимъ! Не то—задохнемся... Вонъ, щели,

Чернѣя, зазіялп... Кратеръ близко!..
И дрогнула луна, все закачалось...

(Убѣгаетъ; на пути нѣсколько разъ спотыкается, падаетъ п засыпается землею.)

Алонзо (остается стоять на мѣстѣ п глядитъ на тѣло смотрителя).

Какъ онъ спокоенъ по сравненью съ нами!
Все рушится кругомъ, а онъ недвиженъ?
Прахъ человѣка—выше человѣка...
Онъ такъ презрителенъ къ страстямъ природы!
Корабль втянулся въ дремлющій заливъ —
Избѣгнувъ бури! Властвуй, разрушенье!
Дженевра! Гдѣ-жъ ты?

Часовой.

Господп! Спаси!..

(Новые, сильнѣйшіе удары и опусканія почвы; карантинъ рушится; мѣстность покрывается густымъ сѣрнымъ туманомъ. Слышны крики.)

VI.

Внутренность катакомбъ. Длинные ходы пхъ переломаны только что миновавшимъ землетрясеніемъ. Резидентъ спдитъ передъ зажженнымъ фонаремъ подлѣ полуразрушенной могилы.

Резидентъ.

Вотъ сколько времени, какъ я засыпанъ!
Кричалъ, крпчалъ! Отвѣта нѣтъ...

(Кричитъ.)

Го-ла!..

Разносится мой голосъ какъ-то глухо
И будто возвращается въ меня...
И голоденъ-же я!.. Ослабнетъ голосъ,
Когда не ѣшь, пожалуй, что два дня!
И тишина ужасная какая!
Глазъ утомился въ этихъ темныхъ краскахъ
И въ этихъ очертаніяхъ кривыхъ...

(Беретъ лампу и осматриваетъ ее.)

Забавный случай! Будто-бы нарочно
Для лампочки моей сыскалось масло!
И много масла! Мѣсяцъ прогоритъ!..

(Отставивъ лампу, встаетъ.)

Я помню, я вошелъ сюда подъ вечеръ
И заказалъ въ развалинѣ банкетъ...
Луна свѣтила ярко, Роджіеро
Мнѣ обѣщалъ съ Алонзо порѣшить...
Покончилъ-ли? Что сдѣлалось съ банкетомъ?
Я помню громъ и гулъ, и запахъ сѣрный!
Срывались своды, лампа погасала;
Я думалъ, что меня придавитъ сразу...
Ошибся! Вслѣдъ за этимъ тишина
Настала мертвая! Я обошелъ
Рядъ катакомбъ; повсюду—разрушенье...
Наткнулся я на эту, вотъ, могилу...
Плита безъ надписи; лампадка тлѣла
Передъ иконою, а подлѣ стѣнки
Сосудъ нашелъ я съ масломъ. Видно, кто-то
Могилу посѣщалъ и приготовилъ...
Не выпить-ли? Бррръ! Не могу, противно!

Сорвать плиту?.. (Начинаетъ раскачивать ее.)
Качается, отстала!
Отворотить ее и посмотрѣть?!

(Плита подается и падаетъ на землю; виденъ гробъ и на доскѣ надпись.)

А, молчаливый собесѣдникъ, здравствуй!
Дай познакомиться съ тобою! Кто ты?

(Подноситъ лампу и съ ужасомъ отшатывается.)

Лютеція Манчини!.. Мать Дженевры!
Гей!.. Есть-ли люди тамъ?! Живьемъ зарытъ!
Обманываться не зачѣмъ,—навѣки!..
Но эта тишина меня смущаетъ...
Не страшно мнѣ, а только любопытно:
Преступникъ я, а это—жертва!
И много, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ!
И какъ мнѣ удержаться, не увидѣть
Что сдѣлало съ Лютеціею время?

(Просовываетъ кинжалъ подъ крышку гроба и открываетъ ее.)

Задѣланъ гробъ прекрасно! Такъ... еще!..
Хруститъ! Совсѣмъ свободно подается!
Взглянуть хочу я на нее теперь...
Давно-ль, въ сіяньи солнца, холмъ мы рыли?
Продолжимъ поиски...

(Крыша гроба отдѣляется. Виденъ скелетъ въ истлѣвшихъ лохмотьяхъ; на шеѣ золотое ожерелье.)

Печальный обликъ!
Живой когда-то и меня любившій!
И ожерелье это—мой подарокъ,

И годы юности горятъ съ него!
Куда они всѣ дѣлись—эти годы?
(Кладетъ руку на черепъ.)
Ты, черепъ, слышишь-ли? На-ощупь крѣпокъ!
Что-жъ? Развѣ страшно такъ? Глубокимъ миромъ,
Прохладой свѣжей въ руку отдаетъ...
И много юмору есть въ сочетаньи
Ея со мной въ растерзанной землѣ!
Я помню: какъ теперь, держалъ я руку,
Когда она спала передо мной...
И, мой подарокъ, это ожерелье,
Въ живомъ дыханьи двигалось волной...
Была прелестна! Что за превращенье?!
Вотъ если-бы художника сюда!
Обидно: не придетъ сюда художникъ,
И красота мгновенья пропадетъ...
(Задумывается.)
Однако, нѣть-ли хлѣба тутъ? Облатки?
Вѣдь въ гробъ кладутъ... Да, кажется, кладутъ!
(Роется въ гробу.)
Пыль, ветошь! Мнѣ знакомый запахъ тлѣнья!
Ой, Резидентъ! Да будь-же самъ собой!
Не ждать-же мнѣ услугъ голодной смерти!
Не масломъ-же питаться! Не костями!
Ты, пища, мнѣ служила наслажденьемъ!
Ты, го̀лода позывъ, служилъ весельемъ —
И чтобъ ему я далъ себя осилить!
Не быть-же мнѣ засыпаннымъ землею,
Когда я самъ на поискахъ ученыхъ
Лопатою ей раны наносилъ!

Земля молчала... Ей-ли говорить!..
Въ разгромѣ силъ, въ крушеніи безумномъ
Основъ незыблемыхъ—ручьи, я слышу,
Бѣгутъ и шепчутся! Во тьмѣ кромѣшной
Хлопочетъ жизнь... Торопится занять
Мѣста, открытыя для новыхъ жизней...
И пламя, и вода свое свершаютъ,—
Такъ развѣ мысль моя и сила воли
Слабѣй безумья рушащихъ началъ?
Довольно жили мы и насладились...

(Вынимаетъ кинжалъ.)

Кто тамъ! Въ послѣдній разъ! Есть кто—отвѣть!
Земля отвѣтила... пошла ссыпаться...
Сводъ опускается... Гулъ раздается...
Такъ нѣтъ-же, нѣтъ! Не вы, а я кончаю,
Такой исходъ у мысли есть всегда!

(Закалывается.)

VII.

Ясный солнечный день. Карантинъ, почти разрушенный, оцѣпленъ стражниками. Судно, стоявшее въ карантинѣ, выброшено на берегъ. Въ сторонѣ, на берегу, толпится народъ, глядя на отходящую въ море траурную галеру съ тѣломъ Резидента, отысканнымъ въ развалинахъ катакомбъ. На носу галеры изображеніе бѣлаго лебедя. На галерѣ всѣ сопровождавшіе Резидента, кромѣ Роджіеро. Дженевра и Алонзо, отдѣльно отъ прочихъ, сидятъ, обнявшись, на кормѣ. На берегу, на возвышеніи, поодаль, пастухъ съ дѣвочкой, стерегущіе стадо.

Пастухъ (поетъ, подыгрывая на дудочкѣ)

Охъ, ты дудочка,
Самогудочка,

Ты, веселая, играй
Горю мѣста не давай.
Вы, коровушки,
Бычки, телушки,
Вамъ ни думать, ни гадать,
Вамъ-бы травки пощипать!
Жизни льготныя,
Беззаботныя
Гдѣ вамъ разума добыть?
Не ему зато вершить!
Мы-то умные,
Мы разумные,
Неровёнъ бываетъ часъ—
Выйдетъ случай не по насъ!
(Отложивъ дудочку.)
Ты помни, Лея, видишь-ли галеру?

Дѣвочка.

Какая черная!

Пастухъ.

А море сине!
Въ ней человѣка мертваго везутъ,
Большого человѣка! Только тѣло —
Души ужъ нѣтъ! Она теперь предъ Богомъ!
Онъ добръ съ тобою былъ: богата будешь!

Дѣвочка.

Богата!?

Пастухъ.

Онъ тебѣ богатство далъ!

Дѣвочка.

А отъ чего-жъ онъ умеръ?

Пастухъ.

Былъ засыпанъ
Землетрясеньемъ! Помнишь, какъ гудѣла
Земля и горы наши шевелились!

Дѣвочка.

А кто, скажи мнѣ, ѣдетъ съ нимъ? Вотъ эти,
Что тамъ, за гробомъ, высокó сидятъ?

Пастухъ.

Должно-быть, братъ съ сестрой.

Дѣвочка.

Онъ обнимаетъ
Ее! Утѣшить хочетъ? Жаль сестры!..

Пастухъ.

Пожалуй, такъ! А, впрочемъ, я не знаю...
Однако, скоро какъ идетъ галера!
Вотъ лебедь бѣлый повернулъ отъ насъ...
За мертваго помолимся мы вмѣстѣ!

(Становятся на колѣни и шепчутъ молитву.)

Въ католическомъ монастырѣ XV вѣка.

Рефекторія монастыря. Изъ-за рѣшетки видны: внутренность церкви и многія гробницы. Молодой послушникъ и старый монахъ.

Монахъ.

Теперь ты пойманъ, уличенъ! Нельзя скрываться,
Архіепископъ самъ беретъ тебя въ защиту,
И—будешь защищенъ... Сегодня день великій:
Сочельникъ празднуютъ на небѣ и землѣ!
День искупленья!

Послушникъ.

День тяжелый, ненавистный,
Создавшій васъ, монаховъ...

Монахъ.

Охъ ты, птенчикъ юный!
Горячъ, сердитъ! Скажи-ка лучше, какъ, что̀ было?
Какъ могъ ты ночью выйти изъ далекой кельи?

Какъ могъ пробраться въ монастырскій садъ—къ бассейну,
И что у васъ тамъ съ нею было—разскажи!?

Послушникъ.

Нѣтъ, не могу! Нельзя!.. Прошелъ почти-что мѣсяцъ,
А все еще я этой чудной ночью полнъ!
Ни рядъ эпитимій, ни тягость заточенья,
Ни худшія, чѣмъ пытки, увѣщанья ваши
Воспоминаній яркихъ прочь не унесли!
Еще я полнъ тѣхъ дивно-сладкихъ ощущеній,
И слышу ясно такъ, какъ по моимъ кудрямъ
Ея рука блуждаетъ, еле ощутима,
Какъ теплый вѣтеръ грѣетъ! Чутко билась грудь
Сквозь власяницу! Жгли, пронизывали очи...
Вся сладость свѣтской жизни быстро воскресала,
Къ себѣ манила.... О, я эту жизнь люблю!
Я не хочу неволи вашей монастырской!
Въ мой неспокойный сонъ сбѣгаются, какъ волны,
Всѣ чары прежнія, испытанныя мной.
Люблю я шумъ знаменъ, а не хоругвей шелестъ,—
Бряцаніе мечей, не звяканье кадилъ!
Люблю веселый конскій топотъ по дорогѣ,
А не чуть слышныя движенья скромной братьи,
Скользящей у гробницъ! Люблю я блескъ парчи,
Не той, которую съ изображеньемъ ликовъ
Святыхъ, вы носите, служа у алтарей,—
А той, которую съ широкой, мощной груди
Моихъ герольдовъ вѣрныхъ, съ чернымъ леопардомъ

Въ лазурномъ полѣ, въ звѣздахъ, нѣкогда видали
Верхи блестящіе и стѣны Аскалона!
Я женщину люблю, но только не святую,
Не изнуренную молитвой и постомъ...
Оставьте-же меня! Я вовсе не изъ вашихъ,
Я вамъ отдамъ все, все, что буду я имѣть,
Сокровищницы прадѣдовъ моихъ почившихъ,
Имущество отца... Но дайте мнѣ свободу!

Монахъ.

Невѣрно понимаешь ты, мой юный сынъ,
Благотворенья нашей очень доброй церкви!
Наказываемъ мы совсѣмъ не самый грѣхъ,
А видимость грѣха! Грѣхъ наказуемъ Богомъ,
А небо милосердно! Вотъ тебѣ примѣръ:
Тамъ, гдѣ Тюрингія зелеными холмами
Лежитъ красиво; тамъ, гдѣ Бѐрнгардъ проповѣдалъ,
И блѣялъ агнцемъ, какъ онъ говорилъ, въ молитвѣ—
Разъ посѣтилъ я монастырь святой Елены.
Одна монахиня у нихъ бѣжала въ свѣтъ,
Увлечена, какъ ты, алчбою плотской жизни.
Но приключилось то, чего не ожидали!
Мать Богородица, узнавши о побѣгѣ,
Сама сошла въ счастливый этотъ монастырь;
Всѣ службы за бѣглянку вѣрно отправляла
Пока бѣглянка, грѣшной жизнью насладясь,
Грѣхомъ пресыщена, усталая, вернулась...
И монастырь тогда бѣглянку эту принялъ...

Мой сынъ! Монашество не вовсе лишено
Всѣхъ, данныхъ Господомъ, житейскихъ наслажденій,—
Къ каноникамъ больнымъ сама Марія сходитъ,
Даетъ имъ ощущать себя... Да, вотъ взгляни:
Изъ-за рѣшетки этой, мрачно возвышаясь,
На насъ съ тобой ближайшая гробница смотритъ...
Въ ней—женщина лежитъ! Она была моею
Въ монашествѣ и насъ не разлучали съ ней...
Что, если-бъ и тебѣ такое-жъ обѣщанье?!

Послушникъ.

Ее! Сюда? Ко мнѣ!

Монахъ.

Не даромъ, погоди!
Укрыть ее въ своемъ монастырѣ мы можемъ...
И можешь также ты порою, покидая
Нашъ тихій монастырь для сбора подаяній,
Отъ нашихъ глазъ свободно съ нею уходить;
И можешь, опоясавшись мечомъ, монахомъ
На схизматическомъ востокѣ подвизаться...
И это все зависитъ только отъ тебя!

Послушникъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Я не могу... Чтобъ до плиты могильной
Каноны ваши пѣть и вѣчно притворяться!
И кто-же можетъ поручиться мнѣ, что вы
Вновь не обманете, обманомъ залучивши?

Я все отдамъ, что есть, забуду то, что дамъ,
Уйду и стану васъ благословлять! Пустите...

Монахъ.

Намъ нуженъ ты, а не одни твои богатства!
Ты и богатства нужны! Римскому престолу
Въ великомъ шествіи его къ всемірной власти
Большія нужны имена! Ты, видишь, имя!..
Отцомъ своимъ ты данъ сюда на исправленье;
Отецъ твой былъ въ живыхъ...

Послушникъ.

Ты говоришь: онъ былъ?
А развѣ нѣтъ его?

Монахъ.

Скончался вѣрнымъ сыномъ
Святой, вселенской церкви. Быстро умеръ онъ...

Послушникъ.

Убитъ!?

Монахъ.

Невѣдомой ни для кого рукою.
Онъ былъ въ капеллѣ, при дорогѣ, на моленьѣ
И шелъ, чтобъ посѣтить тебя. Рука убійцъ....

Послушникъ.

Ужъ не копьемъ-ли мѣднымъ отъ страстей Христовыхъ,
Что тамъ блеститъ у васъ, надъ вашимъ алтаремъ?!

Монахъ.

Кинжаломъ....

Послушникъ.

Лучше-бы отравой въ причащеньѣ!
Свершили!... Аспиды!

Монахъ.

И тѣ—Господни твари!
Ты, видишь-ли, судьба сама тебя вела
Къ святой обители путемъ весьма понятнымъ...
Но ты повѣдай мнѣ: какъ ты пробрался въ садъ?
Не такъ-ли было это: будто тихій келарь
Тебѣ пришелся по-сердцу; вы сговорились,
И это самое кольцо ему ты далъ?
(Показываетъ кольцо.)
И это вотъ письмо, ты тоже съ нимъ отправилъ?
(Показываетъ письмо.)
Ну, взвѣсь и разсуди: желаешь-ли ея?
Она—за этой дверью, близко по сосѣдству,
И явится сюда сейчасъ меня смѣнить?

Послушникъ.

Сейчасъ!?...

Монахъ.

Сейчасъ! Чуть да, иль нѣтъ произнесешь:
Блѣдна немножко стала! Знаешь-ли: тюрьма!
Тюремщики—народъ не то чтобы изъ кроткихъ
И противъ воли нашей иногда радѣютъ...

Послушникъ.

Пускай идетъ скорѣй!

Монахъ.

Богъ вразумилъ тебя!..
Такъ, значитъ, ты согласенъ?

Послушникъ.

О, конечно—да!
Я вашъ—берите! Но ее отдайте,
Мнѣ безъ нея—нельзя! Вся жизнь моя—она!..

(Монахъ открываетъ боковую дверь. Видна женщина, красивая, но очень блѣдная, поддерживаемая двумя тюремщиками.)

